

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ФОЛЬКЛОРУ
И МИФОЛОГИИ
ВОСТОКА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. С. БРАГИНСКИЙ,
Е. М. МЕЛЕТинский,
С. Ю. НЕКЛЮДОВ (секретарь),
Е. С. НОВИК,
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ (председатель),
Б. Л. РИФТИН,
С. С. ЦЕЛЬНИКЕР

Г. Л. Пермяков

**ОСНОВЫ
СТРУКТУРНОЙ
ПАРЕМИОЛОГИИ**

Москва 1988

Составитель и автор вступительной статьи

Г. Л. КАПЧИЦ

Рецензенты

М. С. ХАРИТОНОВ, Т. В. ЦИВЬЯН

В книге содержатся публиковавшиеся ранее статьи, а также материалы из архива автора — известного советского фольклориста, посвященные проблемам структурной паремнологии.

П 4604000000-106 109-88
013(02)-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока», выпускаемая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» с 1969 г., знакомит читателей с современными проблемами изучения богатейшего устного творчества народов Азии, Африки и Океании. Наряду с монографическими и коллективными трудами, посвященными разным аспектам изучения фольклора и мифологии народов Востока, в серии публикуются работы сравнительно-типологического и чисто теоретического характера, в которых важные проблемы фольклористики рассматриваются не только на восточном материале, но и с привлечением устного словесного искусства других регионов.

Почетное место в ряду книг серии заняли работы покойного ученого Г. Л. Пермякова (1919—1983). Его монография «От поговорки до сказки» (1970), подготовленные им сборники «Паремнологический сборник» (1978) и «Паремнологические исследования» (вышел в свет уже после смерти составителя, в 1984 г.) пробудили значительный интерес в советской и мировой науке к вопросам структурно-типологического изучения некоторых фольклорных жанров, в первую очередь народных изречений, афоризмов, загадок. Ныне читателям предлагается книга избранных работ Г. Л. Пермякова «Основы структурной паремнологии», в которой представлены различные аспекты проблем, разрабатывавшихся покойным исследователем.

Книги, ранее изданные в серии «Исследования по фольклору и мифологии Востока»:

В. Я. Пропп. Морфология сказки. 1969.

Г. Л. Пермяков. От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише). 1970.

Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (устные и книжные версии «Троецарствия»). 1970.

Е. А. Костюхин. Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. 1972.

Н. Рошьяну. Традиционные формулы сказки. 1974.

П. А. Гринцер. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. 1974.

Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970). Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. 1975.

Е. С. Котляр. Миф и сказка Африки. 1975.

С. Л. Невелева. Мифология древнеиндийского эпоса (Пантеон). 1975.

Е. М. Мелетинский. Поэтика мифа. 1976.

В. Я. Пропп. Фольклор и действительность. Избранные статьи. 1976.

Е. Б. Вирсаладзе. Грузинский охотничий миф и поэзия. 1976.

Ж. Дюмезиль. Осетинский эпос и мифология. Пер. с франц. 1976.

Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст). Сост. Г. Л. Пермяков. 1978.

О. М. Фрейденберг. Миф и литература древности. 1978.

Памятник книжного эпоса. Стиль и типологические особенности. Под ред. Е. М. Мелетинского. 1978.

- Б. Л. Рифтин.* От мифа к роману (Эволюция изображения персонажа в китайской литературе). 1979.
- С. Л. Невелева.* Вопросы поэтики древнеиндийского эпоса. Эпитет и сравнение. 1979.
- Е. М. Мелетинский.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл ворона. 1979.
- Б. Н. Путилов.* Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. 1980.
- М. И. Никитина.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. 1982.
- В. Тэрнер.* Символ и ритуал. Пер. с англ. 1983.
- М. Герхард.* Искусство повествования (Литературное исследование «1001 ночи»). Пер. с англ. 1984.
- Е. С. Новик.* Обряды и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт сопоставления структур. 1984.
- С. Ю. Неклюдов.* Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. 1984.
- Паремнологические исследования. Сборник статей. Сост. Г. Л. Пермяков. 1984.
- Е. С. Котляр.* Эпос народов Африки южнее Сахары. 1985.
- Зарубежные исследования по семиотике фольклора. Пер. с англ., франц., румынск. Сост. Е. М. Мелетинский и С. Ю. Неклюдов. 1985.
- Ж. Дюмезиль.* Верховные боги индоевропейцев. Пер. с франц. 1986.
- Ф. Б. Я. Кейпер.* Труды по ведийской мифологии. Пер. с англ. 1986.
- Н. А. Спешнев.* Китайская простонародная литература (Песенно-повествовательные жанры). 1986.
- Я. Э. Голосовкер.* Логика мифа. 1987.
- Е. А. Костюхин.* Типы и формы животного эпоса. 1987.
- Готовятся к печати:
Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках (сб. статей).
- А. М. Дубянский.* Ритуально-мифологические истоки древней тамильской лирики.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга — часть научного наследия выдающегося советского фольклориста Г. Л. Пермякова (1919—1983). Выдвинутая им оригинальная паремиологическая теория получила широкое признание в отечественной и мировой науке. Она вызвала пересмотр традиционных представлений фольклористов о пословицах и поговорках, наметила верный путь развития структурной паремиологии.

К паремиологическим исследованиям Г. Л. Пермяков пришел с запасом ценных наблюдений, полученных из практики перевода сказок и мифов народов Азии, Африки и Океании. В конце 50-х и начале 60-х годов он познакомил советских читателей с образцами фольклора африканцев бауле, папуасов маринд-аним, бушменов хадзапи, народов Малайзии, Индонезии, а также Меланезии, Микронезии и Полинезии.

В середине 60-х годов Г. Л. Пермяков задумал издание сборника пословиц и поговорок народов Востока. В работе над сборником в полной мере проявилось его незаурядное исследовательское дарование.

Столкнувшись с необходимостью как-то расположить в книге 7 тысяч изречений 72 народов, Г. Л. Пермяков убедился в непригодности для этой цели существовавших в то время классификаций — алфавитной, лексической, монографической, генетической, тематической и пр. Все они опирались на случайные признаки, не связанные или почти не связанные с природой самих пословичных изречений.

Глубокое проникновение в исследуемый материал привело к открытию знакового характера пословиц и поговорок. Г. Л. Пермяков установил, что пословицы и поговорки — не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами. Отсюда он сделал вывод о необходимости разработать классификацию самих ситуаций. Предложенная им на первых этапах исследования языковая и логико-семиотическая классификация (по типам моделируемых в пословичных изречениях ситуаций) и легла в основу сборника «Избранные

пословицы и поговорки народов Востока», который вышел в 1968 г.

Во введении к сборнику Г. Л. Пермяков объяснил давно замеченное фольклористами сходство основных типов изречений разных народов. Оно, как оказалось, заключается в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни. Различие же состоит в образном строе изречений, в местных реалиях и понятиях, которые они отражают.

Дальнейшее изучение пословиц и поговорок помогло Г. Л. Пермякову уяснить их место в ряду других языковых и фольклорных клише, глубже разобраться в их внешней и внутренней структуре. Результаты соответствующих исследований были опубликованы в книге «От поговорки до сказки» (1970), в предисловии к сборнику «Проделки хитрецов» (1972) и в статье «К вопросу о структуре паремнологического фонда» (1975).

Используя понятия конструктивного типа предложений и мотивировки общего значения, Г. Л. Пермяков разделил все типы фольклорных клише на синтетические и аналитические формы и описал их свойства. Он ответил на вопрос о тематике паремий, показав, что она заключается в инвариантной паре противоположных сущностей, к которым сводится смысл употребляемых в той или иной паремии образов.

В 70-е годы Г. Л. Пермяков осуществил широкомасштабные паремнологические эксперименты с целью определения русского паремнологического минимума. Результаты экспериментов он обобщил в книге «300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок» (опубликована на немецком языке в 1985 г. и на болгарском — в 1986 г.).

Завершение работы ученого по созданию универсальной системы классификации пословичных изречений ознаменовалось выходом в 1979 г. сборника «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов». В нем Г. Л. Пермяков фундаментально перестроил классификационную схему, использованную в предыдущем сборнике, дополнив ее предметно-образной классификацией (по типам представленных в пословицах вещей). Выработанная им система формообразующих и предметно-тематических групп, вместе с введенными ранее типами логических трансформаций, дает верную картину всего пословичного фонда в целом и исчерпывающую характеристику каждого изречения в отдельности. При этом изречение, занимающее в системе строго определенное место, оценивается в двух смысловых планах — логико-семиотическом (в качестве знака и модели логической ситуации) и в плане реалий (в качестве образного текста).

Г. Л. Пермяков внес большой вклад в организацию и разви-

тие сотрудничества паремнологов разных стран. Он являлся составителем и редактором «Паремнологического сборника» (1978) и «Паремнологических исследований» (1984) — коллективных трудов, включивших статьи известных советских и зарубежных ученых.

Идеи, выдвинутые Г. Л. Пермяковым, получили широкое распространение. Часть его работ переведена на европейские языки, о его исследованиях написаны многочисленные рецензии и статьи.

* * *

В книгу «Основы структурной паремнологии» вошли материалы, указанные Г. Л. Пермяковым в наброске плана ее издания. Среди них: отрывки из «Грамматики пословичной мудрости» (введение к сборнику «Пословицы и поговорки народов Востока»), глава о характере мотивировки общего значения из книги «От поговорки до сказки» (с поправками, сделанными автором для английского издания), введение к сборнику «Проделки хитрецов», статья о структуре паремнологического фонда из сборника «Типологические исследования по фольклору», статья о смысловой структуре пословичных изречений из «Паремнологического сборника» и другие материалы. В особый раздел отнесены труды Г. Л. Пермякова о паремнологическом минимуме на материале русских народных изречений. В нем впервые публикуется список «500 наиболее употребительных русских пословичных изречений», полученный в результате паремнологических экспериментов. В Приложении помещены Универсальный тематический указатель, некоторые примечания из сборника «Пословицы и поговорки народов Востока», а также материалы из архива* автора — статья о структуре паремнологического знака и разрозненные заметки. Завершают сборник аннотированный список трудов Г. Л. Пермякова и перечень основных рецензий на его труды.

Подбор публикуемых материалов и порядок их расположения в сборнике позволяют, как нам кажется, получить целостное представление о паремнологических идеях Г. Л. Пермякова, проследить зарождение и последовательность развития разработанной им теории жанра.

Некоторые материалы, включенные в сборник, сокращены. Изменены заголовки ряда статей. Составлен единый список статей, монографий и источников иллюстративных примеров, которыми автор пользовался для написания работ, представленных в сборнике, и соответственно изменены номера отсылок к ним.

* Архив Г. Л. Пермякова хранится в Институте востоковедения АН СССР. Здесь и далее звездочкой помечены примечания составителя.

В заключение — несколько слов благодарности. Консультативную помощь составителю оказывала кандидат филологических наук Е. Н. Саввина. Творческий вклад в подготовку книги к печати внесла вдова покойного ученого Н. И. Рашба.

* * *

В архиве Г. Л. Пермякова есть черновик заявки на книгу, написанный 20 февраля 1982 г. В нем, в частности, говорится: «Считаю целесообразным издать сборник моих статей по вопросам структурной паремиологии. В него войдут работы, написанные за последние 15 лет (как опубликованные, так и неопубликованные). Собранные вместе, они предстанут в новом качестве — как разработки разных сторон современной теории паремиологии — филологической дисциплины, изучающей изречения разного рода, и прежде всего народные. Эта дисциплина сложилась главным образом благодаря трудам советских ученых и в настоящее время признана специалистами многих стран».

Сборник, о котором писал Г. Л. Пермяков, перед Вами, дорогой читатель.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЛОВИЧНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ. СИСТЕМА ЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОСЛОВИЦ *

I

Каждый, кто имел дело со сборниками пословиц и поговорок, знает, как трудно бывает найти в них нужное изречение или хотя бы установить, что такового там нет. При существующей практике издания одна и та же пословица в разных сборниках попадает в совершенно различные разделы. Более того, в одном и том же сборнике сходные и просто одинаковые изречения оказываются в разных разделах. Это относится даже к такому образцовому изданию, как сборник В. И. Даля «Пословицы русского народа». В свою очередь, составители и редакторы сборников испытывают наибольшие трудности именно в размещении пословичного материала и его рубрикации. Все дело — в отсутствии единой и сколько-нибудь удовлетворительной классификации изречений.

Разумеется, потребность в такой классификации не ограничивается удобствами читателей или редакторов. Вопрос о научной классификации пословиц и поговорок — коренной вопрос современной паремиологии¹, без решения которого не может развиваться сама эта наука.

В настоящее время существует несколько типов классификации пословичных изречений. Остановимся на важнейших из них.

1. **А л ф а в и т н а я** классификация. Она требует размещения пословиц в алфавитном порядке в зависимости от начальных букв первого слова. Так расположены пословицы и поговорки

* Статья представляет собой переработанное автором предисловие к сборнику «Избранные пословицы и поговорки народов Востока» (М., «Наука», 1968). В настоящем виде она вошла в «Грамматику пословичной мудрости» — введение к книге «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов» (М., «Наука», 1979).

¹ Наука, изучающая пословицы и поговорки. Название происходит от греческого слова *παροιμία*, что значит «изречение», «притча».

в большинстве старинных русских сборников и во многих современных изданиях, в частности в источниках № 55, 81 и др. Неоспоримым достоинством алфавитной системы является ее простота. Однако при таком способе размещения варианты одной и той же пословицы, начинающиеся с разных букв, попадают в разные места. Особенно неудобен этот способ для классификации переводных пословиц, ибо любое изречение можно перевести так, что оно будет начинаться с какой угодно буквы.

2. Классификация по опорным словам (она же лексическая или энциклопедическая) подразумевает распределение пословиц по тем узловым словам, из которых данное изречение состоит. Так, пословицу «Куй железо, пока горячо» можно отнести в группу, объединяющую все изречения о кузнецах и ковке, а также в группу, которая говорит о железе (или других металлах), и в группу, посвященную всему горячему. Так обычно распределяет свой материал наш советский паремиолог А. Жигулев и многие зарубежные, в частности немецкие, исследователи. Этот способ удобен для отыскания некоторых, уже известных пословиц, но плох тем, что при нем одинаковые по смыслу, но разные по лексическому составу изречения попадают в разные группы, а близкие по словам, но разные по смыслу — в одну.

3. Монографическая классификация строится на группировке пословиц по месту или по времени их собирания и по собирателю. Именно так составлена книга «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков», выпущенная издательством АН СССР в 1961 г. Этот способ классификации и публикации пословиц очень удобен для изучения истории вопроса, но, как и два предыдущих, он абсолютно не гарантирует от многочисленных повторов и внутренней неупорядоченности.

4. Генетическая классификация разделяет материал по признаку происхождения, в частности по языкам и народам, его породившим. По этому принципу составлен известный сборник пословиц и поговорок, выпущенный Издательством восточной литературы (62). Генетическая система повторяет многие особенности монографической, в том числе все главные ее недостатки, связанные с бесконечным повторением одинаковых текстов.

5. Тематическая классификация предполагает распределение пословичных изречений по темам высказывания, т. е. по их содержанию. Так, пословицу «Сапожник — без сапог» она отнесет в группу о жизни (труде) сапожников, шире — ремесленников, еще шире — трудящихся вообще. Такова система классификации В. И. Даля и подавляющего большинства советских паремиологов. Тематическая классификация позволяет отвлечься от многих необязательных (чисто внешних) элемен-

тов изречения и обратить внимание на более существенное в нем. Однако и эта система не лишена ряда серьезных недостатков. Во-первых, большинство пословичных изречений (собственно пословицы и поговорки) употребляются в переносном смысле, т. е. отличаются многозначностью, и потому не могут быть втиснуты в рамки одной узкой темы. Во-вторых, все предметно-тематические классы, предлагаемые паремиологами, взаимно перекрещиваются и потому не дают (и не могут дать) однозначного решения. В самом деле, куда следует поместить пословицу о «жадности богачей», если в сборнике (и в системе) есть отдельный раздел о жадности и отдельный — о богачах? И наконец, в-третьих, сама разбивка на тематические группы весьма произвольна и каждым исследователем и составителем сборника решается по-своему.

Таким образом, каждая из описанных систем обладает своими достоинствами и недостатками и может с тем или иным успехом применяться в отдельных случаях. Однако эти системы страдают одним общим пороком: все они опираются на случайные признаки, не связанные или почти не связанные с природой самих изречений. Именно поэтому ни одна из существующих ныне систем классификации пословиц и поговорок не может служить основой для создания объективной теории жанра.

Вот почему при составлении настоящего сборника мы не стали руководствоваться ни одной из принятых систем, а попытались расположить материал согласно его собственной природе.

* * *

Какова же природа пословиц и поговорок²?

Ответить на этот вопрос оказалось не так-то просто. Во-первых, до сих пор точно не установлено, что следует относить к названному жанру (105, 11)*. Во-вторых, пословицы и поговорки представляют собой весьма сложные образования, имеющие несколько разных планов. Все паремиологи в той или иной форме отмечают эту особенность пословичных изречений. С одной стороны, пословицы и поговорки — явления

² Здесь уместно заметить, что выражение «пословицы и поговорки» является термином, обозначающим название фольклорного жанра, а не только перечисленных в нем двух типов изречений. В ряде языков, в частности осетинском, корейском и многих других, соответствующее понятие выражается одним словом.

* Цифрами в скобках обозначены номера работ, приведенных в списках использованной литературы. При этом обычным шрифтом помечены материалы из списка А (источники текстов), а курсивом — из списка Б (научные исследования). Цифрами после запятой обозначены страницы в соответствующих изданиях или номера текстов.

языка, устойчивые сочетания, во многом сходные с фразеологическими оборотами. С другой — это какие-то логические единицы, выражающие то или иное суждение. С третьей — это художественные миниатюры, в яркой, чеканной форме обобщающие (а точнее, моделирующие) факты самой действительности (см. 5, 9; 7, 10; 105, 17; 123, 516, 517, 521; 155, 13; 157, 525 и др.).

Очевидно, прежде всего следовало разобраться, что же такое пословицы и поговорки, причем рассмотреть их во всех основных аспектах, т. е. как явления языка, как явления мысли и как явления фольклора.

Дело, естественно, осложнялось тем, что нам предстояло работать с переводным материалом. Правда, по свидетельству специалистов, качество переводов было вполне хорошим. Кроме того, во всех сложных случаях мы могли прибегать (и прибегали) к аналогичным русским пословицам. Тем не менее это накладывало известные ограничения: приходилось оперировать лишь наиболее общими признаками, относящимися ко всем языкам или по крайней мере к большинству из них.

II

Еще до того как начать подробный разбор пословичного материала, мы решили ограничить его лишь «несомненными» текстами, которые причисляются к пословицам и поговоркам всеми или почти всеми паремнологами. Это позволило нам сразу же освободиться от разного рода загадок, головоломок, шуточных вопросов, примет, хозяйственных рекомендаций, юридических правил и медицинских советов, явно не относящихся к интересующему нас жанру, хотя и близких к нему по форме³. После этого можно было приступить к лингвистическому анализу.

Пословиц и поговорок существует великое множество. По данным М. Шахновича, одних лишь русских народных изречений к середине тридцатых годов нашего века насчитывалось свыше трехсот тысяч (159, 353). Неудивительно, что они являются исключительное разнообразие всех и всяческих форм. Пословицы и поговорки различаются по количеству слов, по грамматической полноте высказывания, по морфологическим типам словосочетаний, по конструктивным типам предложений, по их синтаксическим и коммуникативным типам, по характеру «актуального членения» (т. е. по распределению логических ак-

³ Одни из них отличаются от пословиц и поговорок своей целевой направленностью, другие — отсутствием эстетического начала, третьи — и тем и другим одновременно. Но самое главное, что в отличие от пословиц и поговорок все эти тексты имеют иную внутреннюю структуру, что будет видно из дальнейшего изложения.

центов) и ряду других признаков, а также по различному их сочетанию.

Единственное, что объединяет столь разнородные тексты в одну языковую категорию,— это известное постоянство их облика. Все они являются устойчивыми сочетаниями слов, или, как говорят языковеды, представляют собой клише⁴. Подобно типографским печатным формам, они употребляются целиком и в таком более или менее неизменном виде фигурируют в устной и письменной речи. Правда, устойчивыми, или клишированными, бывают не только пословицы и поговорки. Разного рода фразеологические обороты (типа «заклятый враг» и др.), составные термины (вроде «железная дорога»), служебные сочетания («тем не менее» и «и тому подобное»), наконец, всевозможные «литературные», газетные и разговорные штампы (типа «так сказать», «на сегодняшний день» и т. п.)— все это тоже клише. Однако в отличие от пословиц и поговорок эти клише — чисто языковые, тогда как пословицы и поговорки — не только явления языка, но, как уже отмечалось, более сложные образования. Впрочем, об этой стороне дела мы будем подробно говорить позднее. Здесь же подчеркнем только то, что все они выступают в виде клише, т. е. в готовой и устойчивой форме⁵ (4, 442; 105, 11; 157, 520 и др.).

Рассмотрим же основные формальные признаки, отличающие одни пословичные клише от других.

Языковеды давно различают прямое и переносное значение слова. Так, слово «нос» в предложении «У него посинел нос» и такое же слово в предложении «Нос баржи был заставлен бочками» обладают одинаковой внешней формой, но их внутреннее содержание, или их смысл, совершенно различен. В первом случае речь идет об обычном носе в прямом значении этого слова, а во втором — о передней части судна, т. е. о носе в переносном значении (см. 116, 49—50). Сходное явление наблюдается и в области пословиц и поговорок. Сравните два изречения: 1) *Сколько мудрецов, столько и мнений* и 2) *Алмаз и в грязи блестит*. В первом из них говорится о мудрецах и их мнениях. И именно это и имеется в виду. Подразумевается, что каждый мудрец имеет свое особое мнение, не похожее на

⁴ Данный термин происходит от французского слова «клише». Так называют металлическую или деревянную печатную форму с рельефным рисунком, служащую для воспроизведения иллюстраций.

⁵ В данной связи мы не касаемся случаев намеренного изменения или искажения текста пословиц и поговорок. (Кстати сказать, сами эти случаи, как и наличие вариантов у многих пословиц, не только не противоречат тезису об их устойчивости, но, напротив, лишний раз подтверждают его. Пословицы только потому и можно видоизменять, что каждый носитель языка хорошо знает их основную, исходную форму. Ср., например, заголовок статьи в газете «Не театром единым...» и исходное изречение *Не хлебом единым жив человек.*)

мнение других. Во втором клише речь как будто бы идет об алмазе, попавшем в грязь. На самом же деле здесь сообщается о любом хорошем объекте (предмете или человеке), который и в плохих (тяжелых) условиях («в грязи») сохраняет свои достоинства. Иначе говоря, первое изречение имеет прямой смысл, а второе переносный, или, точнее, первое содержит прямую мотивировку смысла, а второе — образную. Это свойство пословичных изречений отмечают многие паремиологи (см., например, 5, 9; 6, 37—39; 44, 18—20; 105, 16; 122, 519—520; 157, 522—523 и др.).

Следует, однако, заметить, что различия внутри пословиц и поговорок по данному признаку не всегда так отчетливы, как в приведенных выше примерах. Дело в том, что многие (хотя далеко не все) изречения с образной мотивировкой имеют не только переносный, но и прямой смысл, как в той же пословице про алмаз. С другой стороны, изречения с прямой мотивировкой могут содержать отдельные словесные образы, т. е. пользоваться словами в переносном смысле. Когда мы говорим *Кончик языка мягок, а жалит*, мы употребляем последнее слово в качестве метафоры. Никто не думает, что кончик языка действительно кого-нибудь жалит в точном значении этого понятия. Но метафоричность отдельных слов не меняет общего смысла высказывания. Он по-прежнему остается прямым. Тут происходит то же, что и в обычной речи. Говоря «идет дождь» или «чайник закипел», мы пользуемся разными словесными образами (в первом случае — метафорой, т. е. отождествлением по сходству действия, а во втором — метонимией, т. е. отождествлением по смежности в пространстве). Но эта образность — на лексическом уровне: она придает словам большую выразительность, однако не делает смысл всего высказывания переносным. Именно поэтому афоризм *Перо сильнее меча* относится к текстам с прямой мотивировкой общего значения, хотя каждое его слово употреблено в переносном смысле (первое и последнее — в качестве метонимии, а среднее — в качестве метафоры)⁶.

Признак грамматической завершенности всегда считался решающим или по крайней мере очень существенным для классификации пословичных изречений, и в первую очередь для отделения собственно пословиц от поговорок. И хотя разные исследователи по-разному отвечают на вопрос о сущности этих изречений, все они сходятся на том, что пословицы имеют вид предложения (т. е. отличаются грамматической завершенностью), а поговорки — лишь его части (т. е. грамматически незавершенны). При этом все отмечают близость пословиц и

⁶ Более подробно вопрос о характере мотивировки общего значения пословиц и поговорок освещен в нашей работе «От поговорки до сказки» (91), где ему посвящена специальная глава.

поговорок друг к другу и зыбкость границ между ними (см., например, 6, 8; 44, 18—20; 122, 515 и др.).

Чтобы верно понять языковую структуру пословиц и поговорок, и в частности затронутый выше вопрос об их грамматической завершенности, нам снова придется прибегнуть к помощи лингвистики.

В современной науке о языке четко разграничиваются понятия язык и речь. Под языком понимают систему знаков⁷, обязательную для всего общества (народа) в целом и не зависящую от отдельных индивидов; под речью, напротив, разумеют индивидуальную акцию, служащую для передачи сообщения от одного человека к другому. Речь может быть громкой и тихой, внятной или невнятной, шепелявой или напевной; язык же всегда один, общий для всех. В речи проявляются особенности каждого говорящего (или пишущего) индивида; в языке содержится лишь то общее, что объединяет все индивидуальные речи и делает их понятными другим людям. Речь может существовать лишь на базе единого общего языка; язык, в свою очередь, практически существует лишь в индивидуальной (или групповой) речи (116, 25—28).

К числу вещей, существующих в речи, но относящихся ко всему языку и потому понятных для всех говорящих на нем людей, принадлежат и пословичные клише.

Практически к пословицам и поговоркам причисляют клише трех видов грамматической завершенности:

А) отдельные сочетания слов типа *Оставил корову сторожить сено*;

Б) самостоятельные предложения вроде *Сорванное яблоко обратно не прирастет* и

В) целые рассказы или сценки наподобие следующей: *Верблюду сказали: — Поздравляем, тебя сам царь вызвал! — Знаю, — ответил тот, — или в Кохб за солью пошлет, или в Шарур за рисом.*

Клише типа А и клише типа Б выступают в речи (не в языке) в виде предложений: 1) «*Имярек оставил корову сторожить сено*», 2) «*Сорванное яблоко обратно не прирастет*». Только одно из них, соответствующее первому клише, пополнимо словами (имярек) из речевого контекста, тогда как другое не имеет переменных членов и клишировано от начала до конца. Что касается третьего клише (В), то оно и в языке, и в речи представлено несколькими предложениями, т. е. образует сверхфразовое единство.

Клише первого типа (А) принято именовать поговорками. Клише второго типа (Б) — пословицами. А клише третьего типа (В) удобнее всего называть побасенками

⁷ А именно значащих частей слова — морфем, самих слов — лексем и пра-

(ср. 6, 17). Взаимные отношения этих трех типов клише наглядно выявляются в следующей таблице.

Таблица 1

Синтаксическая завершенность (полнота) клише	Вид изречения
1. Незамкнутое предложение, пополняемое из речевого контекста	Поговорка
2. Замкнутое предложение, состоящее из одних постоянных членов	Пословица
3. Сверхфразовое единство (сценка)	Побасенка

Вспомним, однако, что говорилось ранее о прямой и образной мотивировке, и попытаемся увязать деление пословичных изречений по этому признаку с только что установленными типами клише. И тут окажется, что все эти типы могут существовать в двух видах — как с прямой, так и с образной мотивировкой.

Но что это за пословицы или поговорки (а тем более побасенки) без переносного смысла, сказанные «в лоб»? Ведь еще Даль подчеркивал иносказательный характер названных изречений (см. 44, 18 и 20). Если мы про кого-то скажем, что он *ест неладно, говорит нескладно*, то тут не будет никакого намека или иносказания. Все выражено прямо, без всяких обиняков. А по своей внешней форме это клише в точности соответствует поговорке (тип А). По этой же причине — иному характеру мотивировки — отличается от пословицы изречение *Каждый доволен своим умом* или *Свое дело делай сам* (тип Б). И лишь внешне напоминает побасенку сценка такого рода: *Отец, долго ли нам еще терпеть такую бедность? — Сорок дней. — А потом? — Привыкнем* (тип В).

Очевидно, все эти изречения следует отличать от подлинных пословиц, поговорок и побасенок.

Клише типа Б, но с прямым смыслом, которые В. И. Даль в отличие от пословиц именовал «пословичными изречениями», пожалуй, лучше всего называть «народными афоризмами» или просто афоризмами. В переводе на русский язык это слово означает изречение (и совсем не обязательно книжное) и в паремиологической литературе употребляется довольно часто, хотя и без точного прикрепления к определенному виду изречений (см., например, 6, 8; 157, 507).

Клише типа А, имеющие в отличие от поговорки прямой смысл, по нашему мнению, удобнее всего называть *присловьями*. Во-первых, этот термин «свободен», причем обычно употребляется в том же смысле, что и слово «поговорка».

Во-вторых, значительная часть клише типа А, имеющих прямой смысл, представляет собой разного рода сравнительные обороты — прилагательные, приименные и принаречные, т. е. состоящие при каком-нибудь слове (ср., например, *Звенит, как пустой кувшин*).

Что касается сценок с прямым смыслом, по форме соответствующих побасенкам (тип В), то их давно уже принято называть анекдотами.

III

Чуть ли не в каждом предисловии к национальному сборнику пословиц и поговорок говорится, что собранные в нем изречения ярко отображают быт, нравы, обычаи и прочие специфические особенности создавшего их народа. И верно, в пословицах и поговорках, как и в любом другом жанре фольклора, находит свое отражение все, чем живет и с чем сталкивается тот или иной народ на протяжении веков. Здесь и полный набор этнографических реалий, начиная от орудий труда и кончая нарядами, и всесторонняя характеристика географической среды с ее ландшафтами, климатом, животным и растительным миром; здесь и воспоминания о давно минувших событиях и выдающихся исторических личностях, отзвуки древнейших религиозных воззрений и подробная картина современной организации общества⁸.

Но что примечательно: при всей своей специфичности сборники пословиц и поговорок самых разных народов очень сходны друг с другом. Какой бы из них ни попал к вам в руки, стоит только его открыть, как вы тут же наткнетесь на знакомое изречение. При более внимательном чтении такие находки учащаются и наконец перейдут в систему. Если полистать издания азербайджанских, армянских, арабских, курдских, персидских, осетинских и турецких пословиц и поговорок, то в каждом из них найдете пословицу о сапожнике, который ходит босым (т. е. без сапог) или в дырявой обуви. Близкие к этому изречения есть в китайских, индийских, японских и многих других (в том числе африканских и европейских) сборниках. То же самое можно сказать и о других известных пословицах и поговорках.

В чем же тут дело? Почему пословичные изречения разных народов мира совпадают друг с другом? Ученые-паремиологи по-разному отвечают на эти вопросы. Одни из них объясняют сходство пословиц и поговорок этническим и языковым родством народов (см. 7, 37; 47, 327—328; 159, 326); другие — заим-

⁸ Нам думается, нет нужды останавливаться на этом более подробно и подкреплять сказанное примерами, ибо данный вопрос достаточно широко освещен в паремиологической литературе (см., например, 4, 430—437; 6, 27; 15, 4; 27, 24; 24, 21; 129, 205; 207; 157, 523; 159, 360 и др.).

ствованиями, обусловленными хозяйственными и культурными контактами (6, 18; 7, 35—36; 89, 12; 129, 201—202; 159, 315); третьи — сходством исторического опыта и «однородностью идеологии» на одинаковых ступенях общественного развития (см., например, 6, 11—12; 159, 343).

И действительно, у народов, находящихся в близком родстве, больше пословиц, имеющих буквальное сходство, чем у народов из разных языковых семей; а у соседних народов, связанных многовековыми контактами, больше буквально совпадающих изречений, чем у народов, не имевших непосредственного общения. И конечно же, у народов, равно имеющих классово дифференцированное общество, будет больше сходных пословиц (хотя бы за счет изречений о богатых и бедных), чем у любого из этих народов и какого-нибудь отсталого племени, не знающего имущественного неравенства.

Однако и у народов, не состоящих в родстве, не имеющих и не имевших общения друг с другом и находящихся на разных ступенях общественного развития, тоже встречаются одинаковые по смыслу пословицы. Сравните два изречения: 1) *Лесной клоп своей вони не чувствует* и 2) *Из своего рта запаха не замечаешь*. Обе пословицы утверждают одно и то же. А между тем первая принадлежит жителям Южной Африки — зулусам, а вторая — японцам. Столь же близки друг к другу афоризм аборигенов Новой Зеландии — маори *Когда умирает вождь, другой готов занять его место* и русская пословица *Свято место пусто не бывает*. Подобных примеров можно привести сколько угодно. Стало быть, ни родство, ни контакты, ни даже сама история народов не являются решающими причинами сходства. Видимо, чтобы разобраться в этом вопросе, надо подойти к делу совсем по-иному.

Попытаемся же сначала точно установить, в чем совпадают и чем различаются пословичные изречения разных народов. Возьмем для примера те же пословицы о сапожнике без сапог. Даргинцы, которые славятся своими оружейными мастерами, в соответствующем случае скажут: *У оружейника в ножнах клинка не бывает*; вьетнамцы, привыкшие жевать бетель, заметят: *У кузнеца никогда нет ножа для бетеля*; тамильцы, спящие на циновках, скажут: *Плетущий циновки на голой земле умирает*; китайцы вспомнят пословицу *В доме плотника нет скамейки, у ворот прорицателя черти песни поют* (последнее замечание насчет прорицателя станет понятным, если учесть, что в старом Китае прорицателей приглашали отгонять от домов нечистую силу); японцы в тех же случаях воспользуются иной пословицей: *Красильщик в некрашенных хакама (шароварах) ходит*; по-адыгски аналогичное изречение будет выглядеть так: *Кожевник остается без плети*; на языке пушту (афганском): *В доме гончара не найдешь целой посу-*

ды; по-бенгальски: *У кровельщика крыша дырявая*, а по-киргизски: *Ткач бязи не получает бязи*.

У каждой из этих пословиц свой набор образов, свои, связанные с местными особенностями реалии: у даргинца — оружие, у тамила — циновка, у японца — шаровары «хакама» и т. д. Но смысл всех этих изречений, или, точнее, логическая форма их содержания, абсолютно совпадает. Все они, хотя и по-своему, утверждают одно и то же: производитель материальных благ сам остается без этих благ или не может этими благами пользоваться. Точно в таком же отношении находятся и пословицы типа нашей *На безрыбье и рак рыба*. По-вьетнамски она выглядит так: *Нет рыбы — почитают и краба*; по-армянски: *Нет коня — и осел сгодится*; на языке ашанти: *Если нет мяса, и грибы идут в суп*; по-китайски: *Когда не хватает киновари, то и краснозем дорог*; по-телугски: *В деревне, где нет коров, и бесплодная буйволица — Маха Лакшми* (т. е. богиня счастья); по-персидски: *Где нет фруктов, там и свекла за апельсин сойдет*; а по-древнеиндийски: *Где нет деревьев, и касторовый куст — дерево*.

Вся разница между приведенными пословицами, вся их этническая, географическая и прочая специфика — в их образном строе, в местных реалиях и понятиях, и только в них. А все общее — в их логическом содержании, в характере передаваемых ими отношений между вещами реальной жизни. (В данном случае — это утверждение, что при отсутствии лучшей вещи и худшая может ее заменить.)

Характер отношения между вещами и составляет основной смысл всякой пословицы и поговорки. Это наглядно подтверждается следующим примером: каждому не раз доводилось употреблять «к слову» то или иное народное изречение, но как мы узнаём, какое из них надо взять? Если, допустим, речь идет о каком-нибудь небольшом (по росту или по возрасту), но хорошем и умном человеке, опытном и умелом работнике, мы тут же вспомним пословицу *Мал золотник, да дорог*, а если говорится о человеке, умеющем выпутаться из любых неприятностей, нам в голову, конечно, придет известная поговорка *Сухим из воды выходит*. И это вполне естественно, ведь каждое из упомянутых изречений соответствует описанной ситуации, т. е. передает то же соотношение объектов, о котором шла речь. Иначе говоря мы подбираем клише по характеру ситуации. Но тогда выходит, что пословицы и поговорки (как и другие изречения данного жанра) — не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами.

А раз они знаки, то не так важна их «отделка», их внешняя образность, как то, что они означают, какова суть передаваемой ими жизненной (или мыслимой) ситуации. Это хоро-

шо видно на примере знаков, связанных с правилами уличного движения. Так, водителю автомашины безразлично, повернулся к нему регулировщик грудью или спиной или — при отсутствии регулировщика — на светофоре зажегся красный свет: ведь и первое, и второе, и третье означает одно и то же (а именно «путь закрыт»).

Вот почему и у народов, не знающих железа, может существовать пословица типа *Куй железо, пока горячо*, хотя они скажут ее как-нибудь по-иному, вроде: *Лепи из глины, пока она сырая* или: *Готовь тыкву, пока не погас огонь*⁹ — ведь все эти тексты означают одно и то же: «Надо делать дело, пока не поздно».

По той же причине все национальные сборники пословиц и поговорок так похожи один на другой, несмотря на стремление составителей отобрать наиболее специфические изречения того или иного народа. В пословичном фонде любого языка можно найти соответствие для каждой пословицы и поговорки другого языка. Но именно соответствие, а не точно такую же пословицу. У них будет тот же смысл, то же соотношение объектов, но сами эти объекты (реалии) будут иными.

Со знаковой природой пословичных изречений связано и следующее обстоятельство.

Коль скоро пословицы (а также афоризмы, присловья и поговорки) — знаки каких-то жизненных или мыслимых ситуаций, то сами эти ситуации относятся ко всем изречениям, их обозначающим, как инварианты — к своим вариантам. Иначе говоря, все пословицы с одним смыслом (выражающие одну ситуацию) являются вариантами, а сама эта ситуация — их инвариантом¹⁰. Но если так, то, чтобы классифицировать пословицы по их смыслу, следует разработать классификацию самих ситуаций. Именно это мы и попытались сделать.

Прежде всего мы распределили весь наш материал (около семи тысяч пословичных изречений семидесяти двух народов Востока) по логико-тематическим группам, собрав вместе все изречения, в которых говорилось об отношении производителей благ к этим благам (*Сапожник без сапог* и т. п.), или о соотношении величины предмета и его значимости (*Мал подлесок, а горы сохраняет* и т. п.), или об отношении причины и следствия (*Нет дыма без огня* и т. п.) и др. Оказалось, что подоб-

⁹ Первая из этих пословиц — восточноафриканская (суахили), а вторая — древнееврейская.

¹⁰ Слово «инвариант» буквально означает «неизменяющийся». Обычно употребляется как математический термин, означающий выражение, остающееся неизменным при определенных преобразованиях переменных, связанных с этим выражением. Мы пользуемся этим словом в таком же смысле, понимая под инвариантом то устойчивое и постоянное, что содержится во всех соответствующих вариантах (т. е. переменных, изменяемых формах или разновидностях).

ных групп у нас не так уж и много — чуть более ста. При этом многие из получившихся групп были очень сходны друг с другом по типу отношений между упоминающимися в пословицах объектами.

Так, в логико-тематической группе под условным названием «Причина и Следствие» отношение объектов представляет собой простую импликацию¹¹. «Если есть причина, то есть (будет) и следствие, а если нет причины, то нет (не будет) и следствия». Но в логико-тематической группе под названием «Красота и Любовь» сходные отношения объектов: «Кого любишь, тот и красив, а кого не любишь, тот не красив»: т. е. «Если есть любовь, есть и красота, а если нет любви, нет и красоты».

В то же время логико-тематическая группа под условным названием «Порождающее и Порождаемое» (в ней собраны изречения типа *Каковы родители, таковы и дети*) и логико-тематическая группа под названием «Акция и Реакция» (*Что в лесу крикнешь, то и в ответ услышишь*) представляют иные, более сложные, отношения объектов, но тоже сходные между собой: «Каково порождающее, таково и порождаемое» и «Какова акция, такова и реакция».

Внутреннее сходство логико-тематических групп позволило объединить их в более широкие классы, охватывающие все изречения, построенные по одной логической схеме.

Всего у нас получилось четыре таких класса. Первый из них объединил все тексты с инвариантной структурной формулой «Если вещь обладает каким-то свойством, то она обладает и другим свойством» (высший логико-семиотический инвариант I \mathfrak{A}); второй — с инвариантной формулой «Если есть одна вещь, то есть и другая» (высший логико-семиотический инвариант I \mathfrak{B}); третий — с инвариантной формулой «Если одна вещь связана с другой вещью и при этом обладает каким-то свойством, то и другая вещь обладает таким же свойством» (высший логико-семиотический инвариант II \mathfrak{A}); и четвертый — с инвариантной формулой «Если одна вещь обладает каким-то (положительным) свойством, а вторая не обладает им, то первая вещь предпочтительнее второй» (высший логико-семиотический инвариант II \mathfrak{B}).

* * *

Расположив изречения по логико-тематическим группам, мы заметили, что внутри каждой группы, т. е. среди сходных по смыслу изречений, были более и менее близкие. Одни от-

¹¹ Импликацией называют в логике условную зависимость, выражаемую логической связкой «если... то...».

личались друг от друга лишь стилистически, так сказать «поворотом темы»: *Какова мать, такова и дочь* и *Хочешь жениться на девушке — сначала познакомься с ее матерью*. Другие различались характером образов: *Будет хороший товар — будет хороша и обувь*, *Из грязного источника и вода течет грязная*. Третьи утверждали ту же мысль путем отрицания противоположной: *Какова форма — таково и печенье* и *Пирог никогда не бывает больше формы, в которой он испечен*. Четвертые отличались «направлением» описания одних и тех же отношений объектов: *Рана от слова тяжелее, чем от кинжала* и *Рана от кинжала легче раны от слова*. Среди изречений одной группы были и обратные по смыслу: *Каков лес, таковы и звери* и *Если человек хорош, то и родина его хороша*, и даже прямо противоположные: *Если отец лев, то и сын львенок* и *Отец лев, а сын — шакал*. Оказалось, что одна и та же мысль (ситуация) может быть выражена большим числом разных, хотя и вполне определенных, логических форм.

Но самое интересное, что подобное варьирование близких по смыслу и образам пословиц и поговорок оказалось свойственным всем без исключения языкам, с которыми мы имели дело. Причем у каждого народа в точности повторялись все детали варьирования.

Общее для всех соотношение исходной формы и ее трансформов, или трансформаций (т. е. преобразований), характерное для пословичных изречений различных логико-тематических групп, лучше всего проследить на материале какой-либо одной группы.

Возьмем для примера логико-тематическую группу под условным названием «Свое или чужое?», относящуюся к инварианту II Ф.

Исходная мысль: «Свое всегда хорошее» или «Если свое, то хорошее». Эта мысль и в этой логической форме выражена рядом пословиц и афоризмов. Приводим один из них: *Каждому свое луной кажется*.

Но ту же мысль можно выразить и несколько иначе — через отрицание противоположной: «Свое не может быть не хорошим», или «Свое не бывает плохим», или «Если свое, то оно не плохое». Практически эта мысль в таком виде отражена в изречении *Свое изделие не имеет изъяна* и ряде сходных с ним пословиц и афоризмов.

Затем, ту же мысль можно передать, сочетав обе приведенные выше формы, т. е. примерно так: «Свое всегда хорошее и не может быть плохим». В данной логико-тематической группе у нас соответствующих изречений нет¹².

¹² Но они есть в других группах того же инварианта. Заменять же из-за этого пропуская взятую группу на иную не имеет смысла, так как в каждой недостает каких-либо возможных трансформов.

Все три приведенные выше формы (исходную и две ее трансформации) мы называем положительными, так как основной объект представлен в них в положительном виде (без отрицания). Обозначим положительные формы русской буквой «а», а три их разновидности — исходную (или ядерную) — греческой буквой α , вторую (отрицание отрицания) — греческой буквой β и третью (комбинацию двух предыдущих форм) — греческой буквой γ . В сочетании со знаком положительных форм (а) индексы этих разновидностей будут иметь такой вид: $\alpha\alpha$, $\alpha\beta$ и $\alpha\gamma$.

Далее. Ту же (или близкую к ней) мысль можно передать с помощью двойного отрицания: «Не свое — не хорошее», или «Если не свое, то не хорошее», или (что практически то же самое) «Чужое — плохое». Эта форма представлена у нас рядом изречений. Вот, например, одно из них: *Чужой огонь холоднее снега*.

Затем, можно то же отношение передать путем дальнейшего преобразования формы, в частности путем отрицания отрицания предыдущей: «Не свое не может быть не плохим». Такой конструкции соответствует афоризм *Жизнь на чужбине — не жизнь*. Эта трансформация соответствует трансформации $\alpha\beta$, но опять-таки с дополнительным отрицанием каждого из составляющих ее членов.

Сочетав две предыдущие формы: «Чужое — плохое» и «Чужое не может быть хорошим», мы получим конструкцию, соответствующую конструкции $\alpha\gamma$, но с дополнительным отрицанием каждого ее члена.

Последние три формы (про «чужое» или «не свое») мы называем отрицательными, так как в них основной объект представлен в отрицательном виде. Обозначим отрицательные формы русской буквой «б», а три ее разновидности соответственно получают индексы $\beta\alpha$, $\beta\beta$ и $\beta\gamma$.

Наконец, можно трансформировать нашу исходную мысль, соединив положительные формы (а) с отрицательными (б). Таким путем можно получить несколько смешанных трансформаций. Рассмотрим основные три типа, которые получатся в результате такого преобразования.

Если соединить $\alpha\alpha$ и $\beta\alpha$, т. е. «Свое — хорошее» и «Чужое — плохое», получится «Свое — хорошее, а чужое — плохое». Эта форма представлена большим числом изречений, в частности такими: *Родина — мать, а чужбина — мачеха* и *Когда речь идет о моем деле, так силы у меня, как у быка, когда же речь идет о чужом, так у меня и другие дела есть*.

Соединение форм $\alpha\beta$ и $\beta\beta$, т. е. «Свое не бывает плохим» и «Чужое не бывает хорошим», даст объединенную конструкцию: «Свое не бывает плохим, а чужое не бывает хорошим». Практически эта форма существует в виде пословиц и афоризмов та-

кого характера: *Чужая пакость сразу видна, а своя до смерти не видна.*

Соединение форм ау и бу дает особенно много разных производных¹³. Наиболее общее из них будет выглядеть так: «Любое свое лучше любого чужого». Вот типичная пословица такой конструкции: *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов.*

Трансформация трех последних типов, объединяющих выражения положительных форм (а) и отрицательных (б), мы называем смешанными и обозначаем русской буквой «в». В зависимости от того, какие разновидности объединены (α, β или γ), образуются разные виды трансформов «в» — ва, вβ или вγ¹⁴.

Все перечисленные выше формы основной мысли, начиная от формы аа и кончая формой вв, составляют один ряд последовательных преобразований исходной (или ядерной) конструкции. Назовем этот ряд основным и обозначим прописной буквой А. Тогда каждая из трансформаций этого ряда получит три индекса: ряда (А), положительной, отрицательной или смешанной формы (а, б или в) и одной из разновидностей внутри каждой из этих форм (α, β или γ): Аαα, Аαβ, Аαγ, Аба, Абβ, Абγ, Ава, Авβ и Авγ.

Кроме перечисленных в составе каждой логико-тематической группы оказались изречения прямо противоположного смысла. Если одни из них говорят, что новое лучше старого (как, например, афоризм *Жена да цинковка чем свежее, тем лучше*), то другие, напротив, утверждают, что старое лучше нового (*Жена да кастрюля чем старее, тем лучше*). Если одни устанавливают неизменность вещей и невозможность их преобразования в другие (*Сколько ни шлифуй черепицу, драгоценным камнем не станет*), то другие, наоборот, уверяют, что вещи постоянно изменяются сами и поддаются воздействию со стороны (*Если отполировать, то и черепица станет драгоценным камнем*)¹⁵.

Мы не будем пока объяснять этого явления, отметим лишь, что оно относится ко всем без исключения логико-тематическим группам и ко всем видам содержащихся там изречений. Покажем это на примере той же логико-тематической группы «Свое или чужое?».

Каждая из форм ряда А имеет свои соответствия в следующем ряду Б, представляющем изречения прямо противоположного (по отношению к изречениям ряда А) смысла.

¹³ В целях экономии места мы не будем приводить их здесь.

¹⁴ Мы не касаемся здесь вопроса о других возможных сочетаниях и берем лишь три основных их вида.

¹⁵ Как правило, наиболее точно и полно противопоставлены изречения, почерпнутые из одного и того же или близких друг другу языков. В данном случае все четыре примера — японские.

Если в ряду А есть форма аа: «Свое — хорошее», то в ряду Б соответствующая форма (Баа) будет выражать противоположную мысль: «Свое — плохое» или «Если свое, то плохое» — и будет иметь формулу, противоположную предыдущей. Вот одно из обычных изречений такого типа: *Свой огурец горьким кажется.*

Соответственно форме Ааβ («Свое не может быть плохим») в ряду Б будет противоположная по смыслу Баβ — «Свое не может быть хорошим». Примером такого изречения может служить пословица *В своей пагоде и будда не кажется святым.*

Соответственно форме Аба («Чужое — плохое») в ряду Б будут противоположные изречения вроде пословицы *Соседская курица всегда выглядит гусем* (Бба).

В противовес форме Ава («Свое — хорошее, а чужое — плохое») в ряду Б есть изречения типа *В чужой каше и бобы крупнее* (Бва).

А форме Авγ, представленной пословицами и афоризмами типа *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов*, в ряду Б соответствует форма Бвγ, представленная изречением *Ячмень у соседа вкуснее риса дома.*

Все виды трансформаций второго ряда (Б) мы назовем трансформами отрицания, так как они противоположны основным формам (т. е. формам ряда А).

Кроме того, во всех инвариантах нашлось много пословиц и поговорок, представляющих собой сочетание форм первого (А) и второго (Б) рядов. Если в первом утверждалась какая-то мысль (например, что человек добр: *Лучшее лекарство для человека — человек*), а во втором она отрицалась или утверждалась противоположная (например, что человек зол и его надо остерегаться: *Козла обходи сзади, коня спереди, а человека со всех сторон*), то в третьем говорилось, что верно и то и другое (*Люди друг для друга и лекарства и болезни*). А вот другой типичный пример сходных по образам изречений, относящихся к одной логико-тематической группе, но к разным ее рядам:

А. *Люди выглядят разными из-за одежды: раздеть всех донага — и все окажутся одинаковыми.*

Б. *Один человек отличается от другого, как алмаз от известняка.*

В. *Происхождение людей одинаково, но сами они разные.*

Формы третьего ряда, получившего обозначение «В», мы назвали трансформами сочетания. Этих форм у нас в картотеке оказалось меньше, чем предыдущих, и поэтому мы не можем продемонстрировать полного соответствия всех разновидностей на материале какой-нибудь одной логико-тематической группы. В частности, в знакомой нам группе «Свое или

инная схема строения логико-тематической группы «Свое или Чужое?» инварианта II B*

формы этого ряда (в)	Трансформы второго разряда											
	а				б				в			
	Положительные формы				Отрицательные формы				Смешанные формы			
α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ	
Свое — хорошее	Свое не бывает плохим	Свое — хо- рошее и не бывает плохим	Чужое — плохое	Чужое не бы- вает хорошим	Чужое — плохое и не может быть хо- рошим	Свое — хорошее, а чужое — плохое	Свое не бы- вает плохим, а чужое — хорошим	Аа γ + Аβ γ и Свое — луч- ше чужого				
Свое — плохое	Свое не бывает хорошим	Свое — пло- хое и не бывает хорошим	Чужое — хорошее	Чужое не бы- вает плохим	Чужое — хорошее и не бывает плохим	Свое — плохое, а чужое — хорошее	Свое не бы- вает хоро- шим, а чужое — плохим	Ба γ + Бβ γ и Чужое — лучше свое- го				
Иногда свое — хо- рошее, а иногда — плохое	Аа β + Ба β	Аа γ + Ба γ	Иногда чужое — плохое, а иногда — хорошее	Аб β + Бб β	Аб γ + Бб γ	Иногда свое — хоро- шее, а чу- жое — пло- хое, а иног- да — наоборот	Ав β + Бв β	Ав γ + Бв γ и Иногда луч- ше свое, а иногда — чужое				
Свое хорошее? Ба α? Ва α?	Аа β? Ба β? Ва β?	Аа γ? Ба γ? Ва γ?	Чужое — плохое? Бб α? Вб α?	Аб β? Бб β? Вб β?	Аб γ? Бб γ? Вб γ?	Ав α? Бв α? Вв α?	Ав β? Бв β? Вв β?	Ав γ или Бв γ? и Что луч- ше — свое или чужое?				

Строение логико-тематических групп других инвариантов в принципе сходно с этим. О различиях между инвариантами сказано ниже.

Вв \bar{v}), относящихся к данному ряду. В этих изречениях утверждается: «И свое и чужое одинаково хороши» (Вва) и «Иногда лучше свое, иногда — чужое» (Вв \bar{v}): «Умному весь мир родина и Дети лучше свои, а жена — чужая».

И наконец, есть еще один тип трансформаций, также встречающийся во всех инвариантах, хотя и представленный еще менее полно, чем формы ряда В. Это трансформы вопроса. Изречения, относящиеся к этому типу, ничего не утверждают и не отрицают, а только ставят вопрос (например: «Что лучше — свое или чужое?»).

Все сказанное выше о внутреннем строении логико-тематической группы можно наглядно представить в виде таблицы (табл. 2).

Как можно было заметить из предыдущего изложения, не все клетки приведенной схемы оказались заполненными, или, иначе говоря, не все виды указанных в ней логических трансформаций были представлены соответствующими изречениями.

Это объясняется прежде всего сравнительной ограниченностью отдельной логико-тематической группы. Если же взять материал всех групп, то окажется, что «пустых клеток» совсем немного, да и те относятся главным образом к трансформам вопроса (Г). Но и в отдельно взятых логико-тематических группах все клетки, оставшиеся пустыми, не так уж трудно заполнить.

Во всяком случае, на одном из последних этапов работы над сборником, когда выяснилось, что многие наши группы не имеют некоторых нужных трансформов, мы без особого труда отыскали их в находившихся под руками источниках. Но и те, которых мы не нашли, можно вполне предсказать заранее, так как известна их логическая структура. Этот вывод с неизбежностью следует из последней схемы.

И еще к одному интересному заключению подводит нас таблица 2. Взятые в своей совокупности, все представленные в ней трансформы являют довольно странную картину. Построенные по всем правилам логики, они тем не менее явно противоречат ей: одна часть трансформов (А) противоречит другой (Б), а третья (В) — им обеим.

Но что это за логика, у которой не сходятся концы с концами или, говоря точнее, которая не подчиняется одному из основных логических законов — закону непротиворечивости или исключенного третьего? Согласно названному закону всякое утверждение, противоречащее другому, признанному верным, неверно: «Если верно, что p , тогда неверно, что не p ». По отношению к нашим конструкциям его можно перефразировать так: «Если верно, что $(p \rightarrow q)$, то неверно, что $(p \rightarrow \bar{c})$ ». А между тем пословичные изречения, взятые вместе, утверждают обрат-

ное. По ним выходит, что верно и $(p \rightarrow q)$ и $(p \rightarrow \bar{q})$, а также и то и другое вместе: $(p \rightarrow q) \wedge (p \rightarrow \bar{q})$ ¹⁶.

И все-таки ничего странного, а тем более нелепого тут нет. Ведь пословицы — это знаки ситуаций. Ситуации же могут быть самыми различными, в том числе и прямо противоположными. Поэтому любые, даже самые, казалось бы, «неправильные», изречения оказываются верными, когда их применяют «к месту», т. е. в соответствующей ситуации. В этом и состоит секрет давно подмеченной паремиологами, но до сих пор не получившей настоящего объяснения взаимной противоречивости пословичных изречений¹⁷ и всей пословичной логики в целом. Эта логика действительно отличается от той, которую изучают по специальным учебникам, но зато она испокон веков принята всеми народами, ибо это и есть Логика здравого смысла.

Однако вернемся к таблице 2. Мы не случайно назвали приведенную на ней схему упрощенной. Ведь в ней переданы далеко не все возможные трансформации исходной (или ядерной) конструкции. В частности, там не нашли отражения некоторые смешанные трансформы (например, комбинации форм аа и бб). Но дело даже не в этом.

Каждая клетка указанной схемы фактически (т. е. в реальном пословичном фонде) делится еще на несколько клеток по ряду других признаков. Укажем важнейшие из них.

Во-первых, логические конструкции могут быть противопоставлены по признаку существования или наличия. На примере знакомой нам группы «Свое или чужое?» это будет выглядеть так: «Если есть свое, то хорошо» и «Если нет своего, то плохо». Изречением такого рода является, например, афоризм *Человек без родины плачет всю жизнь*. Признак существования (или наличия) очень важен для всех изречений инварианта I Ф: *Если есть коза, есть и молоко; Молния сверкнула, быть грому; Была бы голова, а шапка будет* и т. п.

Во-вторых, логические конструкции могут различаться порядком следования логических элементов. Одно дело *Если есть огонь — есть и дым* и другое *Раз идет дым, значит, что-то горит*. Второй пример по отношению к первому представляет собой логическую инверсию: зависимые члены поменялись местами. То же самое можно наблюдать и в другом инварианте: *Каков ты сам, таков и твой друг* и *Каковы твои друзья, таков и ты сам*¹⁸.

¹⁶ Кстати сказать, из этого вытекает, что пословицами никогда не следует ничего доказывать, ибо таким путем можно «доказать» все что угодно.

¹⁷ См., например, 4, 431—432; 6, 8, 12, 14; 43, 207, 216; 44, 29; 105, 9—10; 155, 16, 19—22.

¹⁸ Первые формы из каждой приведенной пары, т. е. формы с нормальным

Наряду с прямыми и обратными формами могут существовать (и существуют) комбинированные, представляющие собой комбинацию прямых и обратных форм: *Нет дыма без огня, а огня без дыма; Каковы твои друзья, таков и ты; Каков ты сам, таковы и твои друзья*¹⁹.

Помимо этого в логико-тематических группах двух из четырех инвариантов наряду с положительными (а), отрицательными (б) и смешанными (в) формами есть еще и нейтральные, т. е. такие, которые не содержат определенной качественной характеристики объектов. Сравним для примера три изречения из логико-тематической группы «Главное и второстепенное» (инвариант II^М): *У сильного полководца нет слабых солдат; У глупого хана и свита глупая и Каков государь, таковы и придворные*. Третья из приведенных пословиц относится к нейтральным (или общим) формам, которые мы обозначим буквой «о». Практически каждый из горизонтальных рядов схемы данной логико-тематической группы будет иметь следующий вид:

Таблица 3

Трансформы первого разряда	Трансформы второго разряда											
	о Нейтральные формы			а Положительные формы			б Отрицательные формы			в Смешанные формы		
А Основные формы	α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ	α	β	γ

Есть еще и другие различия между пословичными изречениями, в том числе по активности и пассивности логической формы (*Молодое дерево легко согнуть и Дерево гнется, пока молодо*), по модальности («можно», «нужно», «желательно») и некоторым другим признакам. Но мы не учитывали их в нашей классификации, ибо тогда за деревьями не стало бы видно леса²⁰.

Путем различного сочетания всех этих признаков (как на-

дополнительными индексами. Вторые же формы, т. е. формы с обратным порядком элементов, мы называем обратными и обозначаем дополнительным индексом «1», проставленным над знаком основной логической формы (а¹, б¹ и в¹).

¹⁹ Комбинированные формы мы обозначаем дополнительным индексом «2» (а², б² и в²).

²⁰ В частности, отношения «можно», «нужно», «желательно» мы приравнивали к «хорошо», а «нельзя», «не нужно», «нежелательно» — к «плохо». Это, конечно, несколько огрубило схему, зато освободило ее от непосильных «перегрузок».

званных нами, так и не названных) образуется огромное число трансформаций каждой исходной логической конструкции. Эти трансформы дают все мыслимые варианты любой высказанной идеи, все жизненные и теоретически предполагаемые ситуации.

Неудивительно, что среди пословиц и поговорок любого народа есть самые различные, в том числе и такие, которые отнюдь не выглядят мудрыми, а представляют собой типичные прописные истины наподобие *Вода книзу течет* или *Здоровье лучше болезни*, а то и заведомо нереальные, хотя теоретически (логически) и правильные суждения, вроде *Если вол вырастет с верблюда, верблюд станет горой*.

Кстати сказать, последнее обстоятельство (т. е. наличие изречений самого разного свойства) нередко используют писатели, привлекая пословицы и поговорки для характеристики своих персонажей, далеко не всегда «мудрых». Давно обратили на него внимание и ученые-паремиологи. В частности, еще В. И. Даль в своем «Напутном» слове к сборнику русских пословиц и поговорок писал: «В этом сборнике... должны сойтись народная премудрость с народною глупостью, ум с пошлостью, добро со злом, истина с ложью» (44, 18). Да и сами пословицы по всем правилам описанной выше логики наряду с утверждениями типа *Пословица — соль речи* дают и такие: *Дурной человек поговорки любит* и *Рот бездельника всегда полон пословицами*²¹. И тем не менее, говоря о пословичных изречениях, можно говорить о мудрости, а именно о мудрости их подбора²².

Впрочем, на практике существуют (или по крайней мере используются) далее не все теоретически возможные трансформации каждой известной пословицы. Более того, отдельные инварианты просто не могут иметь некоторых видов трансформов. Так, в инвариантах I^ж и II^ж могут учитываться различия по качеству, но не могут — по существованию, в инварианте II^ж могут — по качеству и по существованию, но не могут — по порядку следования элементов, а в I^ж учитываются различия по существованию и порядку следования, но не могут учитываться — по качеству и т. д. Соответствующая характеристика логико-семiotических инвариантов дана в следующей таблице. Знаком «+» в ней помечены признаки, учитываемые в том или ином инварианте.

²¹ Предпоследнее изречение — казахское, последнее — непальское. Но можно не сомневаться, что подобные клише есть и у других народов.

²² Как показали последующие исследования, набор пословиц какого-либо народа — хотя бы только наиболее употребительных — представляет собой набор (а точнее, систему) правил логического оперирования, которые лежат в основе житейской логики и произвольно усваиваются носителями языка по мере овладения ими практическим минимумом пословичных изречений.

Таблица 4

Инвариант	Возможные формы									
	Различия по качеству объектов				Различия по существованию			Различия по порядку следования		
	о Нейтр.	а Полож.	б Отриц.	в Смеш.	а Полож.	б Отриц.	в Смеш.	а Прям.	б Обратн.	в Ком- бин.
I Ж	+	+	+	+						
I З					+	+	+	+	+	+
II Ж	+	+	+	+				+	+	+
II З		+	+	+	+	+	+			

Из этой таблицы хорошо видны различия между отдельными инвариантами: каждый из них обладает своим набором возможных трансформов. Поэтому, если не знаешь, к какому логико-семиотическому инварианту относится то или иное изречение, следует произвести его трансформацию — и вопрос сразу станет ясным. Так, например, афоризм *У мужа и жены одно лицо* напоминает изречения инвариантов I Ж и II Ж. В самом деле, слово «одно» (т. е. «одинаковое», «похожее») можно заменить в нем словами «одинаково приятное», «одинаково неприятное», дающими качественную оценку, не искажив смысла самого афоризма. А это в равной мере характерно для инвариантов I Ж и II Ж. Но это же изречение можно трансформировать и таким образом: «Какое лицо у мужа, такое и у жены», и наоборот: «Какое лицо у жены, такое и у мужа». Из двух названных инвариантов подобные трансформации возможны только в инварианте II Ж. Следовательно, данное изречение относится именно к нему.

Такова в основных чертах логико-семиотическая часть нашей классификации пословичных изречений. Конечно, она еще очень далека от совершенства, и многие ее разделы нуждаются в доработке. Однако в самом существенном — в трактовке пословичных изречений как знаковых единиц и в системе их логической трансформации — она вряд ли может вызвать сомнения.

О МОТИВИРОВКЕ ОБЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ФОРМ *

Понятие мотивировки общего значения сложных языковых знаков является чрезвычайно существенным для классификации всех типов и видов текстов, рассмотренных в предыдущих главах. Между тем определение характера мотивировки некоторых языковых форм вызывает известные практические трудности, которые с помощью одной лишь интуиции не всегда можно одолеть. Совершенно очевидно, что помимо соответствующих общих описаний, данных в работе, характер мотивировки общего значения текстов следует определить более строго, опираясь на конкретные и четко различимые признаки. После того как все основные типы сложных языковых знаков уже описаны в какой-то единообразной системе и без особого труда могут быть охвачены единым мысленным взором, подобное определение стало практически доступным.

* * *

Напомним вкратце, что говорилось в двух предыдущих главах о языковой структуре текстов и формах их внутризнаковой связи.

Прежде всего, мы различаем несколько языковых конструктивных типов сочетания слов, т. е. сложных (или сверхсложных) знаковых образований:

1. Сочетания, образующие часть предложения. Таковы все фразеологические обороты и сходные с ними по функции свободные (переменные) синтагмы.

2. Сочетания, образующие предложения. Таковы, например, все пословицы и поговорки, приметы, омонимичные им свободные сочетания и вообще любые синтаксически правильные высказывания, обладающие соответствующей грамматической формой.

* Пятая глава книги «От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)». М., «Наука», 1970.

3. Сочетания, образующие короткую цепочку предложений, которая представляет элементарную сценку и может быть сведена к одному разговорному предложению. Таковы, например, побасенки, короткие (одномоментные) анекдоты и сходные с ними по структуре хозяйственные рекомендации или свободные сочетания вроде обычных информационных сообщений о каких-либо житейских событиях («Иванов сказал мне то-то и то-то. Я ответил, что целиком с ним согласен»).

4. Сочетания, образующие среднюю по длине цепочку предложений, которая представляет небольшое сюжетное повествование из нескольких сценок и которая не может быть сведена (без утраты деталей) к одному разговорному предложению. Таковы, например, басни, сюжетные анекдоты (шванки), некоторые «деловые» тексты и разного рода небольшие рассказы-были.

5. Сочетания, образующие длинную цепь предложений, которая представляет развернутое сюжетное повествование и состоит из целого ряда эпизодов. Таковы, например, все назидательные сказки, некоторые исторические предания, воспоминания свидетелей и участников знаменательных событий и разного рода репортажи.

6. Сочетания, образующие диалог, который состоит из вопроса и ответа. Таковы загадки, загадочные вопросы, счетные и логические задачи, «деловые» клише соответствующей формы и переменные вопросы с ответами.

Каждый из названных выше языковых конструктивных типов содержит тексты двух семиотических классов, в зависимости от характера связи составляющих данные тексты словесных знаков. К одному из них относятся все синтетические языковые клише, начиная от фразеологизмов и кончая назидательными сказками и загадками, а к другому — все аналитические клише, в том числе моделируемые фразеологические сочетания, разного рода хозяйственные изречения и другие «деловые» тексты, а также свободные сочетания слов и предложений, начиная от элементарных переменных синтагм и кончая большими фактографическими рассказами и интервью (за вычетом содержащихся в них «литературных» штампов).

Более точное соотношение перечисленных языковых, семиотических и паремиологических (или фольклорных) типов словосочетаний наглядно демонстрирует табл. 1.

Мы так детально изобразили соотношение перечисленных форм потому, что характер мотивировки общего значения всех интересующих нас текстов, как будет показано ниже, находится в определенной и строгой зависимости от их языковой и семиотической структуры. Впрочем, это и неудивительно, ведь

Таблица 1

Языковой тип сочетания	Семиотический тип (форма знаковой связи)	Паремнологический (или фольклорный) тип сочетания
Часть предложения (синтагма)	Синтетическая	Фразеологические сращения Фразеологические единства I Фразеологические единства II
	Аналитическая	Фразеологические сочетания Переменные синтагмы
Предложение	Синтетическая	Пословицы (и поговорки) Афоризмы (и присловья)
	Аналитическая	Примсты и другие «деловые» изречения Переменные предложения
Короткая цепочка предложений, представляющая элементарную сценку	Синтетическая	Побасенки Анекдоты (одномоментные)
	Аналитическая	Устойчивые «деловые» тексты Разовые сообщения
Средняя цепочка предложений, представляющая небольшое сюжетное повествование	Синтетическая	Басни Сюжетные анекдоты (шванки)
	Аналитическая	Устойчивые «деловые» тексты Небольшие разовые рассказы
Длинная цепь предложений, представляющая развернутое сюжетное повествование	Синтетическая	Назидательные волшебные сказки Назидательные бытовые сказки
	Аналитическая	Устойчивые «деловые» тексты Большие разовые рассказы
Диалог, состоящий из вопроса и ответа	Синтетическая	Загадки Загадочные вопросы
	Аналитическая	Счетные задачи, головоломки и устойчивые «деловые» тексты Переменные вопросы и ответы

само отнесение текста к тому или иному паремнологическому типу зависит от характера его мотивировки.

Итак, что же следует понимать под этим столь часто употребляемым нами термином?

В своем месте (91, 11—12), говоря о пословично-поговороч-

ются на два класса по способу организации их общего смысла. У одних этот смысл непосредственно вытекает из смыслов составляющих данные тексты слов (например, у афоризма *Сколько мудрецов, столько и мнений* и т. п.), а у других — связан с ним через образ (например, у пословицы *Без луны звезды светят ярче* и т. п.). Один из таких способов, а именно тот, при помощи которого построена пословица «про луну и звезды», был назван нами образной, а другой (при помощи которого построен афоризм про мудрецов) — прямой мотивировкой общего значения.

Далее мы несколько раз дополняли данное определение, отмечая связь между прямым и переносным смыслами слов, зависимость характера мотивировки от наличия тех или иных компонентов и т. д. и т. п., и указывали, что оно относится ко всем языковым и семиотическим типам текстов.

Рассмотрим теперь этот вопрос более подробно, с учетом всех разобранных или упомянутых в предыдущих главах свойств и признаков, так или иначе связанных с мотивировкой общего значения.

Прежде всего отметим, что все подобные признаки разбиваются на две группы: 1) те, что относятся ко всему тексту в целом (например, наличие или отсутствие мотивировки его общего смысла) и 2) те, что относятся исключительно к его компонентам (например, наличие или отсутствие в данном тексте слов, употребляемых в прямом смысле). Признаки первой группы мы будем называть общетекстовыми, а признаки второй — компонентными.

Разумеется, не все общетекстовые и компонентные признаки одинаково важны для настоящей главы. Поэтому мы остановимся здесь только на двенадцати наиболее существенных из них, которые в своей совокупности дают достаточно полное представление о характере и основных особенностях мотивировки.

Одним из таких общетекстовых признаков, безусловно, является лексическая и синтаксическая клишированность текста. Чтобы убедиться в его важности, достаточно сравнить какой-нибудь устойчивый (т. е. клишированный) фразеологический оборот, например *выносит сор из избы*, с омонимичным ему переменным (т. е. неклишированным) сочетанием слов. Смысловая разница между этими словосочетаниями оказывается огромной.

Другим существенным общетекстовым признаком следует считать наличие или отсутствие мотивировки, т. е. выводимость или невыводимость общего смысла текста из смысла составляющих данный текст слов. Например, пословица *Прямые деревья рубят раньше других* или афоризм *Сила места больше силы человека*, смысл которых тем или иным

способом определяется смыслом их компонентов, резко отличаются от фразеологических сращений, к примеру: *наострил лыжи* или *не солоно хлебавши*, смысл которых совершенно не мотивирован смыслом слов, образующих эти клише, т. е. никак не выводится из него.

Третьим и четвертым общетекстовыми признаками следует назвать возможность переносного (или расширительного) толкования текста при наличии в нем прямых компонентов и возможность или невозможность прямого толкования текста при наличии переносных компонентов (т. е. отдельных слов, имеющих переносный смысл).

Сравним для примера пословицу *Когда много кормчих, корабль разбивается*, афоризм *Все беды человека — от его языка* и примету *Утренний гость (т. е. дождь) — до обеда, вечерний гость — до утра*. Во всех трех приведенных изречениях имеются знаменательные слова, употребляемые в своем прямом смысле. В пословице это — «много», в афоризме — «все», «беды», «человек» и «его», в примете — «утренний», «обед», «вечерний» и «утро». Так вот, первые два изречения, т. е. пословицу «о кормчих и корабле» и афоризм о бедах человека, можно толковать в расширительном или переносном смысле. Под словом «кормчий», например, можно понимать учителя, опекуна или начальника и т. д., под словом «корабль» — ребенка, человека вообще, какое-нибудь дело и многое другое, под словом «язык» можно подразумевать слова, речь, болтовню и т. п. Что же касается приметы, то ее никак нельзя истолковать в переносном смысле. Ее общий смысл всегда будет таков: «Если дождь начался утром, он кончится до обеда, а если он начался вечером, то кончится (лишь) к утру».

С другой стороны, те же три изречения содержат слова, употребляемые (в рамках данного текста) в переносном, непрямом смысле. О соответствующих компонентах пословицы и афоризма мы только что говорили. Переносное слово («гость» в значении «дождь») содержится и в примете. Тем не менее два из трех наших изречений могут употребляться (и употребляются) в прямом общем смысле (таковы афоризм и примета), а одно (пословица) — не может.

Пятым общетекстовым признаком является обязательность или необязательность метафорического толкования текста. Сравним какую-нибудь пословицу или побасенку (например: *Балка нужника упрекает мельничную сваю за грязь* или *Решето говорит шумовке: «Уж больно ты, сестрица, дырява»*) с любым афоризмом или анекдотом на ту же тему (например: *Человек замечает недостатки других, но только не свои* или *Араб арабу говорит: «У тебя лицо черное»*). И сразу же станет ясно, что пословица и побасенка требуют

обязательного метафорического истолкования, тогда как афоризм и анекдот могут быть поняты и без него.

Последним, шестым, общетекстовым признаком оказалась обязательная или необязательная однозначность текста при условии его синтаксической членимости. Так, любое «деловое» изречение, например примета *Красный огонь в печи — к морозу, белый — к оттепели* или сельскохозяйственная рекомендация *Арахис сажай на супесках, пшеницу — на суглинках*, всегда понимается строго однозначно, тогда как любой афоризм, например *Каждый доволен своим умом*, и даже переменное сочетание слов, к примеру какое-нибудь неожиданное изречение оракула, не говоря уже о пословицах, допускают расширительное толкование и могут относиться к различным объектам.

Из числа наиболее существенных компонентных признаков в первую очередь следует назвать возможность или невозможность всех лексических компонентов текста иметь прямое значение. Легко убедиться, что одни тексты, в частности фразеологические сочетания вроде *идти пешком* или свободные (переменные) предложения типа *Мальчик читает книгу*, могут целиком состоять из одних прямых компонентов, т. е. слов, употребляемых в своем прямом смысле. О пословицах же такого сказать нельзя: они могут содержать лишь отдельные «прямые» слова (например, *Неудачника и на верблюде собака укусит*), а в своем подавляющем большинстве вообще не имеют ни одного прямого компонента (к примеру, *Стоячая вода протухает*).

Вторым компонентным признаком (а точнее, сразу двумя: вторым а и вторым б) является возможность или невозможность всех компонентов текста иметь переносное [а) метафорическое и б) метафорическое плюс неметафорическое] значение. Тот факт, что некоторые тексты могут целиком состоять из одних переносных компонентов, следует хотя бы из только что приведенной пословицы про «стоячую воду». Противоположный пример являют различные «деловые» тексты, т. е. правовые, медицинские, хозяйственные и прочие наблюдения и рекомендации. Все они принципиально не могут содержать одни лишь переносные компоненты, хотя отдельные их слова бывают иносказательными [ср. *Много комаров — готовь коробов* (плетенки по ягоду), *много мошек — готовь лукошек* (по грибы)].

В свою очередь, тексты, состоящие из одних переносных компонентов, могут резко отличаться один от другого по характеру самого смыслового переноса. Таково, например, различие между пословицами типа *Павшая корова — молочная* и афоризмами типа *А...*

тафорический (среднее слово), так и неметафорический перенос значения (два крайних слова) ¹.

Третьим компонентным признаком следует считать обязательное или необязательное наличие в тексте хотя бы одного прямого компонента. Оказывается, что одни тексты, как, например, приметы или хозяйственные изречения, непременно содержат такой компонент. Другие же могут его и не иметь: таковы, к примеру, пословицы и афоризмы наподобие приведенных в предыдущем абзаце.

Четвертым, не менее важным признаком является обязательное или необязательное наличие в тексте переносного компонента. Именно этот признак отличает фразеологические единства I, пословицы, поговорки и побасенки от всех других сложных клише и сходных с ними по языковой структуре текстов. Так, невозможно отыскать пословицу или поговорку, которые не содержали бы хотя бы одного слова, употребляемого в переносном смысле. Между тем все остальные тексты, имеющие вид предложения, вполне могут обойтись без него: ср., например, примету *Галки стаями летают — к дождю*, афоризм *Лучше быть вдовой храбреца, чем женой труса* или переменное предложение *Лермонтова убили, когда ему было двадцать шесть лет*.

И наконец, пятым существенным компонентным признаком будет возможность или невозможность многозначного толкования компонентов текста (хотя бы одного). По этому признаку различаются, например, «деловые» тексты и сходные с ними афоризмы и переменные сочетания. Так, ни один лексический компонент сельскохозяйственной рекомендации *С Митрофания сей лен и гречу* нельзя понимать многозначно, несмотря на то что не все они прямые (имя святого Митрофания употреблено здесь в переносном смысле, как метонимическое обозначение 4-го июня). В то же время одно из слов афоризма *Старики своих бородавок не лечат*, сплошь состоящего из прямых компонентов, можно толковать многозначно: под «бородавками», в частности, можно понимать любые несерьезные заболевания.

Теперь разберем по указанным признакам все рассмотренные ранее (и сведенные в табл. 1) сложные и сверхсложные языковые знаки.

Начнем разбор с наименее сложных единиц, а именно тех, которые выступают в качестве частей предложения, т. е. разного рода фразеологических оборотов и соответствующих им

¹ В данном примере два крайних слова употреблены в качестве метонимии. Однако в афоризмах встречаются и другие виды неметафорического переноса

элементарных переменных синтагм. Если взять верхнюю часть табл. 1 и дополнить ее двенадцатью вертикальными столбцами по числу существенных общетекстовых и компонентных признаков, а затем отметить знаками (+) или (—), какие признаки присущи тем или иным паремиологическим типам сочетаний, то получится матрица, приведенная в табл. 2.

В самом деле, все фразеологические сращения, независимо от их понятийных и функциональных типов², обладают только первыми двумя признаками — клишированностью и отсутствием мотивировки — и лишены всех остальных, так как не имеют никаких осмысленных компонентов.

В отличие от сращений фразеологические единства I, т. е. синтаксически нечленимые языковые обороты с образной мотивировкой общего значения (более или менее выраженной), имеют совершенно иной набор признаков: А. Общетекстовых: 1) они клишированы, 2) обладают мотивировкой, 3) допускают (и даже требуют) переносное толкование при наличии прямых компонентов, 4) не могут быть истолкованы прямо при наличии переносных компонентов, 5) обязательно употребляются в метафорическом смысле; Б. Компонентных: 1) все их компоненты не могут быть прямыми, 2) все их компоненты могут быть переносными, причем перенос будет метафорическим, 3) наличие прямого компонента для них не обязательно, 4) наличие переносного компонента для них обязательно, 5) отдельные их компоненты могут быть истолкованы в нескольких смыслах³.

Фразеологические единства II, т. е. синтаксически нечленимые обороты с прямой мотивировкой общего значения, отличаются от единств I двумя общетекстовыми (4 и 5) и четырьмя компонентными (1, 2а, 2б и 4) признаками. Во-первых, единства II допускают прямое толкование при наличии переносных компонентов; во-вторых, не требуют обязательного метафорического переноса общего значения; в-третьих, могут содержать одни прямые компоненты; в-четвертых, могут состоять из одних переносных компонентов лишь при условии, что хотя бы один из них будет иметь неметафорический перенос смысла, и, в-пятых, для них не обязательно наличие переносного компонента.

Моделируемые фразеологические сочетания, т. е. устойчи-

² В том числе и фразеологизмы-термины, соответствующие существительным, вроде названия лампы *летучая мышь*, и собственно фразеологизмы, соответствующие глаголам, вроде *дал дуба*, и служебные фразеологизмы, соответствующие модальным словам, вроде *чего доброго*, и все прочие виды фразеологических сращений (см. 91, 149).

³ Нам кажется нецелесообразным приводить здесь примеры, иллюстрирующие перечисленные признаки. Каждый, кто пожелает проверить сказанное, легко может сделать это сам, пользуясь данным в Приложении списком фразеологизмов всевозможных типов (91, 149 и сл.).

вые, но членимые языковые обороты, отличаются от фразеологических единств I четырьмя общетекстовыми (3, 4, 5 и 6) и пятью компонентными (1, 2а, 3, 4 и 5), а от фразеологических единств II — двумя общетекстовыми (3 и 6) и тремя компонентными (2б, 3 и 5) признаками. В частности, они не допускают никакого переносного толкования при наличии прямых компонентов, но допускают (и даже требуют) прямого толкования при наличии переносных компонентов; для них необязателен (и даже недопустим) метафорический перенос общего значения и совершенно обязательна его однозначность. Далее, фразеологические сочетания могут содержать все прямые компоненты, но не могут состоять из одних переносных; для них обязательно наличие прямого компонента и не обязательно наличие переносного, и, наконец, они не допускают многозначного толкования хотя бы одного своего слова.

Переменные синтагмы, или свободные сочетания слов, синтаксически эквивалентные фразеологическим клише и, следовательно, выступающие в виде частей предложения, также имеют свой набор признаков, отличный от набора рассмотренных выше форм. Так, от фразеологических единств I они отличаются тремя общетекстовыми (1, 4 и 5) и тремя компонентными (1, 2б и 4) признаками, от фразеологических единств II — одним общетекстовым (1) и одним компонентным (2а), а от фразеологических сочетаний — тремя общетекстовыми (1, 3 и 6) и четырьмя компонентными (2а, 2б, 3 и 5) признаками. Прежде всего, переменные синтагмы не содержат постоянных лексических компонентов; во-вторых, они допускают как прямое, так и переносное толкование; в-третьих, они не требуют ни обязательного метафорического, ни обязательного прямого осмысления; в-четвертых, они могут состоять как из одних прямых, так и из одних переносных компонентов, и наконец, в-пятых, отдельные их слова могут быть многозначными.

Как видно из табл. 2, каждый из описанных в ней типов сочетаний обладает своим неповторимым набором общетекстовых и компонентных признаков и при этом по крайней мере по одной паре упомянутых признаков находится в отношении дополнительной дистрибуции с любым другим типом той же языковой структуры. Все это позволяет четко разграничивать сходные по внешнему виду, но различные по существу сложные языковые знаки и создает практическое удобство для определения характера мотивировки, т. е. фактически для отнесения конкретных языковых форм к тому или иному семиотическому и паремнологическому типам.

Другой вывод, который напрашивается при первом же знакомстве с табл. 2, это — что существует определенная зависимость между набором компонентных и набором общетекстовых признаков как для каждого паремнологического типа, так и

для их совокупности. В самом деле, отсутствие всех компонентных признаков, и только оно, соответствует наличию первого и второго общетекстовых, а наличие четырех компонентных (1, 2а, 2б и 5), и только оно,— отсутствию первого, второго, пятого и шестого общетекстовых. Иными словами, отсутствие всех компонентных признаков свидетельствует, что перед нами фразеологическое сращение, а возможность всех компонентов текста иметь как прямое, так и переносное значение и содержать отдельные многозначные слова при отсутствии всех других компонентных признаков говорит, что мы имеем дело с переменным, т. е. неклишированным, сочетанием. С другой стороны, для совокупности текстов, обладающих мотивировкой общего значения, т. е. для всех сочетаний слов, кроме фразеологических сращений, третий компонентный и шестой общетекстовой, а также четвертый компонентный и пятый общетекстовой признаки совпадают по распределению «плюсов» и «минусов». Это значит, что обязательное наличие прямого компонента всегда совпадает с обязательной однозначностью текста в целом, а обязательное наличие переносного компонента — с обязательной метафоричностью общего значения. В то же время пятый компонентный и шестой общетекстовой, третий компонентный и третий общетекстовой, четвертый компонентный и четвертый общетекстовой признаки находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции. Иначе говоря, возможная многозначность хотя бы одного компонента исключает обязательную однозначность текста; обязательное наличие прямого компонента несовместимо с возможностью переносного толкования, а обязательное наличие переносного компонента — с возможностью прямого толкования общего значения.

Далее, из табл. 2 видно, что родственные в языковом отношении (в том числе, конечно, и совпадающие по своему лексическому составу) сложные знаки могут относиться к различным семиотическим и паремиологическим типам и, следовательно, иметь различный набор смысловых признаков. Другими словами, каждое словесное сочетание, выступающее в качестве элемента предложения, может иметь не один, а несколько разных смыслов. Действительно, легко показать, что любой фразеологический оборот может иметь лексический омоним в другом ряду клише и уж непременно имеет его в ряду переменных синтагм. Сравним, например, фразеологическое сращение *отдать концы* в смысле «умереть», фразеологическое единство II *отдать концы* в смысле «отчалить» (морской термин) и переменную синтагму *отдать концы* в буквальном смысле («[некто] отдал концы каких-то вещей [своему приятелю]»). Как мы увидим дальше, то же самое можно сказать и о сочетаниях слов, выступающих в качестве целых предложений и их цепо-

чек. А это, между прочим, означает, что по крайней мере для сложных языковых знаков омонимия является всеобщим свойством.

И наконец, табл. 2 показывает, что характер смыслового переноса компонентов (метафорический или неметафорический) имеет существенное значение для общего смысла текста. В частности, только метафорический перенос может сделать смысл всего словосочетания переносным, применение же иных тропов (метонимии, иронии, гиперболы и литоты) оставляет общий смысл прямым.

Точно такую же матрицу, какая приведена в табл. 2, только без первой горизонтальной строки, дают языковые формы, имеющие вид предложения (табл. 3). Первой строки, соответствующей фразеологическим сращениям, у этих форм нет потому, что их общий смысл всегда мотивирован смыслом компонентов.

Единственным существенным отличием данной матрицы от предыдущей следует считать то, что все описанные в ней сложные знаки обладают синтаксической членимостью и поэтому «минус» в шестом столбце всегда означает возможную неоднозначность текста, тогда как в предыдущей матрице «минус» мог означать и нечленимость текста.

Нам думается, нет никакой нужды разбирать здесь табл. 3, ибо она идентична предыдущей (без первой ее строки)⁴. Скажем лишь, что при ее помощи легко определить, к какому семиотическому и паремнологическому типу относится интересующее нас изречение или соответствующее ему переменное сочетание слов в форме предложения.

Возьмем для примера самые «трудные» случаи:

а) изречение *Доброе слово опускает саблю*, все компоненты которого имеют переносный смысл, что свойственно и пословицам, и (реже) афоризмам;

б) изречение *Каков корень — таковы и побеги*, содержащее как прямые, так и переносные компоненты, что также свойственно и пословицам, и (чаще) афоризмам;

в) изречение *Одна рюмка при жизни лучше трех на поминках*, состоящее из одних прямых компонентов, что наиболее характерно для «деловых» текстов, но нередко наблюдается и у афоризмов;

г) пословицу и омонимичную ей примету *Сильный дождь долго не идет*;

д) переменное предложение и омонимичную ему пословицу *Банан дважды не плодоносит*.

⁴ Что касается иллюстративных примеров, то читатель может найти их в Приложении (см. 91, 131, 191 и 200).

Таблица 3

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в качестве предложения

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые* признаки						Б. Компонентные* признаки					
			первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	первый	второй		третий	четвертый	пятый
										а	б			
Предложение	Синтетические	Пословицы и поговорки	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+
		Афоризмы (и при- словья)	+	-	+	+	-	-	+	-	+	-	-	+
	Аналитические	«Деловые» изречения	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-
		Переменные предложения	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

* Обозначение общетекстовых и компонентных признаков, представленных в данной таблице под порядковыми номерами, дано в табл. 2.

Разберемся сначала с изречением *Доброе слово опускает саблю*. Как видно из таблицы, все компоненты могут быть переносными и у афоризма, и у пословицы. Однако для пословицы обязателен исключительно метафорический перенос их значения, тогда как для афоризма — метафорический плюс неметафорический. В данном случае два слова, а именно «слово» и «сабля», употреблены в качестве метонимии⁵ (т. е. имеют неметафорический перенос). Следовательно, перед нами не пословица, но афоризм.

Теперь рассмотрим изречение *Каков корень — таковы и побеги*. И у пословицы, и у афоризма могут быть частично прямые, а частично переносные компоненты. Однако афоризм до-

⁵ Первое означает речь и духовное начало вообще, а второе — оружие и, шире, всякую материальную силу.

пускает при этом прямое толкование текста, а пословица не допускает. С другой стороны, пословица требует обязательной метафоричности общего смысла, а афоризм не требует. Данное изречение явно не может быть истолковано прямо: побег, строго говоря, никогда не бывает таким же, как корень (он может лишь соответствовать ему по качеству или по природе). К тому же в данном изречении речь, конечно, идет не о реальном корне и реальных побегах, а о более общих и важных вещах, лишь своим отношением друг к другу напоминающих корень и побеги (ср. со сходным по смыслу изречением *Какова мать, такова и дочь* или близким ему *Яблоко от яблони недалеко падает*). Иными словами, мы имеем здесь случай метафорического переноса общего значения, т. е. перед нами не афоризм, а пословица.

Изречение *Одна рюмка при жизни лучше трех на поминках* с первого взгляда можно расценить и как «деловую» рекомендацию, и как афоризм, поскольку и тот и другой типы клише могут состоять из одних прямых компонентов. Но если учесть, что афоризм допускает многозначность хотя бы одного из них, а «деловые» тексты этого не допускают, то сразу станет ясно, что перед нами не «деловой» текст, а афоризм. В самом деле, в приведенном изречении слово «рюмка» может означать и рюмку водки, и бокал вина, и вообще любое жизненное благо. Ни в одном «деловом» изречении такое невозможно: там каждое слово строго однозначно.

С двумя последними текстами (примеры *г* и *д*), представляющими случаи омонимии, можно правильно разобраться, лишь учитывая их речевой контекст, потому что именно в речи, и только в ней (по крайней мере в речи отправителя сообщения), лексическая омонимия снимается⁶.

Если, к примеру, речь идет о сильном дожде и кто-то спрашивает, скоро ли он кончится, то приведенное ему в ответ изречение *Сильный дождь долго не идет* будет не пословицей, а кстати сказанной приметой, так как только примета имеет прямой и однозначный смысл (говорит о продолжительности сильного дождя и имеет в виду продолжительность сильного дождя), между тем как пословица лишь использует образ дождя, на самом же деле посвящена совсем не ему, а зависимости между силой и продолжительностью каких-либо процессов вообще. Если же речь идет о человеке, который весьма энергично взялся за какое-то дело, и кто-нибудь по его адресу заметит: *Сильный дождь долго не идет*, то в данном случае приведенное изречение будет уже не приметой, а пословицей, так как только пословица требует обязательного метафорического осмысления и не допускает прямого, однозначного толкования.

⁶ Разумеется, если не считать выражений, специально рассчитанных на так называемую игру слов.

Примерно таким же образом можно различить пословицу и омонимичное ей переменное предложение. Когда кто-то описывает банан как определенный ботанический вид и при этом, в частности, сообщает, что «банан дважды не плодоносит», то мы воспринимаем все взятые в кавычки слова в их непосредственном смысле — как один из элементов описания соответствующего вида растений. Но если те же слова («банан дважды не плодоносит») употреблены в заведомо переносном смысле и означают, что действие, о котором идет речь, нельзя повторить, то это уже будет пословица (ср. сходную *Глухому две обедни не служат*). Кроме того, в отличие от переменного предложения текст пословицы клиширован и потому не допускает произвольной замены лексических компонентов. Мы не можем в пословице слово «банан» заменить словами «упомянутое выше растение», а в переменном предложении — можем.

Перейдем теперь к сложным знакам, выступающим в виде короткой цепочки предложений, которая представляет элементарную сценку, т. е. к побасенкам, одномоментным анекдотам и соответствующим им по языковой структуре «деловым» клишированным текстам и разовым (т. е. неклишированным) сообщениям.

Дистрибутивная матрица для этих сверхфразовых форм (табл. 4) оказывается аналогичной двум предыдущим, т. е. тем, которые представлены в табл. 2 и 3.

Все, что отличает последнюю таблицу от предпоследней, заключено в девятом и десятом столбцах (второй *б* и третий компонентный признаки) второй горизонтальной строки, т. е. строки, касающейся анекдотов. В отличие от афоризмов или от фразеологических единств II одномоментные анекдоты вообще не могут состоять из одних переносных компонентов и соответственно непременно имеют в своем составе прямые компоненты. Во всем остальном данная матрица абсолютно тождественна предыдущей, в чем легко убедиться, обратившись к примерам, приведенным в Приложении (см. 91, 160 и сл.).

Сверхфразовые единства, представленные диалогом, состоящим из вопроса и ответа, т. е. загадки, шуточные вопросы, разного рода народные задачи, соответствующие по форме «деловые» клишированные тексты и переменные вопросы с ответами, дают сходную матрицу (табл. 5).

Как видно из таблицы, распределение общетекстовых и компонентных признаков у описанных в ней форм почти полностью совпадает с распределением тех же признаков у побасенок, одномоментных анекдотов и близких к ним по языковой структуре сверхфразовых единств, описанных в табл. 4.

Единственное отличие касается загадок. В противополож-

Таблица 4

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в виде короткой цепочки предложений (сценки)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремнологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки						Б. Компонентные признаки					
			первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	первый	второй		третий	четвертый	пятый
										а	б			
Короткая цепочка предложений	Синтетические	Побасенки	+	-	+	-	+	-	-	+	-	-	+	+
		Анекдоты (одномоментные)	+	-	+	+	-	-	+	-	[]	[+]	-	+
	Аналитические	«Деловые» тексты-клише	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-
		Разовые сценки	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Примечание. В данной и следующих таблицах «плюсы» и «минусы», взятые в рамку (сплошную и пунктирную), указывают на признаки, отличные от тех, которые имеются в матрицах для предыдущих форм текстов.

ность побасенкам они не могут состоять из одних переносных компонентов и соответственно обязательно содержат хотя бы один прямой компонент (по меньшей мере ответ должен быть прямым)⁷. В таблице это находит свое выражение в восьмом и десятом столбцах (второй а и четвертый компонентные признаки) первой горизонтальной строки, где вместо «плюса» предыдущей таблицы стоит «минус», а вместо «минуса» — «плюс».

Таким образом, каждая из трех последних таблиц (3, 4 и 5) вносит какой-то свой, новый элемент в исходную схему (см.

⁷ Мы имеем в виду наиболее распространенный тип загадок, ответом на которые служит название какой-либо вещи (предмета или явления), например: Красна девица сидит в темнице, а коса на улице. (Что это такое?) — Морковь.

Таблица 5

Дистрибуция общетекстовых и компонентных признаков для форм, выступающих в виде диалога (вопрос и ответ)

Языковой тип сочетания	Семиотический тип сочетания	Паремнологический (или фольклорный) тип сочетания	А. Общетекстовые признаки						Б. Компонентные признаки					
			первый	второй	третий	четвертый	пятый	шестой	первый	второй		третий	четвертый	пятый
										а	б			
Диалог (вопрос и ответ)	Синтетические	Загадки	+	-	+	-	+	-	-	☐	-	☐	+	+
		Загадочные вопросы	+	-	+	+	-	-	+	-	☐	☐	-	+
	Аналитические	Задачи, головоломки	+	-	-	+	-	+	+	-	-	+	-	-
		Переменные вопросы с ответами	-	-	+	+	-	-	+	+	+	-	-	+
№ вертикального столбца			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

табл. 2), оставаясь в то же время аналогичной ей по всем основным параметрам.

Если все четыре приведенные дистрибутивные матрицы свести воедино, получится следующая матрица (табл. 6).

Несколько иную картину дает распределение общетекстовых и компонентных признаков у так называемых сверхсложных языковых знаков, т. е. таких, которые представляют комбинацию сложных — независимо от того, каким способом эта комбинация осуществлена: простым объединением самостоятельных словосочетаний в одно большее или же включением одного из них в состав другого в качестве неотъемлемого компонента⁸.

⁸ Ср., например, пословицы *Лед ломается там, где тоньше; Овчина рвется там, где сгнила* и одномоментный анекдот *Батяка, ты пирог съел? — Ей-бо*

Прежде всего, в части, относящейся к элементам предложения, нет строки, соответствующей фразеологическим сращениям, ибо последние, по определению, не разлагаются на компоненты и, следовательно, не могут быть сверхсложными. А это, в свою очередь, означает, что для сверхсложных форм нерелевантен второй общетекстовый признак. И если мы оставили его в таблице, то лишь для того, чтобы не менять порядка их нумерации.

Далее, во всех первых строчках всех языковых типов, начиная с третьего («Короткая цепочка предложений») и кончая пятым («Длинная цепь предложений»), будет один лишний «плюс» по сравнению с матрицами всех ранее рассмотренных, т. е. сложных, форм. Мы имеем в виду знак (+) в девятом столбце табл. 7 (второй б компонентный признак), который (+) означает, что сверхсложные побасенки, басни и назидательные волшебные сказки могут состоять из одних переносных компонентов, причем характер переноса может быть не только метафорическим (как, например, у пословиц и сложных побасенок), но и метафорическим плюс неметафорическим (как у афоризма типа *Доброе слово опускает саблю*). Это объясняется тем, что соответствующие сверхсложные тексты могут содержать в своем составе афоризмы или фразеологические единства II с неметафорически переносными компонентами, а наиболее крупные из них (например, сказки) — такого же типа анекдоты и шванки.

Во всем остальном дистрибуция смысловых признаков у сверхсложных форм полностью совпадает с их распределением у форм сложных (см. табл. 7).

Действительно, сверхсложные фразеологические единства I вроде *открыл зеленую улицу, вылетел в трубу* или *прижал к ногтю* по двенадцати общетекстовым и компонентным признакам практически ничем не отличаются от обычных (сложных) фразеологических единств I, т. е. таких, как *виляет хвостом, язык заплетается, медвежий угол, одним словом* и т. п. Они также клишированы и не лишены мотивировки; допускают переносное толкование при наличии прямых компонентов и не допускают прямого при наличии переносных; требуют обязательного метафорического осмысления; не могут состоять из одних прямых и могут состоять из одних переносных компонентов, причем перенос будет метафорическим; не обязательно имеют прямой компонент и обязательно имеют переносный, и, наконец, хотя бы один из их компонентов может быть неоднозначным.

Точно такое же совпадение со сложными формами (по распределению признаков) можно видеть и у сверхсложных фразеологических единств II (ср., например, *Московская железная дорога* и просто *железная дорога, идут нога в ногу*

Синтезич.	Пословицы (и поговорки)	+	-	+	-	-	+	-	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+		
	Афоризмы (и присловья)	+	-	+	-	-	+	+	-	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	
Аналитич.	«Деловые» изречения	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Переменные предложения	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Синтезич.	Побасенки	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	
	Анекдоты (одномоментные)	+	-	+	+	-	-	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	
Аналитич.	«Деловые» сценки-клише	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
	Разовые сценки	-	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
Синтезич.	Загадки	+	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	
	Загадочные вопросы	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Аналитич.	Задачи, головоломки	+	-	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	
	Переменные вопросы-ответы	-	-	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
№ вертикального столбца		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12								

и просто *нога в ногу*), и у сверхсложных фразеологических сочетаний (вроде *мчится что есть мочи* или *бежит изо всех сил*), а также у сверхсложных пословиц (вроде *Поросянок яичко снес, курочка обьягнилась*), поговорок (*Дома бесится, а в людях — с ума сходит*) или афоризмов (*Умный женится, а дура замуж идет*) и т. д.

Впрочем, все это легко поддается проверке по табл. 7, так что нет смысла производить здесь соответствующий разбор: каждый желающий может справиться с ним самостоятельно, пользуясь приведенными примерами.

Чуть труднее установить совпадение (по набору общетекстовых и компонентных признаков) сверхсложных текстов со сложными, когда дело касается наиболее крупных сверхсложных форм, а именно басен, сюжетных анекдотов, сказок и сходных с ними (по языковой структуре) аналитических текстов. Причина в том, что у названных крупных форм простейшим составным компонентом обычно служит не отдельное слово (хотя и такие случаи возможны), но конструктивный элемент композиционного плана⁹ («мотив»), т. е. чаще всего целая сценка или эпизод.

Возьмем для примера басню хауса «Две лягушки». Она состоит из нескольких компонентов, большинство которых представляет собой сложные языковые знаки: 1) *Однажды*; 2) *Две лягушки упали в калebas с молоком. Долго они барахтались там, но выбраться не могли*; 3) *Одна лягушка сказала: «Сегодня моя жизнь окончилась». Она перестала двигаться и утонула*; 4) *А вторая лягушка продолжала бить лапами. Образовалось масло. Лягушка влезла на ком масла, подпрыгнула и выскочила из калebasа*; 5) *Аллах сказал: «Поднимайся сам, и я помогу тебе»*. Как мы видим, здесь по меньшей мере пять компонентов. Первые четыре из них (рассказ «о лягушках») имеют метафорически переносный смысл, а последний («мораль») — прямой. Вся же басня в целом явно представляет собой аллегорию и, конечно же, повествует не о лягушках и сосуде с молоком, а о людях и их различном отношении к судьбе.

Если теперь разобрать приведенную басню по нашим двенадцати признакам, то окажется, что она целиком совпадает с обычными (сложными) побасенками, описанными в табл. 4 или соответствующей части табл. 6. Однако возможен и такой случай, когда включенный в басню прямой компонент будет метонимией или иным видом тропа (кроме метафоры). Поэтому в соответствующем (девятом) столбце табл. 7 у нас и стоит знак (+).

Проделав аналогичную операцию с какой-нибудь назидательной волшебной сказкой типа сказки о жадной старухе

⁹ См. 91, гл. III, с. 59 и сл.

(сюжет № 555 по Указателю Аарне—Андреева) или сказки о Правде и Кривде (сюжет № 613), мы убедимся, что и там дело обстоит точно так же¹⁰.

Таким образом, дистрибутивная матрица для сверхсложных форм (см. табл. 7) принципиально ничем не отличается от соответствующей матрицы для форм сложных (см. табл. 2—6). Поэтому все основные выводы, которые были сделаны нами из предыдущих таблиц, полностью относятся и к последней. Но из самого этого факта (совпадения выводов) следует еще одно важное заключение: все рассмотренные нами языковые формы, и в первую очередь все клишированные синтетические тексты, как сложные, так и сверхсложные, в смысловом отношении оказываются близкими друг к другу и потому нередко выступают в речи в одной и той же функции.

Между прочим, на это обстоятельство обратил внимание еще А. А. Потебня. В своих лекциях по теории словесности, читанных им в Харьковском университете в 80-х годах прошлого века, он говорил, что басни, пословицы и поговорки фактически используются в речи как постоянные сказуемые при переменных подлежащих (99, 10). И, подчеркивая смысловое сходство названных форм, высказал идею о «свертывании» и «развертывании» текстов, т. е. сведении басен и сказок к пословицам или поговоркам и, напротив, развитии пословиц и поговорок в большие сюжетные повествования (там же, с. 91—98)¹¹. Именно на этой основе Потебня пришел к чрезвычайно важному и, как нам кажется, еще по достоинству не оцененному выводу о том, что привычный (пословичный и басенный) художественный образ «дает нам... возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» (там же, с. 97).

¹⁰ Следует, однако, лишний раз подчеркнуть, что это относится только к назидательным или поучительным сказкам и не касается тех, которые строятся по описанной В. Я. Проппом схеме, будь то собственно волшебные сказки об Иване-царевиче (сюжет № 550 по указателю Аарне—Андреева), героические вроде сказки о Победителе Змея (сюжет № 300) или животные вроде сказки о Волке и Козлятах (сюжет № 123 по тому же указателю).

¹¹ Во избежание недоразумений отметим, что «развертывание» текста следует отличать от внешне сходного с ним «дополнения». «Дополнение» обязательно меняет смысл текста (ср., например: *Тише едешь — дальше будешь... от того места, куда едешь* или *Пьяному море по колено... а лужа по шею*, тогда как при «развертывании» исходный смысл полностью сохраняется.

О СМЫСЛОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НЕКОТОРЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СЮЖЕТОВ И ПЕРСОНАЖЕЙ *

Сказочный плут, он же мудрец и озорник-острослов, или, как называют его фольклористы, трикстер,— один из самых живых и любимых фольклорных персонажей. Трудно найти сюжет¹, в котором в той или иной форме не содержалось бы забавной или серьезной, злой или доброй, грустной или веселой плутовской проделки. Трикстериада — неотъемлемая и весьма существенная часть мирового повествовательного фольклора. Уже по одному этому проделки хитрецов заслуживают самого пристального внимания и изучения. Вот почему книга о таких проделках может стать не только занимательной, но и полезной: ведь она даст какое-то представление о некоторых характерных чертах повествовательного фольклора вообще. Разумеется, для этого она должна обладать максимально возможной полнотой.

В результате проведенного отбора нам удалось «вместить» в книгу около пятисот текстов, принадлежащих творчеству ста двадцати народов мира и содержащих в своем составе свыше восьмисот различных типовых сюжетов. Конечно, по сравнению с мировым фольклорным фондом это капля в море. Но, как говорят на Востоке, *не обязательно выпить все море, чтобы узнать, что вода в нем соленая.*

Будучи, в общем, того же мнения, мы постарались увеличить содержательную емкость предлагаемой книги, используя

* Вступительная статья к сборнику «Проделки хитрецов». М., «Наука», 1972. Хотя статья стоит несколько особняком в ряду других материалов, составляющих «Основы структурной паремнологии», включение ее в книгу представляется естественным и необходимым. Являясь органичной частью разработки одной из сторон общей теории клише, она на материале сказочных сюжетов и персонажей демонстрирует общие законы логической трансформации, первоначально обнаруженные автором у пословиц и синтетических клише других композиционных уровней.

¹ Мы имеем в виду типовые фольклорные сюжеты, содержащиеся в указателе Антти Аарне или в других указателях, составленных по его системе.

типологическое сходство фольклорных текстов. Для этого мы ввели в сборник специальную «вспомогательную» часть, состоящую из двух небольших разделов. В первом из них — «Рассказы о состязаниях» — на примере разработки одного типового сюжета у разных народов мы даем как бы горизонтальный (или синхронический) срез современного повествовательного фольклора, а в другом — «Рассказы о мнимом уходе» — на примере разработки другого сюжета (точнее, его конструктивного элемента) на разных стадиях его развития даем как бы вертикальный (или диахронический) срез того же фольклорного фонда. Благодаря такой «хитрости» указанные разделы превращаются в своеобразный ключ к «пространственной расшифровке» основной части книги и фактически увеличивают ее полезный объем в десятки и даже сотни раз.

Безусловно, значение вспомогательных разделов не сводится к этой задаче, как, впрочем, и к вопросу о типологическом сходстве фольклорных сюжетов в синхронии и диахронии. Вспомогательные разделы помогут нам рассмотреть (или хотя бы поставить) и некоторые другие, не менее интересные вопросы теории фольклора, а именно: о многоплановости произведений устного народного творчества, о композиционной и смысловой трансформации фольклорных текстов, а также об определенном изоморфизме повествовательных жанров и пословично-поговорочных клише.

Для начала кратко проанализируем рассказы о состязаниях, в частности о беге наперегонки, из первого раздела вспомогательной части сборника.

Рассказы о состязаниях

Вероятно, каждый из нас помнит с детства забавную немецкую (гриммовскую) сказку о том, как два братца ежа «бегали наперегонки» с зайцем, став у разных концов канавы, или русскую сказку о хитром раке, который «обогнал» лису, прицепившись к ее хвосту. Обе эти сказки являют собой типичнейшие образцы рассказов о состязании, распространенных по всему миру. Пожалуй, нет ни одного народа, в фольклоре которого нельзя было бы отыскать мифа, сказки, басни или анекдота с таким или подобным сюжетом. Последнее обстоятельство и делает рассказы о состязаниях чрезвычайно удобными для наших целей, тем более что сами эти рассказы, как правило, очень коротки.

В первом разделе вспомогательной части книги помещено 47 текстов о состязаниях, в том числе 31 — о беге и плавании наперегонки. 18 из них в точности повторяют сюжет гриммовской сказки «Еж и Заяц» или русской сказки «Лиса и Рак»

(см. 65а, с. 32—51), а остальные представляют более или менее близкие варианты тех же сюжетов².

Внимательное рассмотрение всех этих и подобных рассказов позволяет обнаружить ряд любопытных особенностей. О некоторых из них нам уже приходилось говорить в работе «От поговорки до сказки» (91, 54—55, 59—60, 62, 70 и 72). Но там в связи с общим замыслом книги мы смогли коснуться лишь немногих структурных вариантов данного типа текстов. Здесь же мы имеем возможность привлечь для анализа и другие его варианты, в частности различные смысловые и композиционные трансформы рассказов о состязаниях. Конечно, и теперь наш анализ не будет полным, ибо он помимо всего прочего ограничен основной целевой установкой настоящей статьи. Но все же он даст какое-то представление о названных текстах, а через них — и о других фольклорных рассказах о хитрецах.

Какие же черты интересующих нас текстов были отмечены в книжке «От поговорки до сказки»?

Прежде всего, там было показано, что рассказы о состязаниях, и в частности о беге наперегонки, как и другие фольклорные тексты того же структурного уровня, можно рассматривать по крайней мере в трех планах, или аспектах: а) со стороны их внешней (композиционной) структуры; б) со стороны их основного смысла (или логической структуры) и в) со стороны их предметно-образного содержания (или в плане реалий). При этом подчеркивалось, что все эти три плана не только взаимосвязаны, но и обладают известной степенью автономности. Так, животные, участвующие в состязании, и среда, в которой это состязание происходит, могут меняться, между тем как ход и смысл самого рассказа остается неизменным. Достаточно сопоставить микронезийскую сказку о саргане и крабе, тувинскую — о лисе и налиме, сималурскую — об улитке и обезьяне, пуэрто-риканскую — о лягушке и мыши, сказку индейцев Гайаны об олене и черепахе, чтобы убедиться в этом. В то же время рассказы, сходные по персонажам — участникам состязания, по условиям, в которых оно проводится, не всегда совпадают по своему смыслу. У одних он может сводиться к сентенции, что ум (хитрость) важнее силы (или быстроты), у других же — может быть совершенно иным: «упорство всегда побеждает», «зазнайство не приводит к успеху» и т. п. Доказательством этого могут служить хотя бы латышская сказка «Еж и Заяц» и сирийская басня того же названия, а также

² Число наших примеров можно было бы значительно увеличить. Но это мало что добавило бы по существу. Поэтому мы решили обойтись лишь частью их. Однако при разборе материала мы иногда будем ссылаться и на тексты, не попавшие в сборник.

сходные с ними тексты. И наконец, способ, при помощи которого слабая сторона одерживает победу над своим сильным соперником, и соответствующее этому способу развитие действия тоже бывают различными при одном и том же основном смысле текста. В этом легко убедиться, сравнив многие сказки типа негритянской о братце Кролике и братце Черепахе и японской — о кошке и крабе. И в тех, и в других «доказывается», что хитрость важнее силы, но сама хитрость применяется по-разному: в первых слабое животное использует свое внешнее сходство с родичами, расставляя их вдоль всего пути от старта до финиша, а во вторых — использует физическую силу своего противника, незаметно прицепляясь к его хвосту.

Кстати сказать, отдельные конструктивные элементы («мотивы») какого-либо из планов, например композиционного или плана реалий, встречающиеся в текстах данного типа, могут существовать и вне этих контекстов, в совершенно иной связи. Так, рака, прицепляющегося к хвосту более сильного животного, можно видеть и в болгарском анекдоте «Дрессированная собака», в котором рассказывается, как хитрый габровец с помощью собаки украл у торговки рака (20, 68), и в польской сказке «Конь, Вол, Петух, Кот и Рак», сходной по сюжету с «Бременскими музыкантами» (в ней рак прицепляется к хвосту вола, чтобы вместе с друзьями путешествовать по свету — 61, № 41). А два зайца — один в начале, а другой в конце пути — встречаются не только в сказках о беге наперегонки, но и в рассказах о плутнях Насреддина или других хитрецов (см., например, азербайджанскую сказку о том, как Молла продал правителю «ученого» зайца, якобы умеющего передавать поручения, — 4, 67). Все эти факты — а их можно привести как угодно много — еще и еще раз подтверждают относительную независимость разных планов фольклорных текстов.

Однако вернемся к изложению наблюдений, приведенных в работе «От поговорки до сказки».

Если расширить круг рассматриваемых текстов (например, включить в него такие, какие помещены в 65а на с. 48 и 52—54), то окажется, что слабая сторона для достижения победы использует не только внешнее сходство со своими родичами или силу своего противника, но и прибегает к другим уловкам: выставляет вместо себя быстрого заместителя (например, лежащего под кустом «младшего брата» — зайца, как Иванко-Медведко в русской сказке), роет на пути противника яму-ловушку (как лиса в состязании с волком в соответствующих европейских сказках — см. 3, № 30), пользуется магическими заклинаниями и колдовством (как хамелеон в сказке хауса «Антилопа и Хамелеон») и т. д. Однако при всех уловках, к которым прибегает хитрец, общий смысл и характер самих рассказов в принципе не меняется. То же самое окажется, если

привлечь к анализу и рассказы о состязании в силе (перетягивании, борьбе), в достижении высоты (полетах, прыжках), а также в других «искусствах» (кто больше съест, кто раньше увидит солнце и т. п.) — см., например, сказку негров США «Как братец Черепаха оказался сильнее всех», суринамскую — «Кто выше всех летает», казахскую — «Самый счастливый год» и подобные им сказки других народов (65а, 63—75).

Таким образом, получается, что все рассказы о состязании слабого, но умного (хитрого) и сильного, но глупого противников представляют одну общую мировую сказку, правда имеющую много национальных, географических, социальных и других конкретных вариантов.

Между прочим, к сходному выводу на ином фольклорном материале пришел в свое время советский ученый В. Я. Пропп. В своей знаменитой «Морфологии сказки», вышедшей первым изданием в 1928 г., он показал, в частности, что: 1) Все многочисленные волшебные сказки со всем их сюжетным, смысловым и образным разнообразием сводятся к одной сравнительно несложной схеме, состоящей из ряда инвариантных конструктивных элементов — так называемых функций или типов сказочных действий вроде *отправки героя из дому* или *борьбы с вредителем*, а также «соединительных» и других вспомогательных моментов, число которых невелико и к тому же постоянно (в полной волшебной сказке Пропп насчитал 36 конструктивных элементов, в том числе 31 функцию). 2) Некоторые конструктивные элементы волшебной сказки выступают в прочной связи друг с другом, образуя более крупные композиционные единицы (мы их назвали «блоками»). Так, *запрет* всегда связан с *нарушением запрета*, а *встреча с дарителем* и *предварительное испытание героя* непременно влекут за собой *овладение волшебным средством*. 3) Конструктивные элементы располагаются в сказке не как попало, а в определенном и весьма строгом порядке. Фактически все волшебные сказки построены по одному и тому же плану. Отдельные отступления от общей схемы носят частный характер и определяются конкретным набором элементов. 4) Волшебная сказка обладает определенным числом персонажей, каждый из которых наделен точно очерченным кругом функций. В полной волшебной сказке таких персонажей семь: отправитель героя, герой, даритель волшебных предметов, вредитель, помощник, ложный герой, царевна или ее отец. Если кого-либо из них в сказке недостает, его функции согласно особым правилам возлагаются на имеющихся.

Следуя методу Проппа, мы убедились, что рассказы о состязаниях, как, впрочем, и другие типы народных сказок, также подчиняются перечисленным закономерностям.

Так, композиция рассказов о состязаниях тоже складывается из отдельных конструктивных элементов и блоков. При этом

число названных элементов в рассказе о состязании тоже постоянно, но здесь их еще меньше, чем в волшебной сказке, — всего двенадцать, в том числе семь функций и пять других компонентов композиции. Функции эти таковы: *встреча персонажей-соперников, договор о состязании, подготовка к борьбе, ход борьбы, победа одного из соперников, вручение награды победителю и наказание побежденного*. Другими же компонентами композиции следует считать: *ориентировку во времени и пространстве, характеристику участников, повторение состязания и этиологический момент* («с тех пор пошло то-то и то-то»). И все эти элементы расположены в строго определенном порядке: сначала сообщается, где и когда было дело (ориентировка), затем описываются участники состязания (нередко это совмещается со следующим элементом), потом идут первые пять функций, приведенные выше (и в том же порядке), после них следуют повторные состязания (обычно это происходит по инициативе побежденного), затем идут две последние функции и, наконец, этиологический момент. Подобно волшебным сказкам, рассказы о состязании обладают своим особым набором персонажей с точно очерченным кругом функций. Только персонажей в этом повествовательном типе не семь, а всего четыре: два соперника, заместитель одного из соперников и судья. Иногда функции одного из них, и чаще всего заместителя, выполняют несколько физических лиц.

Разумеется, мы обрисовали «идеальный» рассказ о состязании. Практически в каждом конкретном тексте всегда чего-нибудь недостает: то судьи, то повторных состязаний, то приза победителю, то чего-то еще. Но более или менее полных очень много. Характерным примером такого рассказа о состязании может служить сказка индейцев зуны «Как Суслик состязался с бегунами из Киакиме» (65а, 44), в которой, за исключением повторных состязаний, есть все композиционные элементы, начиная от *ориентировки* («Дело происходило в долине Шивина во времена, когда жители Киакиме прославились своей силой и быстротой ног») и кончая *этиологическим моментом* («С тех пор и доныне юноши-зуны, готовясь к состязаниям по бегу, берут с собой священную желтую пыльцу и красную краску и готовят для сусликов, обитающих у беговой тропы, красивые красные перышки»). Приблизительно то же самое можно сказать о немецкой сказке «Заяц и Еж» (112, № 187), об эскимосской «Лось и Бычок» (72, 506), о сказке индейцев-шошонов «Волк и Лягушка» (111, 54) и о многих-многих других, не считая тех, что помещены в нашем сборнике (65а, 32—47). Однако среди рассказов о состязании встречаются и такие, которые принципиально не могут иметь полного набора конструктивных элементов. Речь идет о повествованиях типа русской сказки «Лиса и Рак» (53, № 35), в которых слабая сторона ис-

пользует силу своего противника и потому обходится без заместителей и, как правило, также и без судьи. (Подобные, принципиально неполные тексты в отличие от тех, которые могут быть полными, мы выделили в особый конструктивный тип 2'').)

Но есть и другие, более существенные особенности рассказов о состязании, которых мы не касались в книжке «От поговорки до сказки».

Если взять остальные тексты, помещенные в первом разделе вспомогательной части (65а, 57—60, 69 и 75—80), то окажется, что помимо всех названных свойств они обладают и некоторыми иными. В частности, взятые вместе с рассмотренными ранее текстами, они составляют определенную систему смысловой (или логической) трансформации, чрезвычайно схожую с той, которая описана нами для пословичных изречений, а также для побасенок, одномоментных анекдотов, басен и шванков, т. е. для всех синтетических (или допускающих расширительное толкование) фольклорных клише других композиционных уровней³.

В самом деле, если одни рассказы о состязаниях «доказывают», что ум (хитрость) лучше (важнее) силы (быстроходности), то другие показывают обратное: тот, кто сильнее, обязательно победит слабого (см., например, сказки «Комар и Конь», «Камбала-рыба», «Два коня» и библейское сказание «Чудо на горе Кармил» (65а, 60, 57, 58 и 75). Есть и такие рассказы, в которых не побеждает никто или каждый побеждает по-своему (см., например, японскую сказку «Состязание в искусстве» — 65а, 78). И наконец, встречаются тексты, из которых неясно, кто из участников состязания одержал победу. Обычно они заканчиваются обращением к слушателю (читателю), предлагая ему самому ответить на этот вопрос. Примером такого рассказа может служить сюжетный анекдот хауса «Кто же самый умелый?», приведенный в конце раздела (65а, 80).

Не следует думать, что рассказы о состязаниях трех последних логических типов (когда побеждает сильный, когда не побеждает никто и когда неизвестно, кто оказался победителем) существуют только как исключения. Ни в коем случае. Правда, рассказов, оканчивающихся вопросом, сравнительно мало. Но зато таких, в которых победителем выходит сильнейший, великое множество. Они встречаются и самостоятельно, и как эпизоды в рамках более широкого повествования. Вспомним хотя бы многочисленные сказки о том, как герой, раздобыв чудесного коня, побеждает — обгоняет или «перепрыгивает» — своих соперников и женится на принцессе (см. 3, № 530, 550 и др.). Однако, ввиду того что такие («честные») состяза-

³ Более подробно об этой системе см. во Введении к нашему сборнику «Избранные пословицы и поговорки народов Востока». М., 1968, с. 30—45 и в 2/1, 20—26 и 62—65.

ния — дело обычное, они не привлекают к себе особого внимания, и неопытному наблюдателю может даже показаться, будто преобладают обратные — именно те, в которых побеждает слабый противник.

Характерно, что все или почти все указанные смысловые варианты (логические трансформы) можно наблюдать не только на материале всего мирового фольклора в целом, но и в фольклорном фонде каждого отдельного народа, стоит лишь обратиться к достаточно представительному собранию сказок (такому, как сборники братьев Гримм, Дж. Харриса, А. Н. Афанасьева и т. п.).

И вот что особенно примечательно: все названные логические трансформы⁴ практически равноценны, т. е. ни один из них нельзя признать более правильным, чем другие. Но, конечно, применяются (рассказываются или вспоминаются) они в разных случаях. Так, сказка о еже и зайце (112, № 187) может прийти на ум немцу, если в разговоре упомянут об инциденте, когда слабый, но хитрый человек обошел более сильного, но простоватого. И напротив, тот же немец вспомнит сказку об орле и крапивнике (112, № 171) или о сельди и камбале (112, № 172), если речь пойдет о противоположных ситуациях⁵. И в этом нет ничего удивительного — ведь большинство рассказов о состязаниях, в частности все сказки, басни и сюжетные анекдоты на эту тему, как и всякие фольклорные тексты назидательного характера помимо всего прочего представляют собой модели разнообразных жизненных и логических ситуаций.

Возьмите любой сказочный эпизод самого «реального», т. е. нефантастического, свойства, например: человек сидит на суку и собственными руками этот сук рубит. Сам по себе такой эпизод в жизни, конечно, немислим. Но в сказках он встречается

⁴ В дальнейшем для простоты мы будем обозначать их буквами А, Б, В и Г. К трансформам А мы относим тексты, «доказывающие», что побеждает сильнейший, к трансформам Б — умнейший, к трансформам В — ни тот ни другой (или — и тот и другой) и к трансформам Г — неизвестно который.

⁵ Собственно говоря, на таком «ассоциативном» принципе — рассказе к случаю — и построены знаменитая индийская «Панчатантра», арабская «Калила и Димна», турецкая «Тути-наме», греческий (и старославянский) «Стефанит и Ихниллат», испанский «Граф Луканор» и многие другие прославленные в веках сборники назидательных историй. На том же ассоциативном принципе основаны и многочисленные пословичные изречения, восходящие к популярным народным рассказам. Таковы, в частности, две следующие поговорки народа ньянг из Камеруна: *Это бег наперегонки между антилопой и черепахой* и *Состязание между собакой и леопардом*. Согласно примечанию И. Иттмана, записавшего эти изречения, первое из них восходит к сказке, напоминающей гриммовскую о еже и зайце, и употребляется в ситуации, аналогичной описанной нами; второе же — также восходящее к известной в народе сказке — говорят в случае спора или драки двух примерно равных по силе противников (107, № 465, 466).

очень часто (его можно встретить хотя бы в рассказах о Насреддине, Абу-Нувасе и других шутниках). И тут он отнюдь не нелеп, а весьма содержателен. Правда, чтобы увидеть это, надо понять его не буквально, а метафорически. И тогда он сразу обернется своей жизненной стороной: как часто люди сами рубят сук, на котором сидят!

Возвратимся, однако, к вопросу о логической трансформации. Прежде всего следует подчеркнуть, что отмеченная выше система такой трансформации относится не только к рассказам о состязаниях, но и к фольклорным текстам иных структурных и смысловых типов, например к сказкам, басням и анекдотам о судах. Так, многочисленным народным рассказам о мудрых и справедливых судах (вспомните «суды Соломона») противостоят не менее многочисленные рассказы о судах глупых и неправедных (вспомните суд над щукой, которую было решено утопить, или знаменитый «Шемякин суд»). Среди рассказов о судах немало и таких, где правыми оказываются обе противные стороны. Таков, например, анекдот о суде Гершеле (65а, 282), сходный с ним корейский рассказ о чиновнике Хване, азербайджанский — о Молле Насреддине и многие другие. Есть среди «судебных рассказов» и так называемые рассказы-дилеммы, вообще не дающие ответа на вопрос, которая из сторон права, а только ставящие его перед слушателями. Примером такого рассказа можно назвать либерийскую сказку-загадку «Прекрасный юноша» (68, 11) и сходные с ней африканские тексты, приведенные в книге А. Джеблону «Yes and No» (118).

Далее, трансформация распространяется на все компоненты фольклорных текстов, в том числе на отдельные конструктивные элементы и блоки, а также на персонажей. Последнее хорошо видно на примере тех героев народных рассказов, которым посвящены более или менее обширные циклы. Та же лиса, которую в сказке о состязании так ловко обманул рак, во многих других европейских и азиатских сказках и баснях выступает в качестве самого умного и хитрого животного. В этом отношении не отличается от лисы и хитроумный карликовый олень (канчиль) из индонезийских сказок, и братец Кролик из негритянских сказок Америки, которых «обогнали», а попросту — провели, улитка и черепаха (32, 29 и 104, 57). Еще нагляднее проявляется смысловая трансформация в образах антропоморфных героев — таких, как Абу-Нувас, Ахмет-Ахай, Бирбал, Кемине, Ким Сон Даль и Насреддин. Все они оказываются то умными, то глупыми, то бедными, то богатыми, то верующими, то неверующими, то злыми, то добрыми и т. д. и т. п. Это легко проследить и на материале настоящего сборника, в каждой или почти в каждой главе которого представлены различ-

ные качественные трансформации заглавных персонажей. Интересно, что подобные трансформации встречаются даже в рамках одного и того же сюжета. Так, в узбекском анекдоте «Преображения осла» рассказывается, как Насреддин обманул имама, уведя у него осла и став на его место (65а, 360). В аналогичном туркменском анекдоте тем же способом воры крадут осла у самого Насреддина (83, 151). Такого рода сюжетные пары попадают довольно часто (ср., например, турецкий рассказ о Насреддине и баклаве с аналогичным уйгурским — о Насреддине и меде — 5, № 361, и 86, 10).

И наконец, смысловая трансформация фольклорных рассказов — явление достаточно раннее. Она наблюдается даже в самых древних пластах народного творчества, например, в архаичных мифах о сотворении мира и о так называемых культурных героях, добывших людям огонь, орудия труда и прочие блага цивилизации. Так, мифический персонаж («культурный» герой и творец-демиург) коряков и ительменов, мудрый и могущественный ворон, иногда выступает в роли плута или дурачка (76, 60). Противоположными, несовместимыми друг с другом качествами наделены мифический герой американских индейцев бассейна р. Колумбии койот (76, 65), герой древнего осетинского эпоса Сырдон (76, 171—173) и почти все другие персонажи архаичного народного творчества, в том числе и те, что представлены в нашем сборнике (65а, 101, 108, 140, 271 и др.). Особенно ярко смысловой «дуализм» архаичного фольклора проявляется в рассказах о братьях-близнецах, известных многим народам мира. Один из этих братьев обычно умен и находчив, другой же, напротив, глуп и бестолков. Первому приписывают создание всех хороших вещей, явлений, обычаев, а второму — всех плохих и ненужных, начиная от вредных насекомых и кончая смертью. Таковы, например, братья-близнецы из фольклора меланезийцев Новой Британии То Кабинана и То Пурго или То Карвуву (71, № 28 и 43—45). Однако в мифах указанные смысловые различия имеют несколько иной характер, чем в сказках, баснях и анекдотах, ибо сами мифы принципиально отличаются от названных типов текстов. Подлинные мифы, как и другие аналитические клише⁶ (приметы, хозяйственные, медицинские и юридические изречения), строго однозначны и не допускают никакого расширительного толкования⁷. Это наглядно демонстрируют три мифологических рассказа о состязании, вы-

⁶ Об аналитических фольклорных клише см. в нашей работе «От поговорки до сказки» (91).

⁷ Разумеется, любой мифологический текст можно подвергнуть толкованию с современной и какой угодно иной — посторонней по отношению к данному мифу — точки зрения. Однако в таком случае это будет уже не тот текст, который был мифом у создавшего его и пользовавшегося им народа (племени).

деленные нами в особую группу (см. 65а, 60, 62 и 70). Единственный «обобщающий» смысл каждого из этих текстов состоит в том, что такой-то персонаж в данном случае оказался (или не оказался) лучше (удачливее) такого-то.

Говоря о смысловой вариативности народных рассказов, нельзя не упомянуть еще об одном важном моменте. Выше, где речь шла об относительной независимости разных планов фольклорных текстов, мы отмечали, что некоторые рассказы о состязании в беге, сходные по своим участникам и условиям, в которых эти состязания проводятся, не всегда совпадают по своему основному смыслу: одни из них утверждают, что ум (хитрость) важнее силы и быстроходности, а другие — что зазнайство не приводит к успеху, и т. п.⁸ Позднее, разбирая вопрос о логической трансформации текстов и показав наличие в фольклорном фонде трансформов А, Б, В и Г, мы как будто частично объяснили этот смысловой разнобой. Но на самом деле не так. Различные по смыслу рассказы о беге, о которых мы говорили выше (например, латышская сказка «Еж и Заяц» и сирийская басня того же названия), не являются логическими трансформациями одних и тех же мыслей или ситуаций. Разница между ними иного свойства. Здесь из тех же составных элементов построены тексты, относящиеся к совершенно различным структурно-логическим типам, т. е. моделирующие совсем разные типы ситуаций⁹. Кстати сказать, в этом отношении, как и в ряде других, повествовательные фольклорные тексты сближаются с пословичными изречениями (ср., к примеру, образованные из одних и тех же реалий, но разные по логической структуре вьетнамскую и китайскую пословицы *Нет рыбы — почитают и краба* и *Где крабы, там и рыба*).

Таковы вкратце основные особенности народных повествовательных текстов, обнаруживаемые при взаимном сопоставлении рассказов о состязании.

Но это не все. Сравнение рассмотренных нами рассказов о состязании с другими фольклорными текстами, повествующими о тех же героях, например о лисе, черепахе, кролике, зайце и других, позволило установить еще одну любопытную закономерность, касающуюся вопроса о том, кто же из хитрецов самый хитрый. Об этом мы и поговорим в следующем разделе нашей вступительной статьи.

Кто самый хитрый из хитрецов?

В сказке индейцев кэддо «Койот и Черепаха» (65а, 38) черепаха обманывает койота, а в сказке негров США «Как братец Кролик и братец Черепаха бегали наперегонки» (65а,

⁸ Более подробно об этом см. 91, 65—67.

⁹ Несколько образцов подобных рассказов о беге наперегонки даны нами

36) — кролика. В латышской сказке о лисе и раке (65а, 48) более хитрым оказался рак, в сималурской об улитке и обезьяне (65а, 33) и в камбоджийской об улитке и зайце (65а, 47) — улитка. Между тем, судя по другим рассказам нашего сборника (см. содержание первого раздела основной части), самыми умными и хитрыми животными оказываются как раз те, которые в названных выше сказках были обмануты. То же самое можно сказать и об участниках состязаний в силе, ловкости и всех прочих.

Так кто же из фольклорных хитрецов самый хитрый? Кто из силачей самый сильный? И вообще, кто из персонажей фольклора самый удачливый и непобедимый?

Ответить на эти вопросы не так-то просто. И не только потому, что в фольклоре разных стран и народов самыми удачливыми считаются различные персонажи, но и потому, что то же наблюдается и в фольклоре почти каждого отдельного народа. Так, у американских негров умнейшими и хитрейшими животными считаются и черепаха и кролик, у латышей — и лиса и заяц. В фольклоре многих народов имеется по несколько прославленных хитрецов — как антропоморфных, так и зооморфных¹⁰. У туркмен, например, много сказок и анекдотов о знаменитых хитрецах и шутниках Кемине, Эсенполате, Мирали, Кары-Ате и Эпенди Насреддине (83). А в суданском фольклоре есть циклы сказок и басен о хитрых проделках гиены, шакала, зайца, черепахи и паука (73).

Более того, если внимательно рассмотреть фольклорные тексты какого-нибудь одного народа, то окажется, что там — по всем правилам трансформации, описанным в предыдущем разделе, — каждый персонаж предстает перед слушателями (читателями) то в качестве умного, то глупого, то сильного, то слабого, то непобедимого, то побежденного и т. д. В результате каждый фольклорный герой входит в любую оценочную систему фольклорных персонажей и как лучший, и как худший ее элемент. Это особенно наглядно выступает на примере «кольцевых» кумулятивных сказок типа вьетнамской «Кто самый сильный?»:

В мире всех сильней король:
по его приказу вора
ловят и казнят немедля.
Но и вор силен, однако:
петуха украсть он может
и сварить себе на ужин.
И петух силен, конечно:

¹⁰ Ср. в этом свете русские народные изречения про лису и про волка: *Хитрый как лиса и Хитрее волка и зверя в лесу нет.*

ловко он червя глотает.
 Но и червь имеет силу:
 точит он подножье трона,
 и король летит на землю.
 Кто же на свете всех сильнее?

Символически взаимоотношения короля (К), вора (В), петуха (П) и червя (Ч) в приведенной сказке можно изобразить в виде цепочки:

$K > V > П > Ч > K$,

где «>» служит знаком предпочтения (превосходства) и читается как «сильнее, чем» или «лучше, чем», «предпочтительнее, чем» и т. д. Нетрудно заметить, что данная цепочка бесконечна и схематически может быть представлена в виде кольца, каждое звено которого превосходит следующее за ним и само превосходится предыдущим:

Схема 1

Аналогичные кольца превосходства — и большие, и малые, и простые, и «фигурные» — можно отыскать в фольклоре любого народа. Обратимся за примерами к животному эпосу латышей.

Среди латышских сказок о животных (см. 48) есть такие, где лиса побеждает кота, волка, медведя, рысь, ворона, петуха, собаку, козу и некоторых других животных, а также человека (48, 85—88, 98 и др.). Но в том же сборнике имеются и другие сказки, в которых лиса оказывается побежденной. Ее одолевают тетерев, петух, заяц, ворон, рак, ястреб, кот и человек (48, 82, 97, 101 и др.). Заяц оказывается сильнее (или хитрее) лисы, волка, льва, собаки и человека. Человек побеждает медведя, волка, лису, зайца, овода, птицу, рыбу и червяка. Волк уступает собаке, барану, зайцу, лошади и свинье (48, 143, 148, 156—159, 186 и др.) и т. д. и т. п.

По сказкам названного сборника можно составить ряд цепочек и колец превосходства. Вот некоторые из них:

Элементарные

- 1) Лиса > Петух > Лиса; 2) Лиса > Ворон > Лиса;
- 3) Лиса > Кот > Лиса; 4) Лиса > Человек > Лиса.

Сложные

1) Человек > Лиса > Заяц > Лев > Собака > Кот > Свинья > Волк > Коза > Человек;

2) Лиса > Петух > Лиса > Кот > Лиса > Заяц > Ворон > Лиса.

Такие сложные цепочки удобно изобразить схематически в виде колец¹¹.

Схема 2

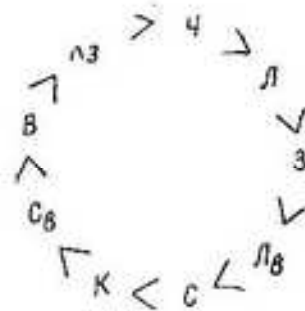
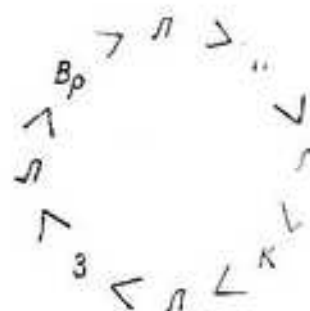
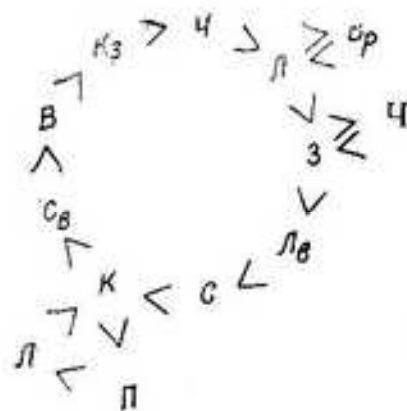

Схема 3

Если некоторые звенья больших колец заменить равнозначными им кольцами меньшего размера, схема приобретает такой вид:

Схема 4

Многие звенья можно поменять местами, знаки преференции (>) можно повернуть в обратную сторону — схема все равно будет соответствовать фольклорному материалу.

В чем же тут дело?

Этого мы доподлинно не знаем.

Может быть, кое-что объясняется действительной хитростью животных, их великолепной приспособленностью к условиям существования, правдиво отраженными в народном творчестве? Возможно. Во всяком случае, известно, что многие животные

¹¹ Из соображений простоты мы на схемах обозначили животных первыми буквами из русских названий: Лису — Л, Заяца — З, Волка — В и т. д. И только в четырех случаях, во избежание путаницы добавили еще по одной букве: Лев — Лв, Ворон — Вр, Свинья — Св и Коза — Кз.

«горазды на хитрости». Как ловко петляет заяц, уходя от своих преследователей! Весьма «остроумно» прячется от врагов хамелеон, меняя свою окраску в зависимости от цвета окружающей его среды. Тетерка, сидящая на яйцах, при приближении человека прикидывается раненой и, волоча по земле «подбитое» крыло, отвлекает непрошеного гостя от своего гнезда. Еще хитрее поступают полевые воробьи, устраивающие свои гнезда в стенках гнезд своих злейших врагов — соколов: соколы не охотятся вблизи своих гнезд и не подпускают туда других хищников. А вот что рассказывают знатоки об осьминоге: если осьминог не может раскрыть раковину, чтобы полакомиться моллюском, он ждет, когда та раскроется сама, и вставляет между створками камень или кусок коралла¹².

Однако эти и подобные им факты не объясняют существующего разнобоя в оценке ума и других свойств животных, того, что мы называем качественной трансформацией фольклорных персонажей, когда умные и глупые герои рассказов меняются местами даже в рамках одного и того же сюжета. Выше мы приводили соответствующие примеры об умном и глупом Насреддине. Приведем здесь сходные примеры о персонаже-животном. В сказке народа динка из Судана рассказывается, как гиена обманула льва. Эти животные вместе добыли мясо (убили антилопу). Гиена сказала, что мясо надо зажарить, и послала льва за огнем. Лев направился к солнцу, но вернулся ни с чем. Пока он ходил, гиена сожрала мясо, а льву сказала, что его, вероятно, съел бог земли (73, 137). У народа канури из Западной Африки такую же сказку рассказывают про ласку и гиену. В ней ласка тем же способом обманывает глупую (последнее подчеркнуто дважды) гиену. Только ласка сваливает вину на людей (70, 327). Совершенно ясно, что никакими биологическими соображениями трансформацию образа гиены в приведенных нами примерах объяснить нельзя.

Может быть, решение вопроса связано с проблемами этнографического характера — с древними обычаями и поверьями? Вполне вероятно. Во всяком случае, такие предположения высказывались не раз.

Согласно одному из них, фольклорные рассказы об умных и хитрых (вообще хороших) животных восходят к религиозно-магическим текстам, которые предназначались для самих этих животных. Их произносили (рассказывали), чтобы умиловать данных животных или усыпить их бдительность и тем самым обеспечить удачную охоту на них¹³. Однако изложенная гипотеза при всех своих достоинствах не в состоянии объяснить, почему оказываются хорошими животные, не имеющие

¹² Ср. с аналогичными проделками фольклорных персонажей.

¹³ См.: «Сергею Федоровичу Ольденбургу, к 50-летию научно-общественной деятельности». Л., 1934, с. 235—240.

никакого промыслового и вообще хозяйственного значения, — такие, как лягушка, паук, муха, ящерица и т. д.

Значительно более убедительным выглядит другое предположение, а именно то, что зооморфные персонажи фольклора восходят к тотемным предкам тех или иных этнических общностей. Многие племена Австралии, Океании, Южной Америки и Африки до сих пор считают некоторых животных своими сородичами, поклоняются им, приносят им жертвы и никогда их не убивают. В Новой Каледонии, например, категорически запрещается убивать ящериц: местные жители видят в них олицетворение своих предков. Фратрии (брачные классы) папуасов почитают своими предками кенгуру, казуара, собаку, кабана, орла, баклана и других местных животных, а также некоторые растения и рассказывают о них соответствующие истории (см. 78). Легко представить, что при консолидации отдельных родов и племен в более крупные этнические объединения, вроде ирокезского союза племен, их старые тотемные предки становятся объектами более широкого почитания¹⁴, предметами поклонения целых народов, т. е. превращаются в богов и полубогов. Другие же оттесняются на задний план или наравне с первыми входят в общенациональный пантеон. В дальнейшем, например при установлении единобожия, старые племенные боги превращаются в разного рода херувимов, серафимов или же в нечистую силу.

Но если предположение о тотемном происхождении зооморфных персонажей может объяснить, почему в фольклоре одного и того же народа предпочтение отдается то одному, то другому животному, то оно вряд ли объяснит предпочтение одних антропоморфных персонажей другим. Впрочем, может быть, эти последние (т. е. персонажи-люди) тоже восходят к древним племенным первопредкам, «культурным» героям, которых почитали как покровителей этнических групп и, естественно, считали самыми умными, самыми сильными и самыми хорошими. Однако и это предположение не в состоянии объяснить всех фактов. Среди хитрецов и мудрецов-людей очень много таких, которые появились сравнительно недавно, каких-нибудь 300—500 лет назад, тогда как фольклор существует многие тысячелетия. К тому же эти хитрецы и мудрецы, как мы знаем из предыдущего раздела, зачастую оказываются глупцами и простаками.

Правда, последнее обстоятельство некоторые фольклористы считают — и не без оснований — результатом сознательного или бессознательного «пародирования» старых, отживших представлений (76, 55—56). По мере социального и культурного развития взгляды людей меняются, и то, что когда-то казалось хоро-

¹⁴ Так, койот, медведь и черепаха стали символом союза ирокезов (Велесовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940, с. 518).

шим, становится плохим, и наоборот. Так, с установлением и укреплением патриархальных обычаев у осетин их древние фольклорные персонажи коренным образом меняют свой характер. Великий герой старинных осетинских сказаний — благородный нарт Сосруко (Сослан) в более поздних версиях превращается в трусливого и вероломного человека, а его мать, полубожественная родительница нартов Сатана, становится злой колдуньей (76, 182—183). Подобных примеров в творчестве любого народа можно найти очень много. Но все они, вместе взятые, не могут объяснить ни многообразия трансформативных форм, ни — особенно — случаев с так часто встречающимися в архаичном фольклоре близнецами, из которых один «пародирует» дела другого. Ведь оба близнеца действуют одновременно, так что ни о какой эволюции народных представлений здесь не может быть и речи.

Скорее всего дело совсем в другом. И наши кольца превосходства, и все многообразие качественных вариантов фольклорных персонажей связаны с той системой логической трансформации текстов, о которой мы говорили в предыдущем разделе статьи. В самом деле, если народные рассказы — как взятые целиком, так и по отдельным своим частям — моделируют факты и ситуации, встречающиеся в действительной жизни, то совокупность этих рассказов повторяет (в качестве модели) совокупность самих жизненных фактов и ситуаций. Но факты и ситуации, встречающиеся в жизни, могут быть и бывают самыми разными, они могут наблюдаться в разной связи друг с другом, могут оцениваться с разных сторон и уже по одному этому могут выглядеть в каждом из своих жизненных контекстов (а при отражении в фольклоре — в каждом из своих фольклорных контекстов) по-разному: то хорошими, то плохими; то нужными, то ненужными; то умными, то глупыми — одним словом, разными. И каждый раз, несмотря на все различия между собой, — совершенно правильными. Посмотрим на историю Самсона и Далилы глазами филистимлян, и все оценки сразу изменятся на обратные. Далила из предательницы мгновенно превратится в «положительную» героиню и ничем не будет отличаться от какой-нибудь Елены Прекрасной, выпытывающей у Кощея секрет его смерти. Особенно показательна в этом отношении замечательная дунганская сказка о двух братьях, которые посватались к дочерям учителя Мацуна. Чтобы проверить ум и знания женихов, Мацун задал им три вопроса. Сначала он спросил старшего брата: «Почему гусь выходит из воды сухим и почему у него такой громкий голос?» Тот ответил: «Перья гуся покрыты жиром, и вода к ним не пристает. А громкий голос гуся объясняется тем, что у него длинная шея и большая гортань». Потом Мацун спросил: «Почему одна сторона у яблока красная, а другая зеленая?» Старший брат по-

смотрел на яблоню и ответил: «Потому что одна половина яблока обращена к солнцу, а другая находится в тени». Затем учитель повел жениха в комнату, где сидела старшая дочь, и спросил: «Почему у моей дочери белая кожа, а у вас — темная?» Старший брат ответил: «Ваша дочь белая, потому что она постоянно сидит дома, а я темный, так как много бываю на солнце». Мацуну понравились ответы старшего брата, и он согласился отдать за него свою старшую дочь. После этого учитель задал те же вопросы младшему брату, человеку совершенно иного склада. На вопрос о голосе гуся младший брат ответил: «Голос зависит от породы животного». Учитель заметил: «Но ваш ученый брат сказал, что у гуся оттого громкий голос, что у него длинная шея». — «О нет, — возразил младший брат, — это частный случай, и из него нельзя делать правила. У лягушки, например, совсем короткая шея, а голос очень громкий». Услышав вопрос о яблоке, младший брат сорвал его с дерева, разломил пополам и, показав на семена, ответил: «Все зависит от семян, то есть от сорта яблока». — «Но ваш ученый брат сказал, что одна половина яблока стала красной потому, что ее освещало солнце», — заметил учитель. «О нет, — ответил младший брат, — это частный случай. Бывают яблоки одинаково красные со всех сторон, хотя они освещаются солнцем лишь с одной стороны. А свекла все время сидит в земле и вообще не видит солнца, и все-таки она красная». Наконец Мацун подвел младшего брата к своей младшей дочери и задал вопрос о ее коже. Младший брат ответил: «Нежная белая кожа у нее от природы». — «Но ваш ученый брат объяснил это тем, что мои дочери все время находятся в тени». — «О нет, — возразил младший брат, — это частный случай. Черный жук постоянно живет в тени, но он не становится от этого белым». Мацун согласился, что и второй брат тоже хорошо ответил на все вопросы, и отдал за него свою младшую дочь (23, 49).

В свете этой сказки более глубокими и осмысленными представляются противоречивые деяния архаических фольклорных близнецов, которые по-разному «отвечали делом» на стоящие перед ними одинаковые «творческие вопросы». Может быть, именно в этом неоднобоком подходе, в попытке рассматривать явления с разных сторон и оценивать их по-разному и заключается величайшая мудрость наших далеких предков, которые зафиксировали свой богатейший жизненный опыт в простой и вместе с тем сложной, стройной и вместе с тем противоречивой системе логической трансформации, отражающей практическую логику здравого смысла.

Таковы наиболее вероятные предположения, объясняющие сущность наших колец превосходства и тем самым дающие какой-то ответ на вопрос, поставленный в заголовке раздела.

Перейдем теперь ко второму разделу вспомогательной час-

ти сборника — «Рассказы о мнимом уходе» — и посмотрим на сюжетное сходство фольклорных текстов с несколько иной стороны.

Междужанровые соответствия

Как видно из предыдущего изложения, среди рассказов, повествующих о проделках хитрецов-трикстеров, встречаются тексты разных фольклорных жанров — басни, волшебные сказки, сказки о животных, бытовые или новеллистические сказки и анекдоты, разного рода легенды и мифы. Фольклористы и историки культуры уже давно пришли к выводу, что разные фольклорные жанры соответствуют разным стадиям развития народного творчества. И хотя между учеными нет полного согласия относительно последовательности и взаимозависимости этих стадий, сам факт стадияльного характера жанровых различий, кажется, ни у кого не вызывает сомнения.

В этой связи представляется небезынтересным то обстоятельство, что в числе текстов самых различных жанров, т. е. представляющих разные стадии развития фольклора, встречаются рассказы, имеющие один и тот же сюжет. Так, о похищении у божества (духа, царя, богача и т. п.) какой-либо необходимой герою (или его народу, его господину и т. п.) вещи рассказывается во многих мифах о «культурных» героях (см., например, полинезийский миф о похищении хитрецом Мауи клубней таро у небесных богов — 65а, 337), в различных эпических сказаниях о великих богатырях (см., например, карело-финскую руну о похищении Вяйнямёйненем чудесной мельницы сампо у хозяйки Похьелы — 34, 267), в многочисленных волшебных сказках (см., например, известную русскую сказку о похищении добрым молодцем жар-птицы и Василисы-царевны — 53, № 169), в целом ряде сказок о животных (см., например, индийскую сказку о похищении обезьяной царевны у тигра — 65а, 176), а также во множестве бытовых сказок и анекдотов о ловких ворах (см., например, тексты, представленные в главе «Ловкие воры» третьего раздела основной части сборника — 65а, 474 и сл.). Подобных «сквозных» или «полных» сюжетных наборов, охватывающих все повествовательные фольклорные жанры, можно привести много¹⁵. Один из них — набор рассказов о мнимом уходе — мы и привели во втором разделе вспомогательной части книги (65а, 81—97).

В каждом из десяти приведенных там текстов, начиная от

¹⁵ Еще больше существует «неполных» наборов, которые охватывают не все жанры. Но, конечно, не всякий «неполный» набор именно таков: может быть, нам по каким-то причинам просто известны не все его формы.

архаичного мифа о «культурном» герое и кончая бытовым анекдотом и авторским литературным произведением, главный персонаж повествования совершает один и тот же трюк: он делает вид, будто уходит, а сам прячется где-нибудь поблизости, дает событиям развернуться, а затем — в самый подходящий момент — выходит из укрытия и разрешает конфликт (хватает нужную вещь, изобличает преступника и т. п.). Таким образом, материал второго раздела на конкретных текстовых образцах дает нам картину глубинного (стадиального или диахронического) фольклорного «среза», своего рода «геологический шурф», прошедший сквозь все жанровые слои повествовательного народного творчества.

Однако будет неверным видеть в рассказах о мнимом уходе только эту сторону дела. Если присмотреться к ним повнимательнее, нетрудно заметить существенные различия между отдельными текстами. В первом из них — старинном гавайском мифе — рассказывается, как Мауи выведал у кур алае тайну добывания огня. Поначалу ему это не удавалось: при приближении человека куры мгновенно гасили огонь и разбегались. Тогда Мауи имитировал свой отъезд с острова, незаметно подкрался к птицам и, как только они разожгли огонь, схватил одну из его хранительниц. В другом тексте — мифе народа йоруба — объясняется, почему черепах приносят в жертву богу колдовства Осанину. Когда-то Осанин ловко разоблачил черепаху, забравшуюся в чужой огород и своей странной песней отпугивавшую всех, кто туда подходил, в том числе хозяина огорода и помогавших ему богов. Осанин объявил, что уходит домой, и, спрятавшись в кустах, дождался, пока черепаха вышла из своего убежища. В двух следующих за мифами волшебных сказках — папуасской и вьетнамской — рассказывается, как, пользуясь тем же приемом, герой добывает себе чудесную жену. Но в первой дело тем и кончается, во второй же эта история служит одним из начальных эпизодов повествования, развертывающегося по классической сказочной схеме, описанной В. Я. Проппом. В пятом тексте — сказании о покорении Трои — повествуется о знаменитом троянском коне, которого, по совету хитроумного Одиссея, оставили греки, якобы уплывшие от берегов Трояды, и которого неразумные троянцы втащили в свой город. В следующем, шестом тексте рассказывается, как братец Кролик спас своего друга братца Черепаху, пойманного лисом. Кролик сказал лису, что, проходя мимо его поля, видел, как какие-то люди портили там арбузы. И, добавив, что уходит по своим делам, спрятался в зарослях неподалеку от дома лиса. Когда же лис убежал, кролик вошел в его дом и освободил черепаху. В четырех остальных текстах содержатся еще четыре непохожие одна на другую истории. В их числе: история о хитрой лисе, проверившей, как благодетельствован-

ный ею человек держит свое слово («Как Лиса испытала Букуча» — 65а, 91); новеллистическая сказка о верной жене, прочувшей назойливых ухажеров («Харза с бородой» — 65а, 92); анекдот о жеманной притворщице, разоблаченной своим мужем («Притворщица» — 65а, 94), и рассказ А. Конан Дойла о знаменитом сыщике Шерлоке Холмсе, разыскавшем важный государственный документ («Как был найден исчезнувший документ» — 65а, 95).

Сопоставление описанных текстов показывает, что при общности основного приема, благодаря которому главный герой достигает успеха, все они сильно отличаются друг от друга: рассказывают о разных вещах и имеют совершенно различный смысл. При этом указанные различия касаются не только разножанровых текстов, но и текстов, относящихся к одному и тому же жанру (ср., например, два имеющих там мифа).

Отмеченное разнообразие текстов отличает набор рассказов о мнимом уходе от упомянутого нами ранее набора рассказов о похищении, все тексты которого близки друг другу как по сюжету, так и по смыслу. В чем же тут дело?

Можно подумать, будто различные свойства двух наших наборов объясняются тем, что сам по себе рассказ о мнимом уходе не составляет всего сюжета, а является лишь его частью — конструктивным элементом (или, как принято говорить, «мотивом»), тогда как рассказ о похищении занимает весь или почти весь сюжет. Однако такое объяснение нельзя признать убедительным. Есть мотивы, которые, как и всякие конструктивные элементы, тоже не охватывают всего сюжета, но тем не менее полностью или почти полностью определяют развитие действия и дают в разных текстах сходные по смыслу рассказы. Таков, например, известный нам по предыдущему изложению мотив *прицепление к хвосту*, используемый в рассказах о состязаниях: слабое, но хитрое животное прицепляется к хвосту своего сильного противника и таким способом побеждает его в беге, плавании, полете в высоту или в прыжках¹⁶.

Тогда, быть может, сами мотивы неравноценны по своим внутренним свойствам и какое-нибудь *прицепление к хвосту* обладает большей «сюжетной мощностью», чем *мнимый уход*? Опять же нет. Вспомните рака, прицепляющегося к хвосту вола, чтобы в таком положении путешествовать со своими друзьями, — из польской сказки «Конь, Вол, Петух, Кот и Рак», о которой мы говорили выше. Там этот мотив играет чисто вспомогательную роль и абсолютно не влияет на развитие действия.

По всей вероятности, истина заключается в том, о чем мы

¹⁶ А. Аарне и его сторонники даже выдают этот конструктивный элемент за несколько самостоятельных сюжетов (З, № 275, 250, 221).

в свое время писали в работе «От поговорки до сказки» (21, 74), а именно, что любой конструктивный элемент фольклорного текста следует рассматривать (и оценивать) не сам по себе, а в неразрывной связи с тем или иным планом повествования, ибо один и тот же элемент в разных планах может играть совершенно разную роль. Так, например, сочетание двух функций волшебной сказки — *нарушение запрета* и *следующая за ним беда* — в композиционном плане представляет собой *завязку*. Те же две функции в смысловом плане могут означать *ситуацию*: «за преступлением неизбежно следует наказание». И наконец, те же функции в плане реалий могут служить *описанием реально существующих или когда-то существовавших в данном обществе запретов (табу)* и *предостережением от их нарушения*. Последнее можно видеть в сказке индейцев бассейна р. Колумбии «Мейзон-озеро и плачущий Лунь», герой которой превратился в луня в наказание за то, что отведал запретной рыбы (18, 50).

Иными словами, значение того или иного конструктивного элемента (мотива) зависит не столько от него самого, сколько от его места в общей системе повествования.

Применительно к нашему случаю, т. е. набору рассказов о мнимом уходе, это означает, что объединяющий их конструктивный элемент выполняет сходную роль только в одном — композиционном — плане, тогда как в двух остальных представ-

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА *

МЕСТО ПАРЕМИЙ В РЯДУ ЯЗЫКОВЫХ И ФОЛЬКЛОРНЫХ КЛИШЕ

Среди разного рода языковых клише, т. е. устойчивых словесных образований, видное место занимают так называемые паремии, или народные изречения, выраженные предложениями (например, пословицы, поговорки, приметы), а также короткими цепочками предложений, представляющими элементарную сценку или простейший диалог (например, побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки).

Если взять различные языковые клише, начиная от самых маленьких и простых, состоящих из одной однофонемной морфемы вроде предлогов *о* или *у*, и кончая самыми большими и сложными вроде «многоходовой» волшебной сказки «Королевич и его дядька» (сюжет № 502 по указателю Аарне — Андреева), и расположить их друг за другом в порядке возрастания величины и сложности, то мы получим достаточно длинный и непрерывный ряд с постепенными переходами от одних форм к другим. В сокращенном виде этот ряд (столбец) будет выглядеть так (табл. 1).

Мы намеренно сильно упростили схему, чтобы не делать ее слишком громоздкой. Фактически, т. е. в ряду реальных клише, каждая клетка табл. 1 может быть разбита на несколько более мелких. Так, клетку 1 (слова) можно разделить по меньшей мере на три части: а) самые простые слова, начиная от тех, что состоят из одной однофонемной морфемы, и кончая одноморфемными словами, состоящими из двух или трех фонем (например, *дом*); б) более сложные однокорневые слова, состоящие из двух или трех морфем (например, *домовой*), и

* Изложение докладов, с которыми автор выступил в НМЦРЯ при МГУ им. М. В. Ломоносова 1 ноября 1972 г. и в Институте этнографии АН СССР 1 декабря того же года. Печатается по сб. «Типологические исследования по фольклору». М., «Наука», 1975.

Таблица 1

№ п/п	Тип клише (в зависимости от величины и сложности)
1.	Слова всех степеней сложности
2.	Фразеологические обороты всех степеней сложности
3.	Паремии в форме незамкнутых предложений (поговорки, пожелания, проклятия и т. п.)
4.	Паремии в форме замкнутых предложений (пословицы, приметы, правовые изречения и т. п.)
5.	Сверхфразовые паремии, воспроизводимые одним лицом (побасенки, одномоментные анекдоты и т. п.)
6.	Сверхфразовые паремии, воспроизводимые двумя участниками диалога (загадки, задачи, «покупки» и т. п.)
7.	Басни и анекдоты всех степеней сложности
8.	Кумулятивные сказки всех степеней сложности
9.	Прочие повествовательные фольклорные формы (не считая помещенных в данной таблице)
10.	Сложные волшебные сказки (с двумя и более дополнительными «ходами»)

в) еще более сложные (составные) слова, начиная от двукорневых и кончая многокорневыми словами и аббревиатурами (например, *огнеупорный*, *Главсельхозтехника*, *ВЦСПС*). Некоторое исключение составляют лишь клетки 3—6, относящиеся к паремиям. Материал дан здесь более подробно, что, впрочем, и неудивительно, так как в настоящей статье паремии являются основным объектом исследования.

Однако благодаря тому, что в клетках 3—6 представлены одни лишь паремии, им всем можно дать один порядковый номер (3), а разные — по сложности — типы паремий обозначить индексами *а*, *б*, *в* и *г*. Это не только дополнительно упростит нашу схему, но и сделает ее более верной, так как правильное отобразит соотношение различных типов клише.

Если теперь дополнить наш ряд (столбец) указанием, к какой области филологической науки относится тот или иной тип клише и какой дисциплиной изучается, то картина приобретает следующий вид (табл. 2).

Таблица 2
Соотношение типов клише и областей знания

Область знания	Лексика в широком смысле		Паремнология							
	Фразеология в широком смысле		Фольклор							
Тип клише	Собственно лексика	Собственно фразеология	Фольклор							
	Слова	Фразеологические обороты	Паремии в форме незамкнутых предложений	Паремии в форме замкнутых предложений	Сверхфразовые паремии, воспроизводимые одним лицом	Сверхфразовые паремии, воспроизводимые двумя участниками диалога	Басни и анекдоты	Кумулятивные сказки	Прочие повествовательные фольклорные формы, не указанные в таблице	Сложные (двух- и более ходовые) волшебные сказки
№	1	2	3а	3б	3в	3г	4	5	6	7
Дисциплина	Изучает языкознание		Изучает фольклористику							

Примечание: Угловые скобки обозначают границы данной области знания или дисциплины. Пунктирными скобками помечены возможные, но не общепризнанные границы областей знания.

Как видно из табл. 2, паремии занимают промежуточное положение между единицами языка и фольклора, точнее: относятся и к языку и к фольклору в одно и то же время и соответственно изучаются как лингвистикой, так и фольклористикой.

ПАРЕМИИ КАК ЯВЛЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА

Сопоставляя слова, фразеологические обороты и паремии по существенным языковым признакам, нетрудно убедиться, что все они в значительной мере изоморфны друг другу. Как первые, так и вторые и третьи представляют собой клише и используются в качестве знаков. И слова, и фразеологические обороты, и паремии могут обладать (или не обладать)

мотивировкой своего общего значения, причем эта мотивировка может быть как прямой, так и образной¹. Внутри указанных трех типов клише встречаются как синтетические, так и аналитические формы. Слова, фразеологические обороты и паремии в равной мере могут иметь омонимы, синонимы и антонимы. Все названные типы клише обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли. И наконец, все три наших типа клише, т. е. слова, фразеологические обороты и паремии, включены в систему синтагматико-парадигматических отношений языка, т. е. не только способны занимать то или иное место в линейном речевом ряду, но и обладают той или иной парадигмой, или определенным набором родственных форм для каждого данного места (118, 104). В частности, для паремий помимо изменений по временам, лицам и числам, свойственным большинству незамкнутых клише, характерны логико-семиотическая парадигматика (система логической трансформации) и парадигматика реалий².

Мы перечислили здесь далеко не все черты, сближающие народные изречения со словами и фразеологическими оборотами³, но и названных более чем достаточно, чтобы отнести паремии к явлениям языка.

С другой стороны, паремии с полным правом следует отнести к фольклору. Подобно басням, легендам, сказкам и в отличие от слов и фразеологических оборотов, паремии, даже самые маленькие и простые (например, присловья и поговорки), не говоря уже о более сложных (например, побасенках и головоломках), представляют собой тексты, т. е. словесные образования, имеющие самодовлеющее значение и могущие употребляться самостоятельно. Что же касается слов и фразеологических оборотов, то все они, в том числе и наиболее сложные из них, как правило, выступают лишь в качестве элементов текстов. Как и все фольклорные тексты, паремии обладают той или иной темой (иногда даже многими темами), т. е. о чем-то говорят, тогда как слова и фразеологизмы принципиально не имеют собственной темы и могут употребляться по самым различным поводам. Аналогично басням, анекдотам и сказкам и в противоположность словам и фразеологическим оборотам все без исключения паремии ситуативны, т. е. не только употребляются в той или иной ситуации, но и сами эту ситуа-

¹ См. об этом 91. V глава работы целиком посвящена характеру мотивировки общего значения клишированных форм.

² Вспомним хотя бы пословицы-синонимы, одинаковые по лингвистической структуре и смыслу, но различающиеся реалиями, например: *Игра не стоит свеч*, *Овчинка не стоит выделки* и подобные им.

³ Об одной из таких черт, а именно о способности паремий, подобно словам и фразеологическим оборотам, переходить из одной языковой категории в другую, мы будем говорить ниже.

цию моделируют или же означают. И наконец, как и все фольклорные тексты, паремии обладают тремя четко выраженными и в известной мере автономными структурными планами — планом лингвистической (и композиционной) структуры, планом логической (и семиотической) структуры и планом реалий⁴.

Таким образом, есть все основания рассматривать паремии и как языковые единицы, и как фольклорные тексты.

Указанная двойственность паремий хорошо видна на примере пословиц и поговорок, составляющих основную массу (три четверти) всего паремиологического фонда.

Как нам уже не раз приходилось говорить (см., например, 90), пословичные изречения являются знаками и одновременно моделями различных типовых ситуаций или отношений между вещами (явлениями) реальной жизни. Вместо того чтобы долго и скучно описывать какую-либо часто встречающуюся ситуацию, например, такую, как «Когда у нас нет какой-либо (нужной) вещи, ее может заменить и заменяет другая, не обладающая всеми свойствами первой», мы просто говорим: *На безрыбье и рак рыба*. И так как каждому слушающему нас ясно, что рак не обладает всеми свойствами рыбы, то, даже не зная заранее этой пословицы, он поймет ее смысл, как мы поймем смысл армянской *Когда нет коня, и осел сгодится*, ибо обе они не только служат знаками описанной ситуации, но и моделируют ее с помощью наглядных и всем понятных образов. Встречаются, однако, случаи, когда пословичные изречения, оставаясь знаками тех или иных жизненных (или мыслимых) ситуаций, сами эти ситуации не моделируют. Таковы, например, все «нечленимые сентенции» и «нечленимые фразы», т. е. пословицы и поговорки, не обладающие мотивировкой общего значения, вроде *А ларчик просто открывался* или *Остался (осталась) у разбитого корыта*. Мы понимаем их смысл, так как помним контекст, из которого они взяты (и который как раз и содержит нужную нам моделдь). Можно показать, что в речи встречаются и такие высказывания, которые моделируют ту или иную ситуацию, но не служат, однако, ее знаком. Таковы, к примеру, строки из стихотворения С. Есенина: *В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть* и многие-многие другие стихотворные и прозаические строки, не вошедшие в пословицу. Таким образом, знаковая сущность и моделирующая способность пословичных изречений, хотя и тесно связаны между собой, все же являются разными и вполне самостоятельными свойствами названных паремий. Более того,

⁴ Более подробно о названных трех планах фольклорных текстов говорится в наших предыдущих работах, в частности в книге «От поговорки до сказки (Заметки по общей теории клише)» (М., 1970) и во вступительной статье

каждое из этих свойств относится к разным сторонам внутренней структуры пословиц и поговорок: как знаки пословичные изречения относятся к языку, а как модели они принадлежат фольклору и в этом оказываются сродни побасенкам, одномоментным анекдотам, басням, шванкам (сюжетным анекдотам) и разного рода сказкам или их отдельным частям.

О ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА

Но если паремии — единицы языка, каково их место в языковой системе? Отвечая на этот вопрос, языковеды-лексикологи относят паремии — по крайней мере пословицы, поговорки, приметы, хозяйственные и правовые изречения, проклятия, пожелания и некоторые другие — к фразеологическому уровню языка (см., например, 10). Однако ввиду существенных различий между словами и фразеологическими оборотами, с одной стороны, и паремиями — с другой (первые выступают как знаки вещей или понятий, а вторые — как знаки ситуаций или отношений между вещами), им, т. е. языковедам, так и не удалось построить сколько-нибудь последовательную систему фразеологии, включающую в себя паремии. Чуть ли не для каждого правила, установленного для фразеологических оборотов, находятся бесчисленные исключения, касающиеся паремий различных структурных и смысловых типов.

Между тем, судя по табл. 2, паремии в принципе сложнее любых фразеологических оборотов, тем более что они помимо всего прочего являются фольклорными текстами. Уже по одному этому паремии следует выделить в самостоятельный класс языковых единиц. Мы будем называть этот класс паремиологическим уровнем языка.

Современная лингвистическая теория уровней дает в руки исследователя удобную схему иерархического членения языковых текстов (как письменных, так и устных), чрезвычайно нужную для решения ряда вопросов паремиологии, и в первую очередь проблемы вариантов. К сожалению, практическое применение этой теории наталкивается на непреодолимые трудности (см. 56). И дело не только в том, что между языком и речью существуют принципиальные различия, как между системой и ее воплощением, но главным образом в том, что язык состоит по меньшей мере из двух совершенно различных частей, находящихся в сложных и неравноправных отношениях друг с другом, а именно из словаря, т. е. набора элементарных «строительных единиц» и их «блоков», и грамматики, т. е. правил соединения указанных единиц в речевые тексты более «высоких» уровней. При этом многие грамматические пра-

вила выполняют словарные функции, а многие элементы словаря — грамматические, что особенно запутывает картину⁵.

Однако если взять не всю языковую систему в целом, а только ее словарь, т. е. инвентарь элементарных лексических единиц и их более или менее устойчивых блоков, то картина резко меняется. В языковом словаре отношения уровней (или ярусов) прослеживаются очень четко. Правда, эти отношения оказываются не такими, какие существуют в речи.

Сравним языковые ярусы, соответствующие речевому диапазону от короткой цепочки предложений или диалога до отдельного слова. Короткой цепочке предложений — как единице речи — в языке соответствует устойчивое (клишированное) высказывание типа побасенки, или одномоментного (односитуационного) анекдота⁶, или загадки, представляющее собой знак типовой ситуации, поучительную или иную языковую формулу, не производимую каждый раз заново, но воспроизводимую в уже готовом и законченном виде. Предложению — как единице речи — в языке соответствует устойчивое высказывание типа пословицы, поговорки, приметы, какого-либо «делового» изречения (например, хозяйственной или гигиенической рекомендации), также обладающее моделирующей, поучительной, прогностической или иной текстовой функцией и также хранящееся в нашей памяти в готовом для воспроизведения виде. Речевой синтагме в языке (точнее, в его словаре) соответствует устойчивый фразеологический оборот. И наконец, конкретной словоформе в языке отвечает соответствующее исходное слово (точнее, лексема).

Что касается отношений между названными ярусами в речи и в языке, то они представляются глубоко различными. Если предложение состоит из синтагм, а синтагмы из словоформ (по крайней мере для языков, допускающих такое членение), то пословица или иная паремия не состоит из фразеологических оборотов. В свою очередь, фразеологические обороты образуются из слов совершенно иным способом, чем свободные (переменные) синтагмы. Это особенно хорошо видно на примере фразеологических «сращений» и «единств», но относится ко всем клишированным фразеологическим единицам. Иначе говоря, каждый из языковых ярусов обладает известной автономностью.

При этом соблюдается четкая иерархия ярусов. «Ниж-

⁵ Ср., например, предложения, совпадающие по грамматической форме, но передающие разные отношения между объектами речи из-за разных свойств (одушевленность или неодушевленность) одного из существительных: *Стена покрашена краской* и *Стена покрашена маляром*, а также совершенно одинаковые по значению, но разные по грамматической конструкции предложения *Я хочу пить* и *Мне хочется пить*.

⁶ Например: — *Тит, иди молотить!* — *Живот болит.* — *Иди кашу есть!* —

ний» — самый простой ярус — лексический, в то же время является и самым главным (основным). При помощи его элементов (т. е. слов) можно выразить все что угодно, в том числе и все те понятия и отношения, которые выражаются фразеологическими оборотами и паремиями. «Средний» — фразеологический ярус — вспомогательный. Он служит существенным дополнением словарного инвентаря, обеспечивая его разного рода сложными знаками, используемыми, как правило, для выражения некоторых специфических понятий, а также понятий, обладающих более яркой стилистической окраской и экспрессивностью. И наконец, «верхний» ярус — паремиологический, состоящий из пословиц, поговорок, присловий, примет, поверий, велеризмов⁷, загадок и многих иных видов народных изречений, служит арсеналом единиц, приспособленных для обозначения типовых жизненных ситуаций, для формулирования и удобного запоминания разного рода житейских и логических правил, для прогнозирования будущего и ряда других прагматических языковых целей.

Практическое использование единиц интересующего нас паремиологического уровня языка связано с их текстовыми, т. е. уже фольклорными, функциями. К рассмотрению последних мы и перейдем.

ТЕКСТОВЫЕ ФУНКЦИИ ПАРЕМИЙ

Фольклористы и паремиологи давно обратили внимание на функциональные различия многих народных изречений. На основании этих различий внутри паремиологического уровня, или с точки зрения фольклористики — внутри афористического жанра, были даже выделены три самостоятельных типа паремий (фольклористы их тоже называли жанрами): а) пословицы и поговорки (proverbs), б) загадки и в) приметы.

Как правило, этими тремя типами (жанрами) фольклористы и ограничивались. Все прочие структурные и функциональные типы паремий, в том числе разного рода «деловые» изречения (хозяйственные, правовые, медицинские и т. п.), вещие сны, поверья, загадочные вопросы, проклятия, пожелания, велеризмы и многие другие, причислялись к трем названным выше или же относились к фразеологизмам. Да и основные паремиологические типы или жанры, т. е. пословицы (с поговорками), за-

⁷ Велеризмами принято называть изречения типа *Волку Евангелие читали, а он сказал: «Поторопитесь, стадо уходит!»*, т. е. состоящие из одной ремарки и одной реплики персонажа. Название типа восходит к имени одного из героев романа Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», Сэма Уэллера (Weller), который часто употреблял изречения подобной структуры.

гадки и приметы, различаются далеко не всеми. Можно назвать сколько угодно фольклорных сборников, где все подобные изречения фигурируют в качестве пословичных.

На деле же, как показали детальные исследования, существует по меньшей мере двадцать четыре типа изречений, отличающихся друг от друга своей внешней и внутренней структурой, а также характером прагматических текстовых функций.

Можно назвать семь основных прагматических функций паремий или семь основных практических целей, ради которых паремии употребляются⁸.

Функция первая — моделирующая. Она присуща всем без исключения паремиологическим типам клише, но ярче всех выражена (и является ведущей) у пословичных изречений, велеризмов, побасенок и одномоментных анекдотов. Суть ее заключается в том, что обладающая ею паремия дает словесную (или мыслительную) модель (схему) той или иной жизненной (или логической) ситуации. Отмеченный нами выше факт, что некоторые пословичные клише прямо не моделируют обозначаемых ими ситуаций, не меняет дела: они все равно служат их моделью, только не непосредственно, а опосредованно — через текст, из которого они взяты, который они напоминают и в котором представлена соответствующая модель. Иными словами, даже те пословичные клише, у которых отсутствует мотивировка их общего значения, тоже обладают моделирующей функцией.

Функция вторая — поучительная. Эту функцию также можно обнаружить у самых различных паремий, но лучше всего она проявляется (и доминирует) у так называемых «деловых» клише, а также у загадок, задач, головоломок и скороговорок. Правда, каждый из названных типов паремий обучает чему-то своему и по-своему: одни знакомят с картиной мира, другие — с правилами поведения, третьи — с правилами мышления, четвертые — с правильной артикуляцией звуков родного языка и т. д. Но все они обладают одним общим свойством — служить средством обучения каким-то нужным вещам.

Функция третья — прогностическая. Она также присуща разным типам паремий, но нагляднее всего выступает (и главенствует) у примет (естественных предзнаменований), поверий (суеверных предзнаменований), «вещих» снов и гадательных изречений. Ее основная суть — в предсказании будущего.

Функция четвертая — магическая. Как и тремя преды-

⁸ Мы употребляем здесь слово «функция» в его обычном (обиходном) смысле — как «назначение» или «роль». Но, как будет видно ниже, наша уточненная трактовка паремиологической функции определенным образом коррелирует с математической и структурно-фольклористической.

душими, этой функцией могут обладать изречения различных структурных типов, но лучше всего она выражена (и является доминирующей) в разного рода заклинаниях, заговорах, проклятиях, пожеланиях, тостах, клятвах и некоторых угрозах. Основная суть магической функции состоит в том, чтобы словами вызвать нужные действия, навязать природе или другим людям свою волю.

Функция пятая — негативно-коммуникативная. Подобно всем другим функциям, она также присуща различным типам паремий, но ярче всего обнаруживается (и оказывается обязательной) у так называемых пустоговорок⁹, докучных сказок, шуточных ответов¹⁰ и дополнений¹¹. Смысл изречений, обладающих этой функцией, заключается в том, чтобы, сказав что-либо, ничего при этом не сообщить, или же уйти от (нежелательного) ответа, или отвести довод противника (собеседника).

Функция шестая — развлекательная. Она может быть свойственна паремиям всех типов, но в качестве первостепенной и наиболее яркой выступает только у прибауток и так называемых армянских (или шуточных) загадок¹² и «покупок»¹³. Как видно из самого названия функции, она используется для развлечения слушателей.

И наконец, седьмая функция — орнаментальная. По мнению многих паремиологов, это основная функция всех типов народных изречений. Ее суть в том, чтобы «украшать речь». По нашим наблюдениям, орнаментальной функцией, действительно, могут обладать различные паремии, однако ни у одного из типов она не является главенствующей и неперменной.

Как видно из нашего краткого описания прагматических текстовых функций паремий, каждая из них может быть свой-

⁹ Под «пустоговорками» обычно понимаются изречения, лишенные видимого (логического) смысла и не несущие никакой информации, например: *То-во-воно как оно.*

¹⁰ Ср., например, ответ на вопрос «Почему?» — «Потому что „потому“ кончается на „у“».

¹¹ «Дополнениями» мы называем изречения, дополняющие уже произнесенные и меняющие смысл последних (часто на противоположный). Например: — *Тише едешь — дальше будешь — От того места, куда едешь.*

¹² «Армянскими» (или шуточными) загадками обычно называют паремии, имеющие форму загадок, отгадать которые практически невозможно. Вот характерный пример такой загадки, кстати сказать, известной многим народам мира: — *Что это: висит на дереве, зеленое и пищит? Ответ: селедка. — Почему же висит на дереве? — Повесили. — Почему зеленая? — Покрасили. — Почему пищит? — Сами удивляемся.*

¹³ «Покупками» называют паремии, также имеющие форму диалога и направленные на то, чтобы поставить в смешное (неловкое) положение одного из собеседников и тем развеселить остальных. Пример: — *Знаешь ли ты, как расшифровать слово ДУНЯ? — Нет. — Дураков Уже Нет. — А «Я»? — Вот только ты один и остался.*

Таблица 3

Распределение прагматических текстовых функций по типам паремий

Типы паремий	Текстовые функции						
	1. Моделирующая	2. Поучительная	3. Прогностическая	4. Магическая	5. Негативно-коммункативная	6. Развлекательная	7. Орнаментальная
1. Пословицы и поговорки	+
2. Загадки	.	+
3. Приметы	.	.	+
4. «Деловые» изречения	.	+
5. Поверья	.	.	+
6. «Вещие» сны	.	.	+
7. Проклятия	.	.	.	+	.	.	.
8. Пожелания и тосты	.	.	.	+	.	.	.
9. Гадания	.	.	+
10. Задачи	.	+
11. Клятвы	.	.	.	+	.	.	.
12. Головоломки	.	+
13. Угрозы	.	.	.	+	.	.	.
14. Скороговорки	.	+
15. Пустоговорки	+	.	.
16. Велеризмы	+
17. Прибаутки	+	.
18. Заговоры	.	.	.	+	.	.	.
19. Побасенки и одноментные анекдоты	+
20. Шуточные ответы	+	.	.
21. «Армянские» загадки	+	.
22. Дополнения	+	.	.
23. Докучные сказки	+	.	.
24. «Покупки»	+	.
25. Сказочные формулы

ственна всем паремиологическим типам, но ведущей (главенствующей или доминирующей) и обязательной она оказывается только у некоторых из них. С другой стороны, все типы паремий могут обладать всеми перечисленными текстовыми функциями, но только одна из них оказывается обязательной и главенствующей для данного типа¹⁴.

Сказанное хорошо видно на матрице (табл. 3), где знаком «+» обозначена обязательная и ведущая для данного типа па-

¹⁴ Исключение составляют лишь «сказочные формулы», т. е. изречения, взятые из популярных народных сказок. Дело в том, что по своей структуре они не представляют какого-либо определенного типа и могут относиться к пословицам, загадкам, приметам и другим видам изречений.

реми́й функция (для краткости будем называть ее домини́антной), а знаком «•» — не обязательная и не ведущая (будем называть ее факультативной). Незаполненная (пустая) клетка означает, что мы не располагаем соответствующими изречениями.

Разумеется, приведенная таблица несколько упрощает картину. В действительности паремии, даже обладающие одной и той же доминантной функцией, отличаются друг от друга по характеру и деталям употребления (ср., например, загадки, задачи, головоломки, «деловые» изречения и скороговорки или же шуточные ответы, пустоговорки и дополнения). Однако в целом она верно отражает истинное положение дел.

Для наглядности рассмотрим более подробно какую-нибудь строку табл. 3, например первую, касающуюся пословиц и поговорок, т. е. фразовых паремий, выступающих в качестве знаков жизненных или логических ситуаций. О том, что все они обладают (и притом непременно) моделирующей функцией, мы уже говорили. Но могут ли они обладать поучительной? Безусловно. Вспомним пословицу *Со своим уставом в чужой монастырь не ходят*. Она формулирует некое житейское правило, которое следует знать и иногда применять. Но эта функция для пословичных изречений не обязательна. Есть сколько угодно пословиц, не имеющих поучительной функции, например *Нашла коса на камень*. Легко убедиться, что пословицы могут обладать и прогностической функцией, т. е. могут быть использованы для какого-либо предсказания. Так, пословица *Нет дыма без огня* или ее трансформ *Где дым, там и огонь* в определенной ситуации могут служить предсказанием: раз установлено наличие «дыма» (в переносном значении — какого-либо следствия), то можно с уверенностью сказать, что есть и «огонь», т. е. причина, его вызвавшая. Но и эта (прогностическая) функция для пословичных изречений не обязательна. Та же *Нашла коса на камень* убедительно свидетельствует об этом. Некоторые пословицы могут использоваться в качестве пожеланий, угроз и других «магических» текстов, например *Бог-то бог, да сам не будь плох!* или *Отольются волку овечьи слезки!* Однако и эта функция для пословиц факультативна. Большинство пословичных изречений, в том числе и все приведенные нами выше, не могут быть применены в указанном смысле. Можно показать, что пословичные изречения способны обладать и остальными тремя функциями, т. е. негативно-коммуникативной, развлекательной и орнаментальной. Нетрудно подобрать такой контекст, в котором та или иная пословица служила бы отговоркой или была бы сказана «для смеха» или же «для красного словца». И вряд ли надо доказывать, что это возможно далеко не всегда и не со всеми пословичными изречениями.

Какую бы строку табл. 3 мы ни взяли, результат будет сходный, с той лишь разницей, что у других паремий доминантные функции окажутся иными.

Таким образом, можно утверждать, что практически паремии отличаются друг от друга своими доминантными функциями. Что же касается факультативных, то они совершенно непоказательны (нерелевантны) и их можно не учитывать, т. е. вообще исключить из таблицы.

Мы не будем приводить здесь «исправленной» табл. 3 (без факультативных функций) — ее и так нетрудно представить. Скажем лишь, что такая таблица действительно будет сходна с таблицей функций в математическом или структурно-фольклористском смысле этого слова¹⁵.

В самом деле, если взять какое-нибудь изречение, могущее принимать разные значения, например *Не пойман — не вор* или *Сильный дождь долго не идет*, то его практический смысл (функция) будет изменяться в зависимости от того, к какому типу паремий оно будет отнесено. Так, при аргументе «пословицы» изречение *Не пойман — не вор* окажется обладающим моделирующей функцией, а при аргументе «деловые» изречения — поучительной. В свою очередь, изречение *Сильный дождь долго не идет* при аргументе «приметы» будет обладать прогностической функцией, а при аргументе «пословицы» — моделирующей. Конечно (и математические правила допускают это), можно посмотреть на наши аргументы и функции с другой (обратной) стороны и принять за аргумент характер практического использования изречений, а паремиологический тип посчитать функцией. Суть дела от этого не изменится, ибо сохранится та же взаимозависимость переменных сущностей. Если взятая нами паремия, например *Лежачего не бьют*, используется для формулирования народного юридического правила, то это «деловое» изречение; если же она используется для описания (моделирования) соответствующей ситуации, то это пословица.

Не менее очевидно и сходство прагматических текстовых функций паремий со структурно-фольклористскими функциями В. Я. Проппа, обозначающими различные типы сказочных действий. Согласно наблюдению Проппа, «одно и то же» сказочное действие, например *задача*, в зависимости от своего места в сказке получает абсолютно разные значения: задача, поставленная в начале волшебной сказки (функция IX), влечет за собой отправку героя из дому; задача, заданная для

¹⁵ Как известно, в математике функцией называют такую переменную величину, которая по определенным правилам — заданным формулой, таблицей или словесно — зависит от другой переменной величины, называемой аргументом.

предварительного испытания героя (функция XII), влечет за собой получение волшебного средства и, наконец, задача, поставленная в конце сказки (функция XXV), влечет за собой свадьбу или воцарение героя (102).

Вернемся, однако, к табл. 3.

В своей полной форме (т. е. с включенными в нее факультативными функциями) она тоже достаточно информативна. В частности, она наглядно показывает, что все наши типы паремий обладают сходным набором прагматических текстовых функций. И хотя, как мы говорили выше, у каждого из них своя доминантная функция, однако общий набор функций — один и тот же для всех. Это последнее обстоятельство и делает все паремиологические типы близкими друг к другу.

Паремиологи не раз отмечали исключительное структурное и даже буквальное сходство между пословицами и загадками. Так, В. И. Даль писал, что «загадки иногда переходят в пословицы, становясь и тем и другим: „Ничего не болит, а всё стонет“; пословично говорится это о ханже и попрошайке, а как загадка — это свинья» (44, 21). На то же явление многократно указывали известный американский паремиолог А. Тейлор (190), финский фольклорист М. Кууси (180) и многие другие. В паремиологической литературе даже утвердился термин Riddle-Proverbs, т. е. «загадко-пословицы». Сходные наблюдения сделаны относительно загадок и заговоров, загадок и примет, пословиц и скороговорок, примет и пословиц и некоторых других типов изречений.

Легко показать, что переход паремий из типа в тип не ограничивается несколькими категориями случаев. Практически каждый тип изречений может трансформироваться в другой. При этом одни изменяют свою паремиологическую суть легче, другие — труднее, одни сохраняют свой внешний вид неизменным, другие несколько меняют его. Но, так или иначе, к паремиологической трансформации оказываются способными все типы изречений.

Вот несколько весьма характерных примеров (вспомним, что кое-какие мы уже приводили в другой связи): русская гадательная паремия *Кукушка, кукушка, сколько мне жить?* после небольшой языковой переделки превращается в известное поверье *Сколько кукушка кому (натошак) прокукует, столько тому и жить*. Русская (и восточная) пословица *Осел и на свадьбе воду возит* часто преобразуется в веле-ризм *Осла пригласили на свадьбу, а он сказал: «Вероятно, нужно воду возить»*. Известное русское присловье *Сошло, как с гуся вода* при небольшой трансформации становится заклинанием *Лейся, беда, как с гуся вода!* Русская докуч-

ная сказка *А не рассказать ли тебе сказку про белого бычка?*.. в несколько сокращенном (усеченном) виде используется в качестве поговорки [*Это*] *сказка про белого бычка!* В поговорку же [*Такому-то*] *кошка дорогу перебежала* легко превращается и русское (а также общеевропейское) поверье *Кошка дорогу перебежит — к несчастью*. Русское изречение *Дураков теперь уже нет* употребляется и в качестве самостоятельного афоризма, и в качестве основной части покупки, приведенной нами в примеч. 13. Русское (и восточное) изречение *Человек умер, а имя его живет* не только представляет собой отдельное пословичное изречение, но и служит отгадкой на загадку *Ведро утонуло, а дужка наружу*. Популярное русское выражение *Зимой и летом одним цветом* одинаково часто выступает и в роли загадочного вопроса (с ответом — *ель* или *сосна*), и в роли присловья, которое применяют к человеку, постоянно носящему одну и ту же одежду.

Подобных примеров можно привести буквально сколько угодно. Это, конечно, не означает, что изречения любого паремиологического типа могут трансформироваться в изречения всех остальных типов. Существует множество ограничений, запрещающих некоторые переходы или затрудняющих их¹⁶. Однако факт широкого перехода паремий из одного типа в другой остается несомненным.

Все это позволяет прийти к выводу, что паремиологическая трансформация — не случайное явление, а всеобщее свойство паремий. И табл. 3 демонстрирует коренную причину этого — наличие у всех типов изречений большого числа общих свойств.

Исходя из этой таблицы, паремиологические типы можно даже трактовать как парадигматические формы одной и той же сущности (паремии вообще), у которой трансформированы те или иные стороны внешней или же внутренней структуры¹⁷.

Но коль скоро такая парадигматика существует и изречения представлены различными паремиологическими трансформами, с этим нельзя не считаться и, следовательно, необходимо вникнуть в «устройство» паремий и дать хотя бы примерную структурную классификацию их типов. Об этом и пойдет речь в следующем разделе статьи.

¹⁶ Этот вопрос еще недостаточно изучен, но уже сейчас можно сказать, что легче переходят друг в друга паремии, сходные по внешней языковой структуре и близкие по своей основной прагматической функции.

¹⁷ Вот, по-видимому, почему эти типы многие не различают.

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПАРЕМИИ

Внимательное обследование паремнологического фонда русского и ряда других языков (как западных, так и восточных) показало, что при всем многообразии паремнологических форм количество существенных структурных признаков, образующих различные типы изречений, весьма ограничено.

Мы насчитываем всего шесть пар таких признаков, три из которых характеризуют внешнюю языковую структуру паремий и три — внутреннюю¹⁸.

По признакам внешней языковой структуры изречения делятся на фразовые и сверхфразовые. К фразовым относятся все пословицы, поговорки, народные афоризмы, присловья, «деловые» изречения, большинство примет, «вещих» снов и многие другие паремии, выраженные различными типами предложений. К сверхфразовым же отходят побасенки, одномоментные анекдоты, загадки, задачи, головоломки и некоторые другие изречения, выраженные короткой цепочкой предложений или диалогом.

В свою очередь, фразовые изречения подразделяются на замкнутые и незамкнутые. Класс замкнутых составляют пословицы, народные афоризмы и те виды примет, поверий и других фразовых паремий, которые клишированы от начала и до конца. Класс незамкнутых составляют все виды присловий и поговорок, большинство проклятий и пожеланий, а также те приметы, поверья, «деловые» изречения и прочие паремии, которые клишированы не полностью и состоят из постоянных и переменных членов¹⁹.

Также на два класса подразделяются и сверхфразовые паремии. К первому относятся изречения в форме монологической сценки, для воспроизведения которой достаточно одного человека. Таковы побасенки и одномоментные анекдоты. Во второй входят изречения в форме диалога, для воспроизведения которого необходимы уже два человека. Таковы загадки, народные счетные задачи, головоломки (логические за-

¹⁸ Как будет видно ниже, мы употребляем термин «внутренняя (языковая) структура» в смысле, близком к Гумбольдтовой «внутренней форме» (в толковании А. Потемни и Г. Шпета). В нашем изложении указанный термин обозначает особенности отношения паремнологического знака к его смыслу.

¹⁹ Здесь уместно заметить, что различия между замкнутыми и незамкнутыми клише во многих отношениях практически несущественны. И пословичные изречения, и приметы, и разного рода «деловые» паремии существуют как в той, так и в другой формах. Единственно значимая разница между ними заключается в том, что незамкнутые клише благодаря своему переменному члену легче «вписываются» в любой контекст, тогда как замкнутые зачастую требуют для этого специальных оговорок. Кроме того, незамкнутые всегда относятся к частным случаям, а замкнутые, как правило, — к обобщениям.

дачи), «покупки» и некоторые другие типы сверхфразовых паремий.

Помимо фразовых и сверхфразовых изречений в паремиологическом фонде многих народов мира (особенно восточных) встречаются паремии, занимающие промежуточное положение между теми и другими. К числу подобного рода клише относятся, в частности, и упоминавшиеся нами велеризмы, представляющие элементарную сценку, состоящую из одной «ремарки» и одной реплики персонажа (см. примеч. 7).

Что касается других признаков внешней языковой структуры, таких, как простота или сложность предложения, его утвердительность или отрицательность и ряда других, описанных нами ранее, в связи с лингвистической классификацией пословичных изречений (91, 9—18), то, хотя они и важны сами по себе и представляют большой интерес для языковедов²⁰, однако для характеристики паремиологических типов они не релевантны. В самом деле, будь какая-либо пословица выражена утвердительным, отрицательным или вопросительным предложением, она все равно остается пословицей (ср. *Овчинка не стоит выделки*, *Овчинка стоит выделки* и *Стоит ли овчинка выделки?*). Но стоит пословичное предложение-клише из замкнутого превратить в незамкнутое, т. е. сделать один из его членов переменным, как оно сразу превратится в поговорку (ср. *Из пушек по воробьям не стреляют* и *[Некто] стреляет из пушки по воробьям*). С другой стороны, стоит к пословичному изречению добавить несколько слов, способных служить ремаркой, а текст самого изречения представить в качестве прямой речи, как вместо пословичного изречения перед нами окажется велеризм (ср. народный афоризм *У каждого свой вкус* и велеризм «*У каждого свой вкус*», — *сказал пес, вылизывая у себя под хвостом*).

Вернемся, однако, к существенным признакам внешней языковой структуры паремий и покажем, в каком отношении друг к другу находятся структурные типы изречений, выделенные по указанным признакам. Проще всего изобразить эти отношения в виде соответствующего графа (дерева) (схема 1).

Перейдем теперь к характеристике изречений по признакам внутренней языковой структуры. К последним мы относим те свойства, которые определяют различия в значении сходных по внешней структуре паремий (например, пословиц, с одной стороны, и «деловых» изречений и примет — с другой), а также различия в способах представления их значения в знаке (например, в «нечленимых фразах», присловьях и поговорках).

²⁰ Особенно в деле преподавания иностранных языков, так как народные изречения представлены всеми возможными для данного языка синтаксическими конструкциями и к тому же бытуют в удобной для запоминания форме.

Схема 1

Прежде всего покажем, что данные свойства действительно относятся к внутренней структуре изречений. Чтобы исключить всякое влияние посторонних факторов, обратимся к изречениям, полностью совпадающим по своей внешней форме, но разным по значению (т. е. к изречениям-омонимам), и к изречениям, различным по своему виду, но сходным по смыслу (т. е. к изречениям-синонимам).

Сравним знакомое нам правовое изречение *Лежачего не бьют* с омонимичной ему пословицей *Лежачего не бьют*. При абсолютно тождественной внешней форме они резко отличаются друг от друга по своему значению. Первое относится к действительно лежащему (т. е. к лежащему на земле или на полу) человеку, сбитому в результате сильного удара или побоев и которого по общепринятым правилам больше не полагается бить. Во втором же речь идет о любом лице, не обязательно лежащем (и даже, как правило, не лежащем), которое в том или ином отношении сдало свои позиции (т. е. «сдалось», чем и уподобилось лежащему) и которое «добивать морально» не только не хорошо, но и не нужно. Чем же объясняется такая существенная разница в значении двух совершенно одинаковых с виду паремий? А тем, что смысл первой из них (правового изречения) воспринимается нами строго однозначно, а смысл второй (пословицы) — расширительно. Собственно говоря, в этом и состоит основная разница между аналитическими и синтетическими клише, описанная нами в работе «От поговорки до сказки» (91, 84 и сл.).

С другой стороны, сравним «нечленимое» (немотивированное своими частями и потому воспринимаемое только в целом) пожелание *Ни пуха, ни пера!* (1) с омонимичным ему свободным сочетанием слов «*Ни пуха, ни пера* [где-то нет]» (2) и синонимичным первому «магическим» изречением *Желаю тебе*

удачи! (3), общее значение которого вытекает из значений составляющих его компонентов. Нетрудно увидеть, что при всем внешнем сходстве первого и второго высказываний их значения не совпадают, тогда как при всех различиях первого и третьего — они одинаковы.

А теперь сопоставим поговорку *Светит, да не греет* (1), говорящую о чем-либо привлекательном, но бесполезном, с омонимичным ей свободным сочетанием прямого смысла «*Светит, да не греет*» (2), сказанным, например, о луне, или с присловьем сходной грамматической структуры *Мал, да удал* (3). Совершенно очевидно, что в первом случае в отличие от второго и третьего значение мотивируется не прямо, а через подходящий для этого образ.

При вдумчивом подходе можно заметить, что в двух последних приведенных группах случаев, так же как и в предыдущей, основные различия между примерами объясняются разницей в отношениях между паремиологическим знаком и смыслом изречения и не имеют какого-либо внешнего (материального) выражения в самом клише.

По указанным выше признакам внутренней языковой структуры паремии делятся на несколько категорий и в первую очередь на синтетические и аналитические.

К синтетическим, т. е. допускающим расширительное толкование, или многозначным, относятся пословицы и народные афоризмы, поговорки и присловья, побасенки и одномоментные анекдоты, загадки и загадочные вопросы²¹, а также велеризмы. К аналитическим же, т. е. не допускающим расширительного толкования, или однозначным, — все пословицеподобные и поговоркоподобные изречения, как-то: приметы, поверья, «вещие» сны, «деловые» наблюдения и советы, пожелания, проклятия, скороговорки и т. д., побасенкоподобные (монологические) сценки, включая отдельные прибаутки, пустоговорки, заговоры и докучные сказки, загадкоподобные (диалогические) паремии, как-то: задачи, головоломки, дополнения, шуточные ответы, «покупки» и т. п., а также велеризмоподобные изречения разных типов, в том числе «деловые», гадательные, «магические» и некоторые другие.

Далее, и синтетические и аналитические паремии подразделяются на два класса по наличию или отсутствию мотивировки их общего значения. Так, среди поговорок, по-

²¹ Относительно загадок и загадочных вопросов следует сделать оговорку. Ввиду того что и те и другие состоят из двух отдельных частей (вопроса и ответа), они в принципе могут быть неоднородными как по внешней, так и по внутренней структуре. В частности, наряду с полностью синтетическими текстами (таковы многие африканские загадки) встречаются загадочные паремии, одна часть которых, а именно отгадка, является аналитической (такое большинство русских и европейских загадок).

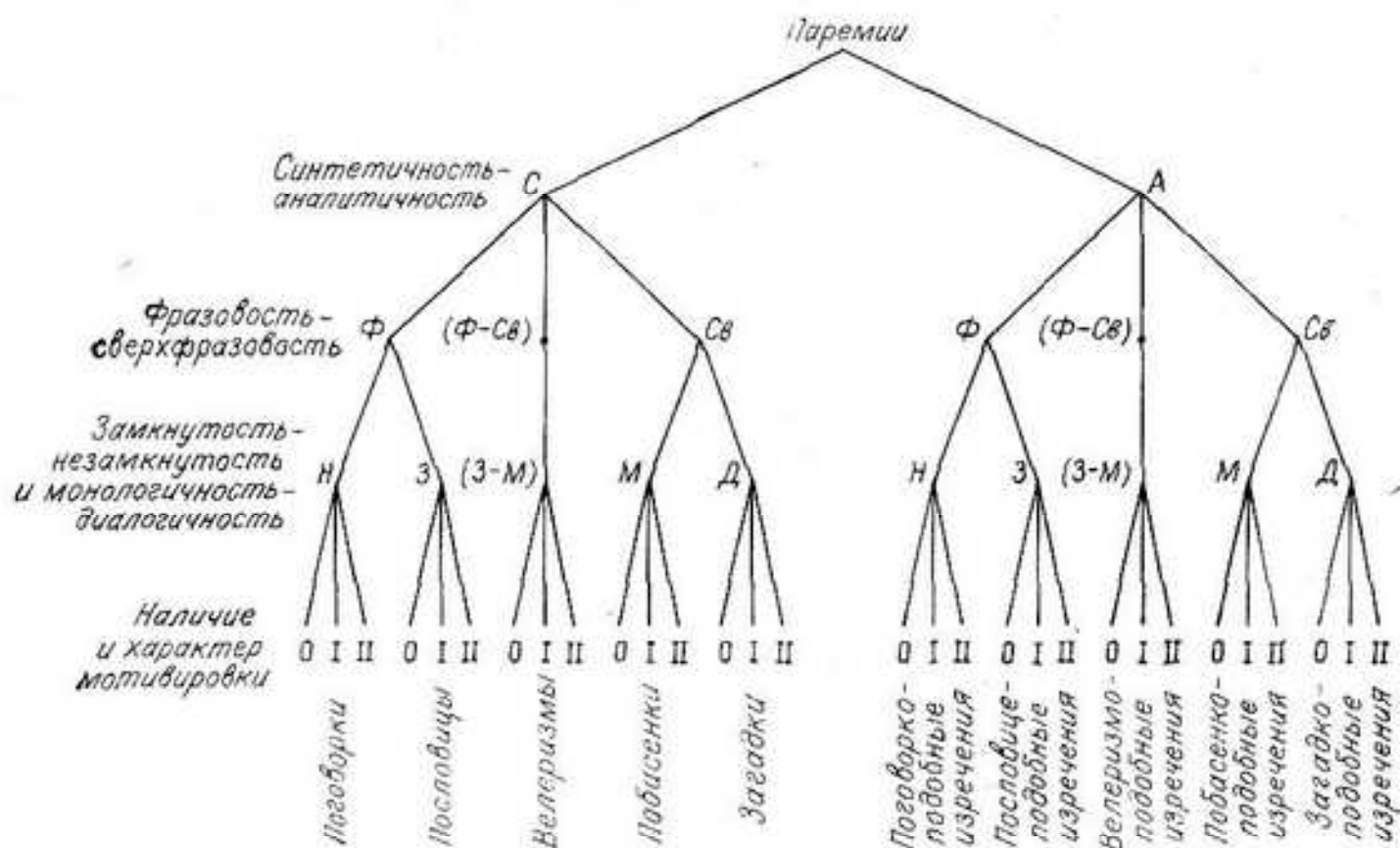
слов, велеризмов и загадок, как и среди поговоркоподобных, пословицеподобных, велеризмоподобных и загадкоподобных аналитических изречений наряду с обычными, мотивированными формами встречаются и паремиологические клише, лишенные мотивировки. Таковы нечленимая поговорка *Мы пахали*, восходящая к басне И. Дмитриева, нечленимая пословица *На воре шапка горит*, восходящая к народному анекдоту, нечленимое бытовое («деловое») изречение [*Некто*] *встал с левой ноги* (т. е. находится в дурном расположении духа), нечленимое «магическое» восклицание *Чур меня!* и нечленимая звукоподражательная загадка *Потатú, потаты́, такатú, такаты́ — а яички ворохом несутся?* (*Щеп, молотьба, зерно*). Примеры соответствующих обычных, т. е. мотивированных, паремий, по нашему мнению, приводить не имеет смысла.

В свою очередь, изречения, обладающие мотивировкой своего общего значения, как синтетические, так и аналитические, тоже делятся на два класса — по характеру самой мотивировки. К одному из них относятся клише с образной мотивировкой, а к другому — с прямой. К числу синтетических паремий с образной мотивировкой общего значения относятся собственно поговорки и собственно пословицы, образные велеризмы, побасенки и загадки (по крайней мере их первая часть — собственно загадка), а к числу синтетических изречений с прямой мотивировкой — народные афоризмы, присловья, велеризмы прямого смысла, одномоментные анекдоты и загадочные вопросы (по крайней мере их первая часть — вопрос). Точно так же подразделяются и аналитические клише. Сравните обычные бытовые изречения *Щи да каша — пища наша* или *Собака — друг человека* с аналогичными по характеру, только образными: *Ночная кукушка денную перекукует* или *Недосол на столе, а пересол на спине*. Правда, ввиду относительной малочисленности аналитических изречений и абсолютной малочисленности среди них образных форм последние пока еще не были выделены в самостоятельные подтипы и потому не получили отдельных наименований, но это не мешает им реально, и весьма заметно, отличаться от других (необразных) аналитических клише.

По сумме всех названных нами признаков внешней и внутренней языковой структуры можно уточнить (дополнить) граф, изображенный на схеме 1. В более полном виде (и с индексами вместо слов, обозначающих основные структурные признаки) он изображен на схеме 2.

Даже беглого взгляда на схему 2 достаточно, чтобы увидеть определенную упорядоченность паремиологического фонда: каждому виду синтетических изречений в нем соответствует аналогичный по внешней структуре аналитический вид, каждому изречению с мотивировкой общего значения соответ-

Схема 2. Лингвистическая структура паремий

Условные обозначения: С — синтетические формы, А — аналитические формы, Ф — фразовые паремии, Св — сверхфразовые паремии, Н — незамкнутые клише, З — замкнутые клише, М — монологические изречения, Д — диалогические изречения, () — скобки служат для выделения промежуточных форм, О — отсутствие мотивировки общего значения, I — образная мотивировка, II — прямая мотивировка.

Примечание. Для упрощения схемы индексы, обозначающие наличие и характер мотивировки общего значения, мы поместили в одном (нижнем) ряду.

вует аналогичное по внешней форме изречение без мотивировки, каждому незамкнутому фразовому клише соответствует аналогичное замкнутое и т. д. Иными словами, общий паремиологический фонд представляет собой не случайный набор любых языковых конструкций, но довольно стройную и последовательную систему. Так что, зная о бытовании в каком-то языке тех или иных клишированных форм, можно с уверенностью сказать, что в нем есть и такие-то. С другой стороны, хотя список изречений каждого отдельного языка, безусловно, является открытым (ибо он всегда может пополниться одной или несколькими паремиями, вошедшими в широкий народный обиход из какого-либо художественного произведения, узкопрофессионального жаргона или из другого языка), типологически он закрыт: невозможно отыскать или придумать изречение, внешняя и внутренняя структура которого про-

тиворечила бы общей системе и структурный тип которого нельзя было бы предусмотреть заранее.

Пользуясь индексами, примененными в схеме 2, можно описать языковую структуру любой существующей поговорки в виде несложной формулы. Так, структура поговорки *Гора родила мышь* получит следующее описание: СФЗІ (синтетическая, фразовая, замкнутая, с образной мотивировкой), а структура суеверной приметы *Соль рассыпать — к ссоре* — АФНІІ (аналитическая, фразовая, незамкнутая, с прямой мотивировкой).

Несколько сложнее обстоит дело с промежуточными формами и загадками. Так, «полузагадку» *Что нужно слепому? Хоть один зрячий глаз* следует описать как поговорку, промежуточную между загадкой (она состоит из вопроса и ответа) и монологической сценкой (она сверхфразовая, и ее произносит только один человек): ССв(М—Д)ІІ. Загадку, ответом на которую служит афоризм (например: — *Ведро утонуло, а дужка наружу* [Что это?] — *Человек умер, но имя его живет*), следует описать так: ССвД(І+ІІ) (знак «+», соединяющий индексы І и ІІ, показывает, что поговорка складывается из двух частей, причем одна из них обладает образной мотивировкой, а другая — прямой). Для описания загадки, ответом на которую служит понятие (ІІ), используется такая формула: (С—А) СвД(І+ІІ).

Если же учесть сказанное нами выше о текстовых функциях поговорок и дополнить структурные формулы изречений индексами, обозначающими их доминантные функции (например, по их номеру в табл. 3)²², то мы получим структурно-функциональные формулы, пригодные для описания всех возможных паремиологических типов клише. Так, приведенные выше поговорка и суеверная примета получат соответственно формулы СФЗІІ и АФНІІЗ, а «полузагадка» и следующая за ней загадка — ССв(М—Д)ІІІ и ССвД(І+ІІ) 2^І. Конечно, для полного описания поговорок подобные формулы недостаточны, так как они не отражают смысловой (в частности, логической и реалиевой) структуры изречений²³. Однако

²² Кроме того, для функций, объединяющих несколько родственных видов, например для «поучительной» (№ 2), понадобится ввести дополнительные указатели. Одно дело, если изречение знакомит с картиной мира (2^І), другое — с правилами поведения (2^{ІІ}), третье — с правилами мышления (2^{ІІІ}), четвертое — с умением считать (2^{ІV}) и пятое — с правильной артикуляцией (2^V). Таким же способом уточняется «негативно-коммуникативная» функция изречений. Если поговорка говорится с тем, чтобы, сказав, ничего при этом не сообщить, она получает индекс 5^І, с целью уйти от ответа — 5^{ІІ}, отвести довод собеседника — 5^{ІІІ}.

²³ Логическая структура большей части народных поговорок, а также соответствующая система обозначений описаны в наших предыдущих работах (см., например, 90). Что же касается структуры плана реалий, то она частично бу-

для указанных выше целей, т. е. для характеристики паремиологического типа, они вполне пригодны.

О ТЕМАТИКЕ ПАРЕМИИ

По характеру тематики народные изречения делятся на две неравные и принципиально отличные одна от другой группы: первую, относительно небольшую, составляют однотемные паремии, а вторую, значительно большую, — многотемные. К числу однотемных относятся разного рода приметы, хозяйственные и бытовые наблюдения и рекомендации и вообще все аналитические изречения, а к числу многотемных — пословицы, поговорки, загадки (по меньшей мере их первая часть) и все остальные синтетические паремии.

Тот факт, что в число однотемных входят аналитические, а в число многотемных — синтетические изречения, не представляется сколько-нибудь неожиданным: ведь аналитические клише, по определению, однозначны и, следовательно, говорят о чем-то одном, синтетические же — многозначны и потому могут использоваться для рассказа о разных (хотя в чем-то и сходных) вещах.

Сравним для примера два изречения с одинаковыми реалиями, одно аналитическое, а другое синтетическое. В качестве первого возьмем известную примету *Ласточки низко летают — скоро будет дождь*, а в качестве второго — не менее известную пословицу *Одна ласточка не делает весны*. В обеих приведенных паремиях говорится вроде бы о ласточках. Но приглядимся к ним повнимательнее.

В изречении *Ласточки низко летают...* речь действительно идет об этих птицах. Там сообщается, что низкий полет ласточек предвещает дождь. Круг явлений, которому посвящена данная паремия, — поведение ласточек перед наступлением дождя. Можно расширить этот круг и назвать его «поведение животных при перемене погоды», можно сделать его еще более широким, включив в него прочие погодные приметы или естественные приметы вообще и даже все прогностические изречения. Но во всех случаях перед нами будет только один круг, в середине которого расположена наша примета, связанная с поведением ласточек.

Совершенно по-иному организуется тематика пословицы *Одна ласточка не делает весны*. Названная паремия с равным правом может быть использована и в моралистической басне о человеке, который, увидев ласточку, тут же промотал свою шубу, и в беседе о том, что снижение цен на те или иные товары еще не означает общего повышения жизненного уров-

ня, и в научном трактате о соотношении отдельных признаков явления с самим явлением в целом, и в рассуждении о том, что один выигранный бой еще не знаменует победы в войне, и во многих других рассказах и рассуждениях на самые различные темы.

Круг жизненных явлений, о которых может повествовать данная пословица, не просто широк, но чрезвычайно разнообразен. Фактически это даже не круг, а целый ряд самостоятельных и весьма несхожих между собой (непересекающихся) кругов²⁴. Единственное, что ограничивает их разнообразие и связывает все упомянутые нами разнотемные тексты с нашей пословицей, это содержащаяся во всех них и в ней самой одна и та же постоянная (инвариантная) пара противопоставленных друг другу абстрактных сущностей — одного небольшого частного признака какой-либо вещи и самой этой вещи. Именно эта пара (в нашей пословице она выступает в виде ласточки и весны) и образует тот «тематический стержень», на который «нанизаны» или вокруг которого группируются многочисленные тематические круги, связанные с данной пословицей.

Точно так же организована тематика и других синтетических паремий, по крайней мере всех пословичных изречений, велеризмов, побасенок и одномоментных анекдотов. Она не ограничивается какой-либо одной плоскостью, т. е. одной областью знания или человеческой деятельности, как это имеет место у аналитических изречений, но причастна ко многим. Это происходит потому, что реалии, на которых построена синтетическая паремия, важны в ней не сами по себе, а как показатели тех или иных обобщенных свойств. Свойства же эти встречаются в любой области жизни.

В самом деле, о каких вещах идет речь в пословице *Гора родила мышь*? Разумеется, не о горе и не о мышь. Вспомним любой случай употребления названной паремии, и нам станет абсолютно ясно, что под словом «гора» подразумевается нечто большое, например большие усилия, большая шумиха, большие затраты и т. д., а под словом «мышь» — нечто малое, например, незначительный результат усилий, малый эффект затрат и т. п. Иначе говоря, противопоставление горы и мыши в данной пословице означает не что иное, как противопоставление большого и малого, которое, естественно, может встретиться в рассуждении на любую тему. Примерно то же

²⁴ В этом отношении показателен результат одного из наших паремнологических экспериментов. Мы дали ста информантам три одинаковые общеизвестные пословицы и попросили их рассказать, в каких случаях данные изречения следует употребить. Многие ответы оказались разными (в смысле темы).

можно сказать и о «нечленимой фразе» *Слон и Моська*, восходящей к одноименной басне Крылова, и о восточной пословице *Из капель — море*. И хотя все они построены из разных реалий, инвариантная пара противопоставлений у них одна и та же (большое и малое). В этом смысле *Слон* из названной «нечленимой фразы» значительно ближе к горе или к морю из наших пословиц, чем к слоненку.

Вот почему бессмысленно определять тему пословицы или другой синтетической паремии по содержащимся в них реалиям или по контексту какого-нибудь одного (пусть даже весьма частого) их употребления. По существу, темой синтетической паремии следует считать заключенную в данной паремии инвариантную пару противопоставлений²⁵, независимо от того, какими реалиями эта пара представлена и в каких отношениях друг к другу данные реалии находятся.

Образованные по такому принципу тематические группы («Видимость и сущность», «Часть и целое», «Большое и малое», «Свое и чужое», «Старое и новое», «Близкое и далекое», «Умный и глупый», «Акция и реакция», «Мужчина и женщина», «Туда и обратно» и некоторые другие) не только включают в себе логический смысл всех пар паремиологических реалий, но и прекрасно сочетаются с описанной нами ранее логико-семиотической классификацией пословичных изречений и системой их логической трансформации (90 и 91).

В каждой названной (и неназванной) тематической группе представлены изречения всех высших логико-семиотических инвариантов, а внутри них — всех классов логических трансформов. Так, в группе «Видимость и сущность» можно найти изречения типа I Ж — *Волк каждый год линяет, но обычая не меняет* (видимость меняется, а сущность остается неизменной), и типа I Ф — *Дерево красиво листвой, а человек одеждой* (видимость определяет сущность), и типа II Ж — *Глаза — зеркало души* (какова видимость, такова и сущность), и типа II Ф — *Пусть рот кривой — лишь бы слова были прямые* (сущность важнее, чем видимость). Разумеется, каждая паремия имеет противоположные и иные логические трансформы, например *Какова внешность, таково и нутро* и *Змея красива снаружи, но ядовита внутри* и т. д.

Таким образом, тематическая (в нашем смысле) классификация изречений существенно дополняет их логико-семиотическую классификацию. Если последняя освещает логическую форму их содержания, показывая, в каких отношениях между

²⁵ Следует заметить, что иногда в паремии эксплицитно представлен только один член пары. Однако в таком случае второй подразумевается. Пример: *Свое изделие не имеет изъяна* [а чужое имеет].

собой находятся те или иные объекты действительности, то тематическая характеризует логическую субстанцию их содержания, т. е. называет сами эти объекты.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

(Об отношении структурной
и сравнительной паремиологии)

Как видно из предыдущего изложения, структурный подход к паремиям во многом отличается от традиционного сравнительно-исторического или сравнительно-географического. Если нас в первую очередь интересуют особенности построения и употребления изречений, их значение и смысл, их общечеловеческая сущность и местная (национальная и т. п.) специфика, то основной целью исследований паремиологов-традиционалистов является уточнение ареала тех или иных паремий, установление их генетического родства, поиски первоисточника или наиболее древней (а потому и «наиболее правильной») редакции и раскрытие путей передачи от одного народа к другому.

Так, изучая неоднократно упоминавшуюся нами поговорку *Гора родила мышь*, сторонник традиционных приемов установит, что она бытует в Европе и сопредельных с ней странах и что вместе с переселенцами проникла в Новый Свет, где распространилась по ряду стран Северной и Южной Америки, что восходит она к одной из басен Эзопа, дошедшей до нас в переделке римского баснописца Федра, что эту поговорку в несколько измененном виде («Рожают горы, а родится смешная мышь») использовал римский поэт Гораций, что есть письменные фиксации этой поговорки, датированные III в. н. э., а также 1390, 1549 и 1589 гг., что в русской литературе она впервые встречается в 1766 г. в поэме В. Тредиаковского «Телемахида» и т. д. и т. п. (см., например, 13 и 115)²⁶.

Однако при всех существующих различиях между структурным и сравнительным подходами к изучению паремиологического материала у них есть много общего. И тот и другой основывают свои выводы на эмпирических фактах, и тот и другой пытаются обнаружить в реальном паремиологическом фонде общие для всех или для части языков свойства народных изречений. И тот и другой строят свой метаязык-эталон, опираясь на сопоставление паремий разных стран и народов. И хотя один делает это в синхроническом «срезе» культур, а дру-

²⁶ Классическим образцом исследований подобного рода можно считать статью А. Тейлора «It is Good Fishing in Troubled Waters» («Хорошо ловить рыбу в мутной воде»), опубликованную в 11-м номере международного паремиологического журнала «Провербиум» за 1968 г. и посвященную заглавной поговорке и соответствующей поговорке («Ловить рыбу в мутной воде»).

гой — в диахроническом, т. е. один ищет общее и особенное в явлениях, существующих одновременно, а другой «докапывается» до их «первопричин» и «праформ», принципиальной методологической разницы между ними нет. Фактически она сводится к разнице аспектов и целей исследования. По существу же оба подхода не столько противоречат друг другу, сколько друг друга дополняют, или, как говорят лингвисты, находятся в отношении дополнительного распределения. Правда, мы согласны с учеными, которые утверждают, что синхронический аспект может дать больше практически нужных результатов, чем диахронический, ибо для языковых форм и для лиц, пользующихся ими, не так важно, откуда эти формы произошли, как то, что они означают, однако для всестороннего научного изучения явлений оба подхода совершенно необходимы и равноценны.

О СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЕ И СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПОСЛОВИЧНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ *

В нашей предыдущей работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда» (93, 247—274), говоря о тематике пословичных изречений, мы показали, что подлинной темой какой-либо пословицы или поговорки является не то или иное слово, не та или иная мысль и даже не та или иная область человеческой деятельности, а некая инвариантная пара противопоставленных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов. К числу таких инвариантных тематических пар относятся «Большое — Малое», «Близкое — Далекое», «Хорошее — Плохое», «Старое — Молодое» и многие-многие другие (см. их перечень ниже). Так, темой пословицы *Гора родила мышь* оказывается не гора, не мышь и не порождение одной вещи другою, а инвариантная пара «Большое — Малое», представителями которой и выступают использованные в пословице образы горы и мыши.

Там же было показано, что предметно-образный состав пословичных изречений представляет собой неотъемлемую часть их смыслового содержания, которое отнюдь не исчерпывается одной лишь логической формой, описанной нами ранее (в частности, в работе 90). В этом нетрудно убедиться на следующем примере. В пословицах *Нет дыма без огня*, *Нет розы без шипов* и *Нет реки без берегов* логическая форма, объединяющая члены тематических пар каждой данной пословицы, одна и та же: во всех трех говорится, что не бывает первого члена пары без второго. Между тем смысл каждой из этих пословиц отличен от смысла двух других. Первая утверждает, что нет следствия без причины (в более широком плане: нет сопутствующего без основного), вторая — что не бывает хороших вещей без недостатков, а третья — что не существует целого без какой-либо (неотъемлемой) его части.

* Статья из «Паремиологического сборника». М., «Наука», 1978.

Дальнейшее изучение тематики пословичных изречений позволило установить, что имеющиеся в паремиологическом фонде тематические группы пословиц основаны на инвариантных парах нескольких конструктивных типов. К одному из них (I) относятся тематические пары, представляющие разные стороны какой-либо одной вещи. Таковы, например, «Начало — Конец», «Содержание — Форма», «Целое — Часть», «Верх — Низ» и т. п. Ко второму (II) относятся пары, представляющие физически разные (и вполне самостоятельные) объекты, хотя и связанные друг с другом какими-то свойствами. Таковы «Здоровый — Больной», «Умный — Глупый», «Старое — Новое» и т. п. Третий тип (III) составляют пары, так сказать, «промежуточного характера», представляющие физически разные объекты, которые, однако, не могут существовать друг без друга. Таковы «Порождающее — Порождаемое», «Основное — Сопутствующее», «Производитель — Производимое» и т. п.

В свою очередь, тематические пары второго конструктивного типа подразделяются на подтипы: а) пары, члены которых существуют сами по себе, но допускают существование промежуточных форм, т. е. различаются по степени своих качеств (например, «Сильный — Слабый», «Высокий — Низкий» и т. п.); б) пары, между членами которых нет и не может быть промежуточных форм (например, «Друг — Враг», «Свое — Чужое» и т. п.); в) пары, члены которых представляют вещь и ее отсутствие (например, «Слово — Молчание», «Знание — Невежество» и т. п.).

Кроме того, имеются и тематические пары четвертого конструктивного типа (IV), представляющие собой разного рода пересечения элементарных тематических пар, т. е. пар всех предыдущих типов. Таковы, к примеру, «Качество — Количество» и «Красота — Любовь», возникшие из пересечения пар «Хорошее — Плохое» и «Много — Мало», а также «Красота — Уродство» и «Любимый — Нелюбимый».

Ниже предлагается перечень инвариантных тематических пар, лежащих в основе предметных тематических групп пословиц, с указанием наиболее важных тем, относящихся к соответствующим группам. Он составлен на материале пятидесяти-тысячной картотеки пословичных изречений более чем двухсот народов Востока, имеющейся в нашем распоряжении.

**ПЕРЕЧЕНЬ ИНВАРИАНТНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАР,
ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ПРЕДМЕТНЫХ
ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП ПОСЛОВИЦ**

I

*Инвариантные пары противопоставленных сущностей,
представляющих разные стороны одной и той же вещи*

1. СОДЕРЖАНИЕ — ФОРМА. О содержании и форме вещей, об их внутренней и внешней сторонах, о сущности и явлении, о сути вещей и их видимости, о самой вещи, как таковой, и ее облачении (одежде, наряде, упаковке).

2. ЦЕЛОЕ — ЧАСТЬ. О всей вещи в целом и об отдельном ее элементе, о разных частях, составляющих одно целое, а также о полном наборе каких-либо вещей (комплекте) и отдельно взятой вещи из такого набора.

3. НАЧАЛО — КОНЕЦ. О начале и конце вещей, в том числе о начале и конце жизни (рождении и смерти), начале и конце дня (утре и вечере), начале и конце года (весне и зиме или осени), начале и конце какого-либо дела и т. п.

4. НАЧАЛО — ПРОДОЛЖЕНИЕ. О начале и продолжении каких-либо дел, в том числе о действиях и их естественном и неестественном продолжении или последствиях, а также о предыдущем и последующем вообще.

5. ВЕЩЬ — ПРИЗНАК (вещи). О вещи и каком-либо ее отличительном или характерном признаке, в том числе цвете, форме, особом свойстве, действии и т. п., а также о вещи и первом ее проявлении или предвестнике.

6. ВЕРХ — НИЗ. О верхней и нижней сторонах вещи, в том числе о небе и о земле, о вершине и подножии (горы), о крыше и фундаменте (здания), о голове и ногах (человека), о вершине и корнях (дерева) и т. п.

II

*Инвариантные пары противопоставленных сущностей,
представляющих физически разные объекты*

IIa

Пары, члены которых существуют сами по себе,
однако допускают существование промежуточных форм
(т. е. различаются по степени качеств)

1. БОЛЬШОЕ — МАЛОЕ. О больших и малых вещах, о значительном и незначительном вообще, в том числе о значительных и незначительных событиях и поступках, а также о значительных (выдающихся) и незначительных людях.

2. **ДЛИННОЕ — КОРОТКОЕ.** О длинных и коротких вещах, в том числе о предметах обихода, одежде и т. п., а также о пространных и сжатых речах.

3. **ВЫСОКОЕ — НИЗКОЕ.** О высоких и низких вещах, в том числе о предметах, имеющих большую и малую высоту, о возвышенном и низменном, а также о знатных и незнатных людях.

4. **СИЛЬНОЕ — СЛАБОЕ.** О сильных и слабых вещах, т. е. о вещах, обладающих значительной и незначительной силой, в том числе о влиятельных и невлиятельных людях.

5. **КРЕПКОЕ — НЕКРЕПКОЕ.** О крепких и некрепких вещах, в том числе о вещах прочных и непрочных, твердых и мягких, а также о толстом и тонком (месте).

6. **НОВОЕ — СТАРОЕ.** О новых и старых вещах, в том числе о новых и старых предметах, о недавних и давних событиях, о нововведениях и старинных обычаях.

7. **СТАРОЕ — МОЛОДОЕ.** О старом и молодом, в том числе о стариках и молодежи, о состарившихся животных и молодняке, об увядающих растениях и молодых побегах, а также о старших и младших членах семьи, рода, общины.

8. **БЛИЗКОЕ — ДАЛЕКОЕ.** О близких и далеких вещах, т. е. о вещах, расположенных близко и далеко во времени и пространстве, а также о близких и далеких людях.

9. **УМНЫЙ — ГЛУПЫЙ.** Об умных и глупых (особях), в том числе о мудрецах и дураках, о психически полноценных и неполноценных личностях (безумцах или сумасшедших), а также об уме и глупости вообще.

10. **ХОРОШЕЕ — ПЛОХОЕ.** О хороших и плохих вещах, в том числе о добре и зле, о счастье и горе, о полезном и вредном, о сладком и горьком, о чистом и грязном, а также о добрых и злых людях, о счастливицах и неудачниках.

11. **СВЕТЛОЕ — ТЕМНОЕ.** О светлых и темных вещах, в том числе о предметах, окрашенных в светлые и темные цвета, о белом и черном, а также о светлом и темном в переносном значении, т. е. о приятном и неприятном¹.

12. **ПОЛНОЕ — ПУСТОЕ.** О полных и пустых вещах, в том числе о разного рода вместилищах или сосудах, наполненных до краев и порожних, а также о содержательных и бессодержательных (никчемных) предметах или людях.

13. **БОГАТЫЙ — БЕДНЫЙ.** О богатых и бедных (людях, странах, народах) и в первую очередь о богачах, владеющих деньгами, сокровищами, другими людьми, землей и скотом, и

¹ Строго говоря, группа «Светлое — Темное» по своему инвариантному смыслу является частью предыдущей группы («Хорошее — Плохое»). Однако ввиду исключительной широты последней, а также известной специфичности образов Светлого и Темного мы посчитали целесообразным выделить изречения о светлом и темном в самостоятельную предметную группу.

о бедняках, не владеющих никакими ценностями, а также о самих этих ценностях.

14. **СЫТЫЙ — ГОЛОДНЫЙ.** О сытых и голодных, о живущих в довольстве и голодающих, а также об удовлетворенных и неудовлетворенных (людях) вообще.

15. **БЫСТРО — МЕДЛЕННО.** О быстрых и медленных действиях (работе, передвижении), а также о торопливости и медлительности, спешке и размеренности (в делах) и т. п.

16. **МНОГО — МАЛО.** О большом и малом количестве вещей, в том числе о многих и нескольких вещах, а также о многих и нескольких вещах, с одной стороны, и одной вещи — с другой.

IIб

Пары, между членами которых не имеется промежуточных форм

1. **ДВА — ОДИН.** О двух и одной вещах, в том числе о паре вещей и одной вещи из этой пары, о двух претендентах на одно место, а также о двух вещах (в значении «много») в сопоставлении с одной единственной вещью².

2. **СВОЕ — ЧУЖОЕ.** О своих и чужих вещах, в том числе о своем и чужом добре (имуществе), своих и чужих мыслях, достоинствах, недостатках, словах и т. п.

3. **РОДНЫЕ — НЕРОДНЫЕ.** О родных и неродных (людях), т. е. о родственниках и неродственниках, о членах своей семьи, рода, в том числе о братьях, сестрах, дядях, тетях и остальных родичах, с одной стороны, и соседях, знакомых и просто посторонних, чужих людях — с другой.

4. **ПОДОБНЫЕ — НЕПОДОБНЫЕ.** О подобных и неподобных вещах, т. е. о вещах одинаковой и неодинаковой природы или судьбы, одинаковых и неодинаковых свойств, в том числе о людях одной профессии, животных одной (не одной) породы, минералах одного (не одного) вида, товарищах по несчастью, удаче и т. п.

5. **ПРИВЫЧНОЕ — НЕПРИВЫЧНОЕ.** О привычном и непривычном, т. е. о вещах, с которыми сталкиваются повседневно, и вещах необычных, редких, с которыми встречаются мало и не подолгу.

6. **ДОСТУПНОЕ — НЕДОСТУПНОЕ.** О доступных и недоступных вещах, т. е. о вещах, имеющих или легко достижимых и таких, которых нет и нельзя или же очень трудно достать (получить).

² В связи с последним обстоятельством группа «Два — Один» частично перекликается (точнее, пересекается) с группой «Много — Мало» из предыдущего подраздела (IIа). Однако две эти группы различаются типологически и потому должны быть даны отдельно.

7. **ЗДОРОВЫЙ — БОЛЬНОЙ.** О здоровых и больных индивидуумах (людях, животных, растениях), в том числе о невредимых и раненых или калеках, а также о здоровье и болезни вообще.

8. **САМ — ДРУГИЕ.** О своих и чужих усилиях, о своей и чужой пользе, а также о самостоятельных и несамостоятельных действиях, т. е. действиях, выполняемых с помощью внутренних сил и извне или с чужой помощью.

9. **МАТЕРИАЛЬНОЕ — ИДЕАЛЬНОЕ.** О материальном и идеальном, т. е. о материальных вещах и их отражении в духовном мире, в том числе о вещи и слове, о вещи и мысли, о слове и мысли.

10. **СЛОВО — ДЕЛО (действие).** О слове и деле, т. е. об отношении слова (и мысли) к делу, действию, а также о правилах обращения со словом, связанным с каким-либо действием³.

11. **ПРЯМОЕ — КРИВОЕ.** О прямых и кривых вещах, в том числе о правде и кривде (неправде), о честных и лживых людях, а также о справедливости и несправедливости.

12. **ЖИВОЙ — МЕРТВЫЙ.** О живых и мертвых, о здравствующих и погибших, о живущих на этом и ином свете, а также о жизни и смерти вообще.

13. **МУЖЧИНА — ЖЕНЩИНА.** О мужчинах и женщинах, в том числе о мужьях и женах, любовниках и любовницах, юношах и девушках, а также о самцах и самках.

14. **ДРУГ — ВРАГ.** О друзьях и врагах, сторонниках и противниках, приятелях и неприятелях, а также о дружбе и вражде (неприязни).

15. **ЛЮДИ — НЕ ЛЮДИ.** О людях и не людях, а именно о людях и животных, людях и растениях, людях и сверхъестественных существах, богах, демонах и духах.

16. **АКТИВНЫЙ — ПАССИВНЫЙ.** Об активных и пассивных людях, предметах, действиях, о подвижных и неподвижных вещах, а также о движении и покое вообще.

17. **ЯВНОЕ — ТАЙНОЕ.** О явном и тайном, об открытом и скрытом (или скрываемом), а также об известном и неизвестном, понятном и непонятном.

18. **ЗАРАБОТАННОЕ — ДАРОВОЕ.** О вещах, заработанных трудом, и вещах, полученных в дар (без приложения усилий, бесплатно или незаслуженно).

³ По существу, изречения о слове и деле относятся к предыдущей группе («Материальное — Идеальное»). Однако практически эти изречения осмысляются носителями паремий как самостоятельные. По всей вероятности, это объясняется тем, что в них сформулированы жизненно важные правила обращения со словом, отсутствующие в других изречениях группы «Материальное — Идеальное» (см. в данной связи статью Ю. В. Рождественского — 88, 211—229).

19. **ПРИОБРЕТЕННОЕ — УТРАЧЕННОЕ.** О приобретенных и утраченных вещах, о вещах найденных и потерянных, полученных и отобранных.

20. **СРАЗУ — ПОСТЕПЕННО.** О действиях, совершаемых с одного раза, и действиях, выполняемых постепенно, с соответствующей тщательной подготовкой, а часто — и незаметно.

21. **СОЗИДАНИЕ — РАЗРУШЕНИЕ.** О создании, устройстве, соединении или починке каких-либо вещей и их разрушении, разъединении, поломке, а также о встречах и разлуках.

IIв

Пары, члены которых представляют вещь и ее отсутствие
(по крайней мере формально)

1. **СЛОВО — МОЛЧАНИЕ.** О слове и молчании, о сказанном и несказанном, а также о говорящих и молчащих, спрашивающих и неспрашивающих, болтунах и молчаливниках и о многословии и молчаливости вообще.

2. **ЕДИНСТВО — РАЗОБЩЕННОСТЬ.** О единстве и разобщенности, т. е. о вещах, действующих совместно (сообща) и врозь (поодиночке), в том числе о дружных и недружных (людях), о согласных и находящихся в разладе друг с другом, о едином коллективе и отколовшихся от него отдельных членах.

3. **ЦЕЛЬНОСТЬ — ДВОЙСТВЕННОСТЬ.** О цельности и двойственности вещей, т. е. об их внутренней однородности и противоречивости, проявляемых как в наличии подходящих и неподходящих друг к другу свойств, так и в действиях, находящихся в согласии друг с другом и взаимоисключающих.

4. **ЗНАНИЕ — НЕВЕЖЕСТВО.** О знании и невежестве, в том числе о знающих и незнающих, ученых и неучах, грамотных и неграмотных, а также о воспитанных (вежливых) и невоспитанных людях (невежах).

5. **ТРУД — БЕЗДЕЛЬЕ.** О труде и безделье, т. е. о работе и пустом времяпрепровождении, а также о трудящихся и бездельниках, о трудолюбивых и ленивых (людях).

6. **УМЕНИЕ — НЕУМЕНИЕ.** Об умении и неумении (что-либо делать), а также об умелых и неумелых (людях), опытных и неопытных работниках, искусных и неискусных в своем деле лицах.

III

*Инвариантные пары противопоставленных сущностей,
представляющих физически разные вещи,
которые, однако, не могут существовать друг без друга*

1. **АКЦИЯ — РЕАКЦИЯ.** Об акции и реакции, т. е. о действиях и ответных действиях, в том числе о вопросах и ответах.

зании.

2. ПОРОЖДАЮЩЕЕ — ПОРОЖДАЕМОЕ. О порождающем и порождаемом, в том числе о родителях и детях, о предках и потомках, а также о семенах и корнях или семенах и растениях, с одной стороны, и побегах или плодах — с другой.

3. ПРОИЗВОДИТЕЛЬ — ПРОИЗВОДИМОЕ. О производителе и производимом, в том числе о производителе каких-либо благ и самих этих благах, а также о пользовании ими.

4. ОСНОВНОЕ — СОПУТСТВУЮЩЕЕ. Об основных и сопутствующем, т. е. об основных, главных вещах и тех дополнительных и неглавных, которые им обычно сопутствуют, в том числе о вещи и ее тени, огне и дыме, организме и паразите, лесе и его обитателях и т. д.

5. ВОЗГЛАВЛЯЮЩЕЕ — ВОЗГЛАВЛЯЕМОЕ. О возглавляющем и возглавляемом, в том числе о правителях и их подданных, о начальниках и подчиненных, о пастырях и пастве, о главе рода (вожде) и его рядовых членах, о голове и других (подчиненных) частях тела и т. п.

6. УНИЧТОЖАЮЩЕЕ — УНИЧТОЖАЕМОЕ. Об уничтожающем и уничтожаемом, т. е. о вещах, одна из которых уничтожает или может уничтожить другую, в том числе о хищниках и их жертвах, об охотниках и объектах охоты, об огне и горючем материале, о воде и огне и т. п.

7. ПРИЧИНА — СЛЕДСТВИЕ. О причине и следствии, т. е. о вещах, влекущих (или не влекущих) за собой другие, зависящие от первых вещи⁴.

8. ОКРУЖАЮЩЕЕ — ОКРУЖАЕМОЕ. О вещи и ее окружении или соседстве, в частности об индивидуе и окружающей его среде, в том числе среде обитания, о друзьях, соседях или попутчиках, а также о вещи и предметах, с которыми она соприкасается, например человеке и орудиях его труда и т. п.

9. ВЕЩЬ — МЕСТО (вещи). О вещи и занимаемом ею месте, в том числе об индивидууме и его месте в пространстве, а также в сообществе себе подобных, в частности о человеке и его служебном положении.

10. ТРУД — РЕЗУЛЬТАТ. О труде и его результате, в том числе о труде и вознаграждении за него, в частности о труде и еде, о тех, кто трудится, и тех, кто получает за труд.

⁴ Фактически тематическая группа «Причина — Следствие» представляет собой один определенный тип взаимосвязи вещей, а именно «Взаимозависимость — Независимость» (формообразующая группа № 8), и состоит из материала разных предметных групп («Основное — Сопутствующее», «Порождающее — Порождаемое», «Окружающее — Окружаемое» и ряда других), однако в языке и фольклоре разных народов осмысливается как самостоятельная предметная группа, поскольку в изречениях прямо говорится о причинах и следствиях (например, в афоризме кикуйю: *Нет ничего такого, что не было бы причиной существования другого*).

11. ЦЕЛЬ — РЕЗУЛЬТАТ. О цели и ее достижении, в том числе о желаемом и получаемом, избегаемом и получаемом, желаемом и теряемом.

12. ЦЕЛЬ — СРЕДСТВО. О цели и средствах для ее достижения, в том числе о желании и действиях, инструментах и методах, используемых для его осуществления.

13. ТУДА — ОБРАТНО. О движении вещей в каком-либо направлении и их движении в обратную сторону, в том числе об уходе и приходе (возвращении), об удалении и приближении, о выпускании и поимке каких-либо вещей и т. п.

14. ДАВАТЬ — БРАТЬ (получать). О даче и получении каких-либо вещей, в том числе о продаже и купле, об отчуждении и присвоении, а также о дающих и берущих, продавцах и покупателях и т. д.

15. ИСХОДНОЕ — ПРОИЗВОДНОЕ. Об исходном и производном, т. е. о материале (сырье) и готовой продукции из этого материала, а также об исходном месте (источнике) и исходящих из него вещах.

IV

Инвариантные пары противопоставленных сущностей, представляющие наиболее частые пересечения элементарных тематических пар и поэтому могущие рассматриваться в качестве самостоятельных⁵

1. КАЧЕСТВО — КОЛИЧЕСТВО. О соотношении качества и количества вещей. Пересечение групп IIa10 и IIa16 («Хорошее — Плохое» и «Много — Мало»), а также IIa10 и IIa1 («Хорошее — Плохое» и «Большое — Малое») и т. п.

2. СИЛА — ПРАВО. О взаимоотношении силы и права. Пересечение групп IIa4 и IIb11 («Сильный — Слабый» и «Прямое — Кривое»).

3. СИЛА — УМ. О взаимоотношении силы и ума. Пересечение групп IIa4 и IIa9 («Сильный — Слабый» и «Умный — Глупый»).

4. УМ — РОСТ (величина). О соотношении ума и роста (величины). Пересечение групп IIa9 и IIa1 («Умный — Глупый» и «Большое — Малое»).

5. УМ — ВОЗРАСТ. О соотношении ума и возраста. Пересечение групп IIa9 и IIa7 («Умный — Глупый» и «Старое — Молодое»).

⁵ Некоторые элементарные пары значительно чаще встречаются в пересечениях, чем в «чистом виде». Так, пары «Видеть — Не видеть» и «Слышать — Не слышать», пересечение которых дало пару «Видеть — Слышать», включенную в раздел IV, сами не попали в основной список инвариантных тематических пар.

6. СВОЕ МЕСТО — ЧУЖОЕ МЕСТО. О своем (родном) и чужом месте (деревне, городе, крае и т. д.). Пересечение групп II62 и III9 («Свое — Чужое» и «Вещь — Место»).

7. КРАСОТА — ЛЮБОВЬ. О взаимосвязи красоты и любви. Пересечение групп IIa20 и II624 («Красивый — Уродливый» и «Любимый — Нелюбимый»).

8. УСЕРДИЕ — СУДЬБА. Об усердии (трудолюбии) и безусловной вере в судьбу (пассивности). Пересечение групп IIв5 и II616 («Труд — Безделье» и «Активный — Пассивный»).

9. ВИДЕТЬ — СЛЫШАТЬ. Об отношении зрения и слуха (а также глаз и ушей). Пересечение групп IIв13 и IIв14 («Видеть — Не видеть» и «Слышать — Не слышать»).

10. ВНУТРИ — НАРУЖУ. О движении объектов внутрь и изнутри каких-либо вещей, в том числе о поглощении пищи или воды и соответствующих выделениях организма, о восприятии и производстве речи, а также о вхождении в какое-либо помещение и выходе из него. Пересечение групп II и III13 («Содержание — Форма» и «Туда — Обратно»).

11. ВВЕРХ — ВНИЗ. О движении вещей вверх и вниз. Пересечение групп I6 и III13 («Верх — Низ» и «Туда — Обратно»).

12. ЖЕЛАЕМОЕ — ИМЕЮЩЕЕСЯ. О соотношении желаемого и имеющегося в наличии. Пересечение групп III19 и II631 («Желающее — Желаемое» и «Наличное — Отсутствующее»).

Список инвариантных пар, на которых основаны паремиологические противопоставления, может быть продолжен (и ниже мы даем небольшое его продолжение). Однако перечисленные выше 76 пар, в том числе 64 элементарных, охватывают (по крайней мере на материале нашей коллекции) более девяноста семи процентов всего пословичного фонда. На все остальные пары приходится немногим более двух процентов изречений.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СПИСКА ИНВАРИАНТНЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ПАР, НА КОТОРЫХ ОСНОВАНЫ ПРЕДМЕТНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПОСЛОВИЦ ⁶

I

7. Перед — Зад ⁷

9. Правый — Левый

8. Первый — Последний

10. Середина — Край

(по порядку)

⁶ На парах, представленных в данном Продолжении, основаны, как правило, небольшие группы изречений. Чаще всего эти пары встречаются в сложных пословицах, темы которых образованы пересечением нескольких тематических пар.

⁷ Номера инвариантных пар и соответствующих тематических групп, представленных в настоящем, дополнительном, списке, продолжают нумерацию основного списка. Последним номером раздела I в основном списке был 6, поэтому раздел I настоящего списка начинается с номера 7.

IIa

17. Дорогое — Дешевое	28. Любимый — Ненавистный
18. Щедрый — Скупой	29. Нежное — Грубое
19. Готовое — Неготовое	30. Тихий — Шумный
20. Красивый — Уродливый	31. Острый — Тупой
21. Долго — Недолго	32. Сухой — Мокрый
22. Нужное — Ненужное	33. Горячее — Холодное
23. Ловкий — Неловкий	34. Широкий — Узкий
24. Частое — Редкое	35. Прошлое — Будущее
25. Тяжелое — Легкое	36. Рано — Поздно
26. Высокое — Глубокое	37. Простое — Сложное
27. Глубокое — Мелкое	38. Густой — Жидкий

IIб

22. Честь — Бесчестье	39. Хватать — Отпускать
23. Природное — Культурное	40. Спокойствие — Гнев
24. Любимый — Нелюбимый	41. Надежда — Отчаяние
25. Храбрый — Трус	42. Появление — Исчезновение
26. Мир — Война (Ссора)	43. Свобода — Угнетение
27. Производство — Потребление	44. Развлечение — Скука
28. Помощь — Помеха	45. Обязательное —
Необязательное
29. Прибыль — Убыток	46. В шутку — Всерьез
30. Хитрец — Простак	47. Возможность —
Действительность
31. Наличное —
Отсутствующее	48. Уважение — Презрение
32. Запасать (Сберегать) —
Тратить	49. Послушание —
Непослушание
33. Скромный — Нескромный	50. Первый — Последний
(по качеству)
34. Общественное — Личное	51. Утверждение — Отрицание
35. Закономерное —
Случайное	52. Забота (Заботливость) —
Беззаботность
36. Поиск — Находка	53. Смирение — Гордость
37. Сделанное — Несделанное	54. Равенство — Неравенство
38. Знакомый — Незнакомый	

IIв

7. Терпение — Нетерпение	13. Видеть — Не видеть
8. Желание — Нежелание	14. Слышать — Не слышать
9. Память — Забвение	15. Неизменность —
Изменчивость
10. Осторожность —
Неосторожность	16. Предельность —
Беспредельность
11. Безопасность — Опасность	
12. Вера — Неверие	

III

16. Вещь — Условия (существования вещи)	23. Труд — Отдых
17. Вещь — Судьба (вещи)	24. Действующий — Действия
18. Вещь — Следы (оставляемые вещью)	25. Вещь — Мера
19. Желающее — Желаемое	26. Владелец — Владение
20. Победа — Поражение	27. Хозяин — Гость
21. Объективное — Субъективное	28. Вещь — Время (существования вещи)
22. Вещь — Толкование (вещи)	29. Обидчик — Обиженный
	30. Потребитель — Потребляемое

IV

13. Существующее — Используемое	19. Благодарность — Неблагодарность
14. Человек — Дело (его)	20. Простор — Теснота
15. Учение — Умение	21. Впереди — Сзади
16. Умение — Дело	22. Вперед — Назад
17. Боязнь (дела) — Дело	23. Внутри — Снаружи
18. Количество — Величина	24. Ласка — Битье

Разумеется, и этот список может быть продолжен. В принципе перечень инвариантных тематических пар — вообще открыт. Однако практически почти все пословичные изречения (которых, как известно, огромное множество) укладываются в предметные тематические группы, основанные на инвариантных парах, названных выше, или на их пересечениях друг с другом.

* * *

Члены всех названных и не названных нами инвариантных тематических пар (в реальных изречениях они обычно представлены парами более низких рангов вроде «Сладкое — Горькое» или «Чистое — Грязное»⁸, а также парами каких-либо конкретных вещей — образов вроде уже знакомых нам Горы и Мыши или Огня и Дыма) вступают в различные отношения друг с другом. Так, например, Порождающее и Порождаемое могут находиться в отношении Взаимной бытийной зависимости: «Если есть Порождающее, то есть (будет) и Порождаемое» (*Есть куры — будут и яйца*), в отношении Качественного соответствия: «Каково Порождающее, таково и Порождаемое»

⁸ И та и другая относятся к инвариантной паре «Хорошее — Плохое» (см. Па10).

(У рябого отца и сын рябой), в отношении Качественного превосходства: «Порождающее лучше или хуже Порождаемого» (Осел породил осленка, который оказался хуже своего отца) и т. д. и т. п.

Рассмотрев с этой точки зрения все пословицы нашей кар-
тотеки, мы смогли обнаружить всего двадцать восемь
видов отношений, в которые вступают члены тематиче-
ских пословичных пар, или, как мы будем именовать их в
дальнейшем, тематические элементы пословиц. Ниже
мы приведем перечень всех этих видов отношений в списке
образованных на их основе двадцати восьми формообра-
зующихся групп, объединяющих изречения сходной логиче-
ской структуры и организующих пословичный материал внутри
предметных (тематических) групп. Здесь же мы скажем только
о двух вещах. Во-первых, о том, что все эти виды отношений —
и соответственно формообразующие группы — разделяются на
четыре основных типа (четыре высших логико-семиотических
инварианта), которые в свое время были выделены и описаны
нами (90, 28—45; 91, 18 и сл.), а теперь выверены на большом
паремнологическом материале и значительно уточнены. И во-
вторых, о том, что нынешние формообразующие группы в отли-
чие от прежних логико-тематических групп полностью абстраги-
рованы от предметно-образного содержания и демонстрируют
«чистые отношения» объектов (тематических элементов).
Если раньше (например, в сборнике избранных восточных по-
словиц 1968 г.) изречения о неизменности (или изменчивости),
хороших (или плохих), больших (или малых), длинных (или
коротких), старых (или новых) и разных других вещей попада-
ли в логико-тематическую группу «Неизменность — Изменчи-
вость», и только туда, то теперь они попадают в различные
предметные тематические группы — «Хорошее — Плохое»,
«Большое — Малое», «Длинное — Короткое», «Старое — Новое»
и т. д., а внутри них в соответствующие логические (формооб-
разующие) группы (или подгруппы) — «Неизменность — Измен-
чивость (Хорошего и Плохого), (Большого и Малого) (и т. п.)».

Для лучшего понимания списка формообразующих групп и
содержащихся в нем структурных формул приводим необходи-
мые пояснения.

1. В списке используются следующие условные обозначения
(индексы и символы):

а) индексы В (в том числе B_1 , B_2 и B_3) означают Вещи (в
том числе Вещь первую, Вещь вторую и Вещь третью);

б) индексы К (в том числе K_1 и K_2) означают Качества или
свойства Вещей (в том числе Качество первое и Качество
второе);

в) стрелка (\rightarrow) означает импликацию и читается как «ес-
ли..., то...» ($A \rightarrow B$ — «Если А, то В»);

г) знак \sim служит символом взаимосвязи вещей ($B_1 \sim B_2$ — «Вещь первая связана с Вещью второй»);

д) знак \in обозначает вхождение какой-либо вещи в следующее за этим знаком множество ($A \in B$ — «А входит в множество В»);

е) знак \wedge изображает конъюнкцию и читается как «и», иногда как «а» ($A \wedge B$ — «А и В»);

ж) знак \vee изображает дизъюнкцию и читается как «или» в смысле «либо — либо» ($A \vee B$ — «А или В»);

з) знак $>$ служит обозначением предпочтения и читается как «лучше, чем», «больше, чем», «предпочтительнее, чем» ($A > B$ — «А лучше В»).

2. Подгруппы К, Л и М, даваемые в списке, отмечают некоторые детали логических связей, моделируемых в изречениях данной группы (какие именно — можно видеть из названия подгрупп и иллюстративных примеров).

3. Первые четырнадцать групп, т. е. все группы I раздела списка, моделируют отношения зависимости между двумя объектами, в частности между вещью и ее свойством или между двумя вещами. Эти отношения сравнительно просты и могут быть выражены при помощи импликации.

а) первые семь групп I раздела, т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $I^{\mathfrak{M}}$, моделируют отношения вещи и какого-либо ее свойства, например свойства воды течь вниз, свойства навоза вонять и т. п. Формула данного инварианта $B \rightarrow B \in K$ означает, что любая вещь обладает каким-либо свойством (точнее, входит во множество вещей, обладающих свойством К);

б) вторые семь групп I раздела, т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $I^{\mathfrak{B}}$, моделируют отношения двух различных вещей (пословичных тематических элементов всех типов). Формула данного инварианта $B_1 \rightarrow B_2$ означает, что если есть первая вещь (B_1), то есть (будет) и вторая (B_2).

4. Следующие четырнадцать групп, т. е. все группы II раздела списка, моделируют более сложные взаимоотношения объектов, в частности зависимость между отношением вещей и отношением их свойств. При этом отношения типа $I^{\mathfrak{M}}$ (зависимость между вещью и ее свойством) и отношения типа $I^{\mathfrak{B}}$ (зависимость между двумя вещами) входят в отношения групп II раздела в качестве составных элементов.

а) первые семь групп II раздела (от 15-й до 21-й включительно), т. е. все группы высшего логико-семиотического инварианта $II^{\mathfrak{M}}$, моделируют отношения между свойствами вещей в зависимости от отношений самих вещей;

б) вторые семь групп этого же раздела (от 22-й до 28-й включительно), т. е. все группы высшего логико-семиотическо-

го инварианта II В, моделируют взаимоотношения вещей в зависимости от наличия у них тех или иных свойств;

в) оба высших логико-семиотических инварианта II раздела (II Ж и II В) разделяются на два конструктивных типа, отличающихся деталями логической структуры. В частности, все группы второго конструктивного типа моделируют отношения не двух, а трех (и большего числа) объектов. Как в инварианте II Ж, так и в инварианте II В к первому конструктивному типу относится пять формообразующих групп, а ко второму — лишь две. Объяснение формул обоих подтипов дается в самом списке.

Итак, приводим список формообразующих групп, расположенных по типам и видам моделируемых в пословицах отношений, сопровождая его структурными формулами и иллюстративными примерами изречений, относящихся к разным предметным группам и логически противоположным рядам трансформов (А и Б).

СПИСОК ФОРМООБРАЗУЮЩИХ ГРУПП, РАСПОЛОЖЕННЫХ ПО ТИПАМ И ВИДАМ ОТНОШЕНИЙ, МОДЕЛИРУЕМЫХ В ПОСЛОВИЦАХ

I

НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ОБЪЕКТАМИ

Высший логико-семиотический инвариант I Ж

$$B \rightarrow B \in K$$

(Каждая вещь обладает определенным качеством)

1. Обычность — Необычность

К. Правильность — Неправильность

А. *Вода всегда течет вниз.*

Б. *Дождь льет с земли на небо.*

Л. Полноценность — Неполноценность

А. *Закон есть закон (и он требует строгого соблюдения).*

Б. *Закон — что дышло: куда повернул, туда и вышло.*

2. Неизменность — Изменчивость

К. Неизменность — Изменчивость отдельных признаков вещи

А. *Сколько навоз ни суши, он будет вонять.*

Б. *И река меняет свое русло.*

Л. Неизменность — Изменчивость вещи, как таковой

А. *Воду сколько ни толки, водой останется.*

Б. *Когда скакун состарится, он становится клячей.*

- 3. Предельность — Беспредельность**
- К. Предельность — Беспредельность вещей во времени и пространстве
 А. *Всякое дело имеет конец.*
 Б. *Житейские дела конца не имеют.*
- Л. Предельность — Беспредельность вещей в степени (качеств)
 А. *Сколько ни мойся, чище воды не будешь.*
 Б. *Мастеру нет предела для совершенства.*
- 4. Цельность — Противоречивость**
- К. Однородность — Неоднородность
 А. *К огню с какой стороны ни подойди, все равно обожжет.*
 Б. *Во всяком сердце и жар и холод.*
- Л. Непогрешимость — Погрешимость
 А. *Зрелый сахарный тростник сладок до последней крохи.*
 Б. *В куче кокосов всегда найдется гнилой.*
- 5. Неисполнимость — Исполнимость**
- К. Невозможность — Возможность
 А. *Мешок с дырой невозможно наполнить.*
 Б. *Слепой увидел, глухой услышал.*
- Л. Непрактикуемость — Практикуемость
 А. *В корзину воду не льют.*
 Б. *[Некто] льет воду в разбитый кувшин.*
- 6. Обратимость — Необратимость**
- К. Обратимость — Необратимость во времени и пространстве
 А. *Река возвращается в старое русло.*
 Б. *Что поглотило море, не вернется обратно.*
- Л. Повторяемость — Неповторяемость
 А. *Там, где когда-нибудь побывала вода, она еще побывает.*
 Б. *Что прошло, то больше не повторится.*
- 7. Своеобразие — Однообразие**
- К. Неодинаковость — Одинаковость
 А. *Каждый человек на свое лицо.*
 Б. *Гость, не гость — все люди одинаковы.*
- Л. Непохожесть — Похожесть
 А. *Глаза не похожи на нос.*
 Б. *Скотина похожа на скотину.*

Высший логико-семиотический инвариант I ☞

$V_1 \rightarrow V_2$

(Если есть одна вещь, то есть и другая)

- 8. Взаимозависимость — Независимость**
- К. Бытийная Зависимость — Независимость
 А. *Дрова горят — дым идет.*
 Б. *Луна и без брахмана взойдет.*

- Л. Неотделимость — Отделимость
А. *Где огонь, там и дым.*
Б. *Горит, а дымом не пахнет.*
9. Совместимость — Несовместимость
- К. Совместимость — Несовместимость в пространстве и времени
А. *Прибыль с убытком на одной телеге ездят.*
Б. *Где прибыль, там нет убытка.*
- Л. Дружественность — Враждебность
А. *Собака — друг человека.*
Б. *Мех лисы — ее враг.*
10. Порождение — Непорождение
- К. Собственно Порождение — Непорождение
А. *Подозрительность порождает призраки.*
Б. *Пустоцвет не приносит плодов.*
- Л. Начинание — Неначинание
А. *Песня гребцов начинается с присвиста.*
Б. *Пчела не начинает свою работу с сотов.*
11. Превращение — Непревращение
- К. Спонтанное Превращение — Непревращение одной вещи в другую
А. *Тутовое поле обратилось в море.*
Б. *Коза не станет овцой.*
- Л. Превращение — Непревращение одной вещи в другую при третьей
А. *Мудрость этого года становится глупостью в следующем.*
Б. *Даже сидя на дне моря, ты не станешь крокодилом.*
12. Очередность — Неочередность
- К. Очередность — Нарушение очередности
А. *Не шей одежду еще не родившемуся ребенку.*
Б. *Неродившемуся сыну железную колыбель приготовили.*
- Л. Чередование — Нечередование
А. *После зимы наступает весна.*
Б. *Беда за бедой идет.*
13. Проявление — Непроявление
- К. Проявление — Непроявление одной вещи в другой
А. *Дым показывает, что в горах огонь горит.*
Б. *Незаметен огонь, находящийся под золой.*
- Л. Проявление — Непроявление одной вещи при другой
А. *Сухой лист делает змею видимой.*
Б. *Светлячок при солнце не светится.*
14. Незаменяемость — Заменяемость
- К. Незаменяемость — Заменяемость одних вещей другими
А. *Филин сокола не заменит.*
Б. *На безрыбье и рак рыба.*
- Л. Незаменяемость — Заменяемость каких-либо вещей такими же или сходными

А. *Отчим — не отец, мачеха — не мать.*

Б. *Если птица теряет перо, то вместо него вырастает новое.*

II

ЗАВИСИМОСТЬ МЕЖДУ ОТНОШЕНИЕМ ВЕЩЕЙ
И ОТНОШЕНИЕМ ИХ СВОЙСТВ

Высший логико-семиотический инвариант II \mathfrak{A}
(Отношение свойств вещей зависит
от отношения самих этих вещей)

Конструктивный тип I (II \mathfrak{A} I)

$(B_1 \sim B_2) \rightarrow (B_1 \in K_1 \rightarrow B_2 \in K_2)$

(Если две вещи находятся в определенной связи друг с другом, то между свойствами этих вещей наблюдается известное соответствие или несоответствие)

15. Качественные Соответствия — Несоответствия

К. Собственно Качественное Соответствие — Несоответствие вещей

А. *Каков горшок, такова и крышка.*

Б. *К дырявому халату золотая заплата.*

Л. Соответствие — Несоответствие характера действий

А. *Если грешит топор, грешит и топорщик.*

Б. *Тело движется, а тень стоит.*

М. Соответствие — Несоответствие вещей (или их действий) по силе или степени качеств

А. *Как ты меня почесешь, так и я тебя почесу.*

Б. *Если король хромает, подданные ползают.*

16. Природно-Качественные Соответствия — Несоответствия

К. Природно-Качественное Соответствие — Несоответствие вещей

А. *Если отец лев, то и сын львенок.*

Б. *Отец лев, а сын шакал.*

Л. Природно-Качественное Соответствие — Несоответствие вещи и ее действия

А. *Собака поступает по-собачьи.*

Б. *Коза поймала лягушку.*

17. Количественные Соответствия — Несоответствия

К. Собственно Количественное Соответствие — Несоответствие

А. *Сколько стебельков, столько и яблок.*

Б. *На семь домов восемь старост.*

Л. Соответствие — Несоответствие вещей по величине

А. *Платье выкраивается по росту.*

Б. *Нитка не проходит через игольное ушко.*

- М. Соответствие — Несоответствие по количеству времени (продолжительности, скорости и т. д.)
 А. *Сколько человек живет, столько и надеется.*
 Б. *Один день ловит рыбу, три дня сушит сеть.*
18. **Обстоятельственные Соответствия — Несоответствия**
- К. Соответствие — Несоответствие места (действия)
 А. *Где курица кудахчет, там она и снесется.*
 Б. *В одном месте яйца несет, в другом цыплят высиживает.*
- Л. Соответствие — Несоответствие времени (действия)
 А. *Когда побежит конь, побежит и собака.*
 Б. *Весной наелся оладьев, а осенью почувствовал отрыжку.*
- М. Соответствие — Несоответствие направления (движения)
 А. *Куда иголка, туда и нитка.*
 Б. *Один тянет на восток, другой на запад.*
19. **Актантные Соответствия — Несоответствия**
- К. Субъектное Соответствие — Несоответствие
 А. *Кто чистит лук, тот и чувствует запах.*
 Б. *Корова телилась, а бык стонал.*
- Л. Объектное Соответствие — Несоответствие
 А. *Что сошьешь, то и поносишь.*
 Б. *Дочери выговаривает, снохе намек делает.*
- М. Субъектно-объектное Соответствие — Несоответствие
 А. *Чье имя произносят, тот уже на пороге.*
 Б. *Ударили по рогам, а затряслись копыта.*

Конструктивный тип 2 (II № 2)

$$[B_1 \sim (B_2 \sim B_3)] \rightarrow [B_1 \in K_1(B_2) \wedge B_1 \in K_2(B_3)] \vee \\ \vee [B_2 \in K_1(B_1) \wedge B_3 \in K_2(B_1)]$$

(Если какая-либо вещь имеет отношения с двумя другими вещами, находящимися в определенной связи друг с другом, то ее отношение к одной из них совпадает или не совпадает с ее отношением к другой)

20. **Одинаковость — Неодинаковость** отношения одной вещи к двум или многим другим
- К. Одинаковость — Неодинаковость отношения одной вещи к двум другим
 А. *Напуганный огнем, пугается кочерги.*
 Б. *Медком полакомиться люблю, да не выношу пчелиных укусов.*
- Л. Одинаковость — Неодинаковость отношения одной вещи ко многим (или всем) другим
 А. *Солнце для всех одинаково светит.*
 Б. *Солнце одно, а всех греет по-разному.*

21. **Одинаковость — Неодинаковость** качеств одной вещи для двух или многих других
- К. Одинаковость — Неодинаковость качеств одной вещи для двух других
- А. *Что вредит отцу, то вредит и сыну.*
 Б. *Что для одного лекарство, то для другого яд.*
- Л. Одинаковость — Неодинаковость качеств одной вещи для многих (или всех) других
- А. *Один для всех вход в жизнь и одинаковый выход.*
 Б. *Смерть кошки — праздник для мышей.*

Высший логико-семиотический инвариант II Э

(Взаимное отношение вещей зависит от наличия у них определенных свойств)

Конструктивный тип 1 (II Э 1)

$$[(B_1 \in K_1 \wedge B_2 \in K_2) \wedge (K_1 > K_2)] \rightarrow (B_1 > B_2)$$

(Если одна вещь обладает каким-то свойством, а другая — другим или другой степенью того же самого свойства, то одна из вещей предпочтительнее другой)

22. **Качественное Превосходство — Непревосходство** вещей
- К. Собственно качественное Превосходство — Непревосходство
- А. *Большое дерево и от солнца, и от ливня укроет.*
 Б. *Большой кусок застревает в горле.*
- Л. Превосходство — Непревосходство вещей по их значимости (эффективности)
- А. *Блоха прыгает, а пыль не поднимается.*
 Б. *Мала муха, а от нее стошнит.*
- О. (Особая подгруппа) Равноценность — Неравноценность
- К. (Для подгруппы Собственно качественное Превосходство — Непревосходство)
- А. *Что малая, что большая свадьба — одно и то же.*
 Б. *«Кто ел?» — это не то же самое, что «Что вы ели?».*
- Л. (Для подгруппы Превосходство — Непревосходство по значимости)
- А. *И сидящему и стоящему одна цена.*
 Б. *Сидящему и стоящему почет неодинаковый.*
23. **Количественное Превосходство — Непревосходство**
- К. Собственно количественное превосходство — Непревосходство
- А. *Сотня глаз видит больше, чем один.*
 Б. *Две монеты в одном кошельке издают больше шума, чем сто монет.*

- Л. Превосходство — Непревосходство по величине
 А. *Задок не может быть больше телеги.*
 Б. *У него хвост больше его самого.*
- М. Превосходство — Непревосходство по количеству времени (продолжительности, скорости и т. д.)
 А. *Обезьяна говорит, что падать все же быстрее, чем спускаться.*
 Б. *Прошел трехдневный путь за день и слег на десять дней.*
24. Бытийное Превосходство — Непревосходство (т. е. Превосходство — Непревосходство вещи или ее отсутствия)
 К. Наличие или Отсутствие?
 А. *«Есть» лучше, чем «нет».*
 Б. *Ничего нет лучше, чем Ничто.*
- Л. Кое-что или Ничего?
 А. *Что-нибудь лучше, чем Ничто.*
 Б. *Лучше ничего не делать, чем делать плохо.*
25. Превосходство — Непревосходство вещей по степени качества или ценности
 К. Более или Менее качественное? (Для вещей, различающихся по степени качества).
 А. *Падать, так с верблюда.*
 Б. *Утопающий за колючки хватается.*
- Л. Более или Менее хорошее? (Для вещей, различающихся по ценности).
 А. *Ум — хорошо, а два — лучше.*
 Б. *Получится — хорошо, не получится — еще лучше.*
26. Превосходство — Непревосходство вещей, связанное с их отношением к норме
 К. В меру или Не в меру?
 А. *Чрезмерная мудрость хуже глупости.*
 Б. *Лишнее добро только к добру.*
- Л. К месту или Не к месту?
 А. *Во рту козла трава сладкая.*
 Б. *На рисовом поле каша вкуснее, чем у плиты.*
- М. Вовремя или Не вовремя?
 А. *Лучше плакать кстати, чем смеяться не вовремя.*
 Б. *Канун праздника лучше самого праздника.*

Конструктивный тип 2 (II § 2)

$$[V_3 \sim (V_1 \in K_1 \sim V_2 \in K_2) \wedge (K_1 \wedge K_2)] \rightarrow [V_3 > (V_1 \wedge V_2)]$$

(Если какая-либо вещь имеет отношения с двумя другими вещами, находящимися в определенной связи друг с другом и обладающими различными качествами, то эта вещь оказывается предпочтительнее или неpreferируемое двух других)

Подтип первый

(при условии, что $K_1 > K_2$) $[V_3 \sim (V_1 \in K_1 \sim V_2 \in K_2) \wedge (K_1 > K_2)] \rightarrow V_3 > V_1 > V_2$

27. Преодоление — Непреодоление

К. Преодоление — Непреодоление более и менее трудного

А. *Кто реку переплыл, тому пруд не страшен.*Б. *От пули выжил, а от укуса комара погиб.*

Л. Преодоление — Непреодоление более и менее сильным

А. *Где толстый худеет, из тощего дух вон.*Б. *Сильна скала против лома, да слаба против травки.*

Подтип второй

(при условии, что $K_1 \cong K_2$) $[V_3 \sim (V_1 \in K_1 > \text{ант. } < V_2 \in K_2) \wedge (K_1 \cong K_2)] \rightarrow V_3 > (V_1 \wedge V_2)$

28. Преимущественное — Не преимущественное положение посторонней вещи или вещи-посредника

К. Положение посторонней вещи и двух других вещей

А. *Когда дерутся моллюск с бекасом, выигрывает рыбак.*Б. *Слоны дерутся, а пеландук ноги протягивает.*

Л. Роль вещи-посредника для двух других вещей

А. *Двое убьют друг друга, если между ними не станет третий.*Б. *Заступник драку раздувает.*

* * *

Два приведенных в настоящей работе списка (в первом из которых перечислены основные тематические пары, а во втором — виды отношений между их членами), взятые вместе, дают достаточно верное представление о смысловой структуре пословичных изречений. Именно из перечисленных в первом списке тематических пар (и их комбинаций), по типам и видам связей, указанных во втором списке, и составляются все реально существующие пословицы и поговорки.

В известном смысле пословичные тематические пары можно сравнить с лексическими элементами языка (словами и словосочетаниями), а формообразующие группы — с грамматикой. И как лексические элементы объединяются в предложения по правилам обычной грамматики, так предметные тематические пары и их элементы соединяются в пословицы по правилам своей, «пословичной грамматики» или по правилам пересечения их с формообразующими группами⁹.

⁹ Сравнение формообразующих групп с грамматикой покажется еще более оправданным, если учесть, что в составе этих групп (которые можно расценить как грамматические категории) представлены упорядоченные наборы различных логических трансформов одного и того же вида отношений (т. е. их парадигмы).

Построим матрицу (табл. 1), в которой инвариантные пары, лежащие в основе предметных тематических групп, образуют столбцы, а виды отношений, лежащие в основе формообразующих групп, образуют строки. Для простоты отберем для таблицы по шесть предметных и формообразующих пар, сохранив номера и индексы, данные им в соответствующих списках.

Таблица 1

№ строки в списке	Индекс столбца в списке	0	12	13	1а1	1а10	1б2	1П1
		Инвариантные тематические пары (группы)						
		Целое — Часть	Начало — Конец	Большое — Малое	Хорошее — Плохое	Свое — Чужое	Акция — Реакция	
2.	Неизменность — Изменчивость	+						
3.	Предельность — Беспредельность	+						
8.	Взаимозависимость — Независимость		+					
10.	Порождение — Непорождение				+			
15.	Качественное Соответствие — Несоответствие		+					+
22.	Качественное Превосходство — Непревосходство					+	+	

На пересечении столбцов и строк и возникают конкретные изречения, относящиеся к соответствующим предметным тематическим группам (по названию столбца) и соответствующим формообразующим подгруппам внутри каждой данной тематической группы (по названию строки). Так, на пересечении столбца 1а1 (Большое — Малое) и строки № 10 (Порождение — Непорождение) возникает пословица *Гора родила мышь*, относящаяся к предметной тематической группе «Большое — Малое», к формообразующей подгруппе «Порождение — Непорождение Малого Большим и Большого Малым». На пересечении столбца 13 (Начало — Конец) и строки № 8 (Взаимозависимость — Независимость) появляется изречение *Если есть начало, будет и конец*, относящееся к тематической группе «Начало — Конец», к формообразующей подгруппе «Взаимозависимость — Независимость Начала и Конца». На пересечении

столбца I2 (Целое — Часть) и строки № 15 (Качественное Соответствие — Несоответствие) возникает пословица *Каков город, такова и окраина*, относящаяся к тематической группе «Целое — Часть», к подгруппе «Качественное Соответствие — Несоответствие Целого и Части», а на пересечении столбца III (Акция — Реакция) и той же строки № 15 — пословица *Как аукнется, так и откликнется*, относящаяся к предметной тематической группе «Акция — Реакция», к формообразующей подгруппе «Качественное соответствие — Несоответствие Акции и Реакции».

Любое пословичное изречение непременно относится к какой-нибудь формообразующей группе. И это понятно: ведь каждая пословица и поговорка передает (моделирует) какие-то отношения между упоминаемыми (подразумеваемыми) в ней вещами или же называет — прямо или косвенно — какие-то свойства упоминаемых (подразумеваемых) в ней вещей. При этом в каждом конкретном употреблении она может передавать только один вид отношений и, следовательно, относиться лишь к одной формообразующей группе.

Совсем по-иному обстоит дело с предметными тематическими парами. Их в изречении может быть и одна, и две, и три, и даже (правда, сравнительно редко) пять-шесть, а иной раз — не быть ни одной. Это означает, что отдельные пословицы могут относиться к одной, двум и даже к пяти или шести различным предметным группам, а иногда не входить ни в одну из них.

При отсутствии в тексте пословиц предметных пар изречения носят «беспредметный» характер, как, например, *Все течет, все меняется* и *Ничто не вечно (под луной)*. (Первое из них возникло на пересечении нулевого столбца со строкой № 2, а второе — на пересечении нулевого столбца со строкой № 3.) При наличии в тексте пословиц двух предметных пар в изречениях наблюдаются «двойные противопоставления» типа *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* (здесь пересекаются столбцы II62 и IIa10 со строкой № 22). Если же в пословице насчитывается большее число инвариантных пар, семантическая структура изречения оказывается еще более сложной: *Слабый да смелый сильного да глупого одолеет; некрасивый да языкастый красивого да косноязычного победит* (здесь представлены инвариантные тематические пары Сильный — Слабый, Красивый — Некрасивый, Умелый — Неумелый, два члена из пересечения пар Храбрый — Трус и Умный — Глупый и формообразующая группа 22Л — Превосходство — Непревосходство вещей по эффективности). «Семантическая сложность» последней пословицы представляется значительно большей, чем у всех предыдущих.

В изречениях с более чем одной предметной парой одна из

пар может явно превалировать над другой (как в приведенной выше поговорке *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов*, где противопоставление Свое — Чужое представляется более значительным, чем противопоставление Хорошее — Плохое, выраженное образами хлеба и пирогов). Но они (предметные тематические пары) могут быть и равноценными, как, например, в изречении *Состаришься — не помолодеешь, умрешь — не воскреснешь*, где представлены пары, образующие предметные группы Старое — Молодое и Жизнь — Смерть и формообразующая пара Обратимость — Необратимость. Тогда основной предметный смысл поговорки (ее принадлежность к одной из двух названных предметных групп) будет зависеть от так называемого актуального членения, а попросту говоря, — от ее логического акцента, придаваемого ей в том или ином конкретном контексте. При этом вторая предметная пара окажется вспомогательной.

Интересно отметить, что некоторые тематические пары конструктивного типа II, по крайней мере те, в которых сопоставляются несовместимые вещи вроде Хорошо — Плохо, Быстро — Медленно, Неизменность — Изменчивость и т. п., в изречениях могут выступать то в качестве «темы», то в качестве «ремы», т. е. представлять то предметную, а то формообразующую группу. Сравним китайский афоризм *Погода изменяется за час, люди — за поколения* с афоризмом народа га *Мир подобен крабу: он идет то вперед, то назад* и с курдской поговоркой *Хромая коза и быстроногий пастух вечером возвращаются в загон вместе*. В китайском изречении Изменчивость (элемент инвариантной пары IIв15) выступает в качестве темы, в изречении га — в качестве ремы (формообразующая группа 2К). В курдской поговорке пара Быстрый — Медленный выступает в качестве тематической (инвариант IIа15), а в китайском афоризме — в виде формообразующей (группа 23М).

Возникающие на пересечении столбцов и строк изречения могут иметь и имеют многочисленные смысловые трансформы, составляющие в своей совокупности математически строгую систему логической трансформации, описанную нами ранее (90), а иногда и сами изменяются по правилам этой системы. Так, например, поговорка *Игра не стоит свеч*, возникшая на пересечении столбца III4 (Основное — Сопутствующее) и строки № 22Л¹⁰, может трансформироваться в изречение ряда Б, т. е. получить прямо противоположный смысл — *Игра сто́ит свеч*, или в изречение ряда Г, т. е. приобрести вопросительный характер — *А стоит ли игра свеч?*

Здесь, пожалуй, уместно заметить, что упомянутая выше

¹⁰ В таблице I их нет, но они имеются в приведенных выше списках

система логической трансформации относится к тому же (логико-семiotическому) плану пословиц и поговорок, что и представленный выше список (набор) формообразующих групп. Таким образом, пересечение предметных инвариантных пар (групп) с формообразующими фактически представляет воссоединение логико-семiotического плана и плана реалий в один общий план содержания пословичных изречений.

Несколько слов о системе записи, позволяющей экономно и точно обозначить место каждой данной пословицы и поговорки в нашей классификации. Сначала указывается индекс основной тематической группы (для пословицы *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* это — П62, т. е. «Свое — Чужое»), затем приводится индекс формообразующей группы с указанием ряда и вида логического трансформации (для той же пословицы о «своем черном хлебе» это — 22КАга) и, наконец, после знака пересечения (х:) указываются индексы всех остальных тематических групп, имеющих в данной пословице, в порядке убывания их значимости. (В нашем примере это только Пa10, т. е. «Хорошее — Плохое»). Итак, место пословицы *Свой черный хлеб лучше чужих пирогов* в смысловой классификации будет выражено следующим образом: П62, 88КАга, х : Пa10.

Описанная модель не только дает возможность точно определить место каждого отдельного изречения в общей системе, что важно само по себе, но и отвечает на многие актуальные вопросы современной паремиологии. К сожалению, ограниченные размеры статьи не позволяют осветить эти вопросы здесь. Поэтому мы лишь бегло коснемся некоторых из них и отошлем читателя к другой нашей работе, где им посвящено значительно больше места¹¹.

1. С изложенной позиции представляется, например, возможным дать определение понятия «пословичный тип», без которого не может обойтись ни одно сколько-нибудь серьезное паремиологическое исследование и которое в той или иной форме присутствует во всех работах по паремиологии, однако до сих пор так и не определено (см., например, 177, 26 и сл.; 181, 53—81; 191, 22 и сл.; 183, 478 и сл.; 176, 866, 873 и сл., 138, 769; 802, 947 и сл.). Пословичный тип можно определить как пересечение некоторого набора пословичных тематических элементов с какой-то одной формообразующей подгруппой (т. е. строго установленным видом логической связи между этими элементами). При этом существенно, что он не зависит от логической

¹¹ Мы имеем в виду книгу «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов». М., 1979.

трансформации внутри данной подгруппы. Так, пословицы *Яйца курицу не учат* и *Яйца курицу учат*, несмотря на всю их логическую противоположность, относятся к одному и тому же пословичному типу, так как в них пересекаются одни и те же тематические элементы (курица и яйца) с одной и той же формообразующей подгруппой (22Л), а изречения *Будет свинка, будет и щетинка* и *Какова свинка, такова и щетинка*, несмотря на всю их образную близость, относятся к разным пословичным типам, так как в них одинаковые тематические элементы пересекаются с разными формообразующими подгруппами (в первом случае — с 8К, а во втором — с 15К).

2. Основываясь на тех же исходных данных, можно построить логически непротиворечивые смысловые указатели, пригодные для сколь угодно полных национальных и межнациональных научных изданий пословиц и поговорок, над чем уже давно трудятся ученые паремологи (см., например, 44, 981—991; 52, 463 и сл.; 181, 53—81). Во всяком случае, в работе, названной в сноске 11, мы приводим два таких указателя — тематический и логико-семиотический, построенных на «перевернутых» списках инвариантных тематических пар и формообразующих групп и удовлетворяющих всем необходимым требованиям при условии, что материал соответствующих изданий будет расположен по существенным признакам пословичной смысловой структуры.

3. С той же точки зрения получает рациональное объяснение феномен семантической неопределенности пословицы, наиболее полно описанный эстонским ученым А. Крикманном (176, 865 и сл.; 174; 175). В самом деле, если пословица являет собой не только знак, но и модель какой-то ситуации, т. е. модель отношений между вещами, а сами эти вещи представлены в ней каким-то — подчас довольно сложным — набором тематических элементов, то она (эта пословица), как и любая модель, может быть использована в разных условиях с разной целью. При этом в разных случаях в зависимости от нужных логических акцентов основными могут оказываться разные тематические элементы и соответственно проявляться разные виды связи между элементами. И это — помимо того, что каждая инвариантная пара и каждый вид связи сами по себе «покрывают» огромное число конкретных случаев, относящихся к данному инварианту. Так, Большое и Малое могут означать гору и мышь, море и каплю, слона и Моську, т. е. относиться к большому числу разных и непохожих друг на друга вещей, лишь бы они были большими и малыми. А отношением причинной зависимости могут быть связаны огонь и дым, корень и побеги, ветер и шелест листьев и многое-многое другое¹².

¹² Между прочим, сама многоаспектная неопределенность пословиц, вопреки мнению А. Крикманна, лишней раз подтверждает их инвариантно-ва-

Можно назвать ряд других проблем, находящих свое разрешение с помощью описанной модели. Однако и сказанного довольно, чтобы убедиться в ее значительной «разрешающей силе». Правда, она, в свою очередь, ставит перед исследователем ряд новых нелегких вопросов, требующих ответа. Таковы, например, вопросы о типах пересечений предметных тематических пар и элементов, о типологии самих этих пар, о полноте и порядке их списка, об отношении однородных (близких по названию) инвариантных тематических пар и формообразующих групп (к примеру, Порождающее — Порождаемое и Порождение — Непорождение), о коммуникативном использовании пословичных изречений (т. е. об их «актуальном членении»), о составе отдельных предметных групп и многие другие.

Но тут уже ничего не поделаешь. Таков непреложный закон развития всякой науки. Как сказал один мудрый человек, чем шире круг наших знаний, тем больше у него точек соприкосновения с незнанием.

риантную структуру (на всех уровнях и во всех аспектах). Сколько бы конкретных актуализаций ни получала какая-либо пословица, все они содержат нечто общее и неизменное, непреложное для данной пословицы. Это общее и неизменное и составляет ее инвариантную суть, а все частное и переменное — ее вариативную сторону (конкретную форму). И это справедливо для всех аспектов пословицы, начиная от самого значимого — логико-семантического — и кончая языковым. Пословицы, как и другие фольклорные тексты, только потому и могут варьировать, что они устойчивы (т. е. в основе своей инвариантны), а устойчивы — потому что могут варьировать.

О ЯВЛЕНИЯХ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ *

1.0. Как известно, каждый знак в той или иной мере независим от своего деизгната. Именно поэтому он может означать не одну какую-либо вещь (явление, свойство или отношение), а две, три и более, и, напротив,— два, три и более знаков могут означать одну и ту же вещь (явление, свойство или отношение). Иначе говоря, отсутствие неразрывной связи между означающим и означаемым служит принципиальной основой омоимии и синонимии — явлений, свойственных всякой совокупности знаков, в том числе, конечно, и знаков естественных языков.

2.0. Подобно любым языковым знакам, паремии также обладают указанными в п. 1 свойствами.

2.1. Нередко «одно и то же» изречение получает в разных контекстах совершенно различный смысл. Так, русское народное пожелание *Будь здоров!* после чихания или после слов «Я ухожу» имеет свой обычный смысл. И то же сочетание слов в предложении: «А он — *будь здоров*: косая сажень в плечах» означает что-то вроде «силен», во всяком случае, резко отличается по своему значению от приведенного выше пожелания здоровья.

2.2. В то же время совершенно разные по своему составу и даже по синтаксической и паремиологической структуре изречения часто имеют один и тот же смысл. Ср. русскую народную поговорку *Хвост вытащит — нос увяз(ит)*, *нос вытащит — хвост увяз(ит)* и крылатую «нечленимую фразу», восходящую к басне Крылова, *Тришкин кафтан*. Обе они означают одну и ту же типовую ситуацию. В таком же отношении между собой находятся и две известные русские пословицы: *Черного кобеля не отмоешь добела* и *Сколько волка ни корми, он все в лес глядит*.

* Тезисы доклада.— Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1974.

3.1.0. Мы различаем следующие виды паремиологической омонимии:

3.1.1. Омонимия паремии и сходного с ней свободного (переменного) сочетания слов. Ср. поговорку *Сел не в свои сани* (о человеке, который занял неподобающее ему место) и сходное сочетание слов в рассказе о ездоке, который по ошибке сел не в свои сани, а в сани своего соседа.

3.1.2. Межуровневая омонимия, или буквальное совпадение какой-либо паремии с сочетанием слов иного (а именно фразеологического) уровня языка. Ср. народное правило *Не бей лежащего* и сходный с ним по форме фразеологический оборот в таком предложении: «А у него работа — не бей лежащего!»

3.1.3. Межтиповая омонимия, или буквальное совпадение изречений разных паремиологических типов, например поговорки и приметы, пословицы и «делового» клише вроде хозяйственной или гигиенической рекомендации, и т. п. Ср., например, народное юридическое правило *Не пойман — не вор* и аналогичную по внешней форме пословицу, т. е. изречение принципиального переносного (метафорического) смысла.

3.1.4. Внутритиповая омонимия, или буквальное совпадение разных по значению изречений одного и того же паремиологического типа. Так, известная русская пословица *Гречневая каша сама себя хвалит* употребляется в двух совершенно различных смыслах: а) «Эта вещь настолько хороша, что ее не надо хвалить; она, как гречневая каша, не нуждается в похвале — ее качества говорят сами за себя» и б) «Этот человек — самохвал; он не ждет, пока другие похвалят его, а подобно гречневой каше сам себя хвалит».

3.2. Случаи паремиологической омонимии всех указанных выше видов встречаются не только в русском паремиологическом фонде, но и в соответствующем фонде любого другого языка. Сошлемся хотя бы на пример внутритиповой омонимии из языка народа баньянг, проживающего на территории Камеруна. Пословица *Кэнгак абекэ го а мфаз пу квэн а мёк — Если орех наверху (т. е. на дереве) не вырос (т. е. не созрел), то он не упадет (на землю)* — употребляется в двух различных смыслах: а) «Не всякое зло сразу становится очевидным, но в конце концов такой день приходит. Со временем истина созреет, как орех на лiane, и тайное станет явным. Поэтому тот, кто причинил зло, не вправе надеяться, что его деяния останутся нераскрытыми» и б) «Хорошее дело (для своего исполнения) требует времени». (Разумеется, указанные различия можно обнаружить лишь в конкретном речевом контексте.)

4.1. Несколько проще обстоит дело с паремиями-синонимами. Если два или несколько изречений передают одни и те же логические отношения и касаются одних и тех же сущностей,

а также совпадают по своей прагматической функции, в результате чего могут без какого-либо изменения смысла заменить друг друга в одном и том же контексте, то, значит, перед нами изречения-синонимы. Так, например, русские пословицы *Игра не стоит свеч* и *Овчинка не стоит выделки* или *На безрыбье и рак рыба* и *На безлюдье и Фома дворянин* являются типичными изречениями-синонимами.

4.2. Единственная трудность, касающаяся данного вопроса, заключается в том, что многие фольклористы и паремнологи привыкли считать приведенные выше (и подобные им) пары или группы изречений вариантами. Но стоит поставить вопрос, вариантами чего служат данные изречения, как сразу же выяснится, что их инвариантная сущность находится вне данных изречений, на каком-то ином, более высоком, абстрактном уровне. На паремнологическом же уровне они выступают как равноправные варианты, или синонимы.

4.3. Вариантами же паремий будут такие формы, в которых варьируются (т. е. заменяются равноценными для данного изречения) элементы низших уровней — вставные фразеологические обороты или отдельные слова, а также синтаксические конструкции, изменение которых, однако, тоже не приводит к изменению смысла. Пример лексических вариантов: *Неча (ничего) на зеркало пенять, коли (если) рожа крива (коса)*. Пример синтаксических вариантов: *Каков привет, таков и ответ* и *По привету ответ*.

5.1.0. Итак, паремии, подобно другим языковым знакам, обладают свойствами омонимии и синонимии. И это обстоятельство нельзя не учитывать при фиксации и анализе паремнологических форм.

5.1.1. Чтобы избежать омонимии, мало привести (например, в словаре или сборнике) то или иное народное (или авторское) изречение, необходимо указать его паремнологический тип (пословица, поговорка, примета, загадка, поверье, пожелание, шуточный ответ и т. д.), ибо от этого будет зависеть правильное понимание его смысла, либо надо привести изречение в его обычном контексте, так как в речи омонимия, как правило, снимается.

5.1.2. Что же касается синонимии, то поскольку изречения моделируют обозначаемые ими ситуации, постольку их можно оставить без пояснения. Однако в случаях, когда мотивировка общего значения отсутствует (последнее касается почти исключительно пословиц, поговорок и загадок), то тут уже пояснения требуются.

О СМЫСЛОВОМ СООТВЕТСТВИИ ПОСЛОВИЧНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ *

Подавляющее большинство представленных в сборнике уйгурских пословиц и поговорок снабжено русскими параллелями, т. е. русскими народными изречениями, в той или иной степени совпадающими по смыслу с уйгурскими.

Это обстоятельство (смысловое соответствие уйгурских и русских пословиц) тем более знаменательно, что уйгурский и русский языки весьма далеки друг от друга (они относятся к разным языковым семьям), культуры уйгурского и русского народов также очень несхожи, а сами эти народы на протяжении почти всей своей многовековой истории практически не имели непосредственных языковых и культурных контактов.

Чем же в таком случае можно объяснить, что уйгурские и русские пословицы при всех своих многочисленных различиях так сходны друг с другом? Частично это сходство объясняется наличием в уйгурском и русском пословичных фондах изречений международного распространения, восходящих к одним и тем же источникам. Таковы, например, известные большинству народов пословицы: *Отцы ели терпкое, а у детей оскомина, Не вкусив горького, не узнаешь и сладкого, Одна ласточка не делает весны, Не рой другому яму — сам в нее попадешь* и многие другие. Частично наличие одинаковых или сходных пословиц объясняется взаимными заимствованиями (через посредство общих соседей — узбеков, казахов и других тюркоязычных народов Средней Азии). Таковы, видимо, изречения: *Тише поедешь (едешь) — дальше уедешь (будешь), Черная собака, белая собака — все равно собака (всё один пес), Какой палец ни укуси — болит одинаково* и некоторые другие.

Однако главная причина сходства уйгурских и русских пословиц, как, впрочем, и пословиц других народов, заключается в общности их основных языковых и фольклорных функций. Как показали специальные исследования, и уйгурские, и рус-

* Из предисловия редактора к сб. «Уйгурские пословицы и поговорки». М., «Наука», 1981.

ские, и все прочие пословичные изречения представляют собой прежде всего специфические языковые знаки и словесные (образные) модели одних и тех же типовых жизненных и логических ситуаций или типовых отношений между вещами. Так, уйгурская пословица «о воре» — *Вор вора отыщет* и русская пословица «о рыбаке» — *Рыбак рыбака видит издалека* при всей своей «предметно-образной» разнице служат знаками и моделями одной и той же идеи или типовой ситуации, которую можно описать словами: «Свой всегда к своему стремится». Примерно то же относится и к уйгурской пословице *Пока нет лошади, езди на осле*, и к русской — *За неимением гербовой (бумаги) пишут на простой*, служащим знаками и моделями другой типовой ситуации: «Когда нет какой-либо (лучшей) вещи, пользуются другой (худшей)». Именно поэтому все пословичные изречения — пословицы, поговорки, народные афоризмы и присловья — в принципе могут иметь (и, как правило, имеют) соответствия в любом иноязычном пословичном фонде.

Кстати сказать, тот факт, что некоторые из уйгурских пословиц, приведенных в сборнике, не снабжены русскими параллелями, еще не означает, что таких параллелей нет вообще. Так, например, остался без русского соответствия народный уйгурский афоризм *Кто не стыдится задавать вопросы, станет ученым*. Между тем такое соответствие зарегистрировано. См., к примеру, сборник А. А. Мельника «Пословица — делам помощница» (49, 65): *Не стыдись спрашивать: чем больше узнаешь, тем сильнее станешь*. Отсутствие русских параллелей к некоторым уйгурским пословицам означает лишь то, что авторы-составители почему-либо не нашли их в указанных на с. 16 источниках или их в этих источниках просто не было.

Несколько замечаний о характере русских соответствий к уйгурским пословицам.

Вдумчивый читатель, несомненно, обратит внимание на крайнее разнообразие их видов. Иногда уйгурская и русская параллели совпадают по своей логической структуре, т. е. по моделируемому в них отношению между предметно-образными элементами пословицы, но различаются самими этими элементами: *Пока длинный разозлился, короткий лопнул от злости* — *Покуда жирный исхудает — худого черт возьмет*. Иногда уйгурская и русская пословицы более близки одна к другой по предметно-образной структуре, т. е. по набору образных элементов, чем по типу их взаимоотношений: *Когда в лесу пожар, и сухое горит и сырое* — *При сухом и сырое горит*. Иногда же уйгурская и русская параллели соответствуют друг другу и по логической, и по предметно-образной структурам одновременно, т. е. в них говорится об одинаковых или сходных вещах и моделируются аналогичные отношения между этими вещами: *У волка пасть всегда в крови* — *У лисы рыло всегда в пуху*

или *Чужая курица гусем кажется* — В чужих руках лопать велик.

Параллелей последнего рода в сборнике особенно много. Но там встречаются и другие, которые также следует признать вполне правомерными, особенно в свете принципиальной неоднозначности пословичных изречений, их способности к речевой трансформации и связанного с этими свойствами практического употребления. Так, иной раз в качестве параллелей в сборнике фигурируют разные логические трансформы одних и тех же или близких по своему основному смыслу изречений (вплоть до противоположных): ср. уйгурскую пословицу *Слошадью можешь расстаться — со сбруей не расставайся* и русскую *Пропал конь, так и оброть в огонь!* Иногда смысл русской параллели соответствует смыслу не всего уйгурского изречения, а только его части. Это особенно хорошо видно на составных (двухсложных) уйгурских народных афоризмах. В приведенном ниже примере первая русская параллель соответствует первой части уйгурского афоризма, а вторая — второй (пусть менее точно). И только обе они, взятые вместе, передают общий смысл уйгурского изречения: *У денег нет глаз, у скряги — совести* — *У денег глаз нет* и *Скупому душа дешевле гроша*. Бывают случаи, когда смысл какой-нибудь уйгурской пословицы (даже одночастной) передается лишь суммарным смыслом трех или четырех русских изречений.

Встречаются в сборнике и более сложные виды смысловых соответствий, связанные с теми или иными особенностями употребления пословиц и их многозначностью. Так, уйгурской пословице *Под свечой всегда темно*, которая употребляется в смысле «Близкие люди знатного или достойного человека не пользуются его покровительством и потому не верят в его силу», соответствует русская *В своей земле никто пророком не бывает*, употребляемая примерно в том же смысле (с упором на вторую его часть), хотя сами эти пословицы внешне мало похожи одна на другую.

Из числа прочих смысловых соответствий между уйгурскими и русскими изречениями можно назвать соответствия по характеру мотивировки общего значения клише, по их замкнутости или незамкнутости, а также по широте (объему) заключенного в них суждения. Так, уйгурским пословицам и поговоркам, т. е. изречениям с образной мотивировкой общего значения, понимаемым в переносном смысле и требующим обязательного расширительного толкования, как правило, соответствуют русские тексты, обладающие теми же свойствами: *Мечта слепого — прозреть* — (У) *голодной куме хлеб на уме* и т. п. А уйгурским народным афоризмам и присловьям, т. е. изречениям с прямой мотивировкой общего значения, понимаемым почти «впрямую», хотя и допускающим расширительное толко-

вание, обычно соответствуют русские клише такого же типа: *Сперва себя ущипни, если не больно — ущипни другого — Испытай на себе, да и прикинь другому* и т. п. Однако здесь могут быть и исключения. Иногда параллелью к изречениям с образной мотивировкой (т. е. к пословицам или поговоркам) служит изречение с прямой мотивировкой (т. е. народный афоризм или присловье): *У потерянного ножа ручка золотая — Цену вещи узнаешь, как потеряешь*. Бывает и наоборот — изречению с прямой мотивировкой соответствует параллель с образной: *В начале трудно — в конце сладко — Серенькое утро — красный денек*.

Замкнутым уйгурским клише (т. е. пословицам и народным афоризмам) в большинстве случаев соответствуют замкнутые же русские изречения, а незамкнутым (т. е. поговоркам и присловьям) — незамкнутые. Но и здесь встречаются исключения. Ср. уйгурскую поговорку *Приказали снять шапку, а он голову снял* с русской пословицей того же основного смысла — *Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет*. Между прочим, сам факт смыслового совпадения пословиц, с одной стороны, и поговорок — с другой (а также народных афоризмов и присловий), лишний раз свидетельствует о близости этих паремнологических форм. Не случайно у многих народов они даже не различаются по названиям.

И наконец, уйгурские и русские параллели, как правило, совпадают, но иногда могут и не совпадать по объему своих значений (т. е. по степени их обобщенности). Ср. хотя бы уйгурский народный афоризм *Как ты к отцу, так и сын к тебе* (будет относиться) с русским — *Дети отца бьют, на себя запас пасут*. Второй по своему значению уже первого: в нем говорится только о плохом отношении детей к отцу (шире — родителям), тогда как в первом — о любом (как плохом, так и хорошем).

Можно назвать несколько других конструктивных признаков, совпадение (или несовпадение) по которым создает ту или иную смысловую близость пословицных параллелей. Но и названных довольно, чтобы убедиться в их многообразии.

И тут уместно сказать, что само это многообразие представляет известный теоретический интерес, так как позволяет в какой-то мере разобраться в смысловой структуре как уйгурских, так и русских пословиц. В самом деле, раз совпадение по тем или иным признакам организации изречений приводит изречения к какой-то смысловой близости, значит, сами эти признаки служат компонентами смысловой структуры. Резонно предположить, что названные признаки (пусть не только они), взятые в своей совокупности, и образуют смысловую структуру пословиц. Недаром, чем больше описанных признаков совпадает у двух изречений, тем эти два изречения ближе друг к другу

по смыслу. Правда, и это необходимо особенно подчеркнуть, разные конструктивные признаки далеко не одинаковы по своему значению: одни более важны для смысла клише, другие менее. Так, совпадение по логической и предметно-образной структурам наиболее существенно для совпадения основного смысла сопоставляемых изречений. При этом в собственно пословицах на первый план выступает логическая структура, а в народных афоризмах не менее значимой оказывается и предметно-образная. К числу менее важных компонентов смысла относятся характер мотивировки общего значения, замкнутость — незамкнутость клише, а также степень их обобщенности. А совпадение по всей сумме смысловых признаков дает почти полное соответствие изречений, точнее, национальные варианты одних и тех же, общих для данных народов пословиц и поговорок вроде следующих: *Цыплят считай осенью* (уйг.) — *Цыплят по осени считают* (рус.) или *Две бараньи головы в один казан не поместятся* (уйг.) — *Две бараньи головы в один котел не лезут* (рус.).

К ВОПРОСУ

О ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ ЯЗЫКА

(на материале русских народных изречений) *

О ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ УРОВНЕ ЯЗЫКА

И РУССКОМ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МИНИМУМЕ **

1. О паремиологическом уровне языка. 1.1. Изоморфизм слова, фразеологического оборота и паремии (клишированность, знаковый характер, мотивированность или немотивированность значения, синонимия и омонимия, парадигматика и ряд других общих свойств). 1.2. Современная теория уровней и ее основные недостатки. 1.2.1. Уровни речи и уровни языка. 1.2.2. Паремии как элементы языкового словаря.

2. Обоснование идеи паремиологического минимума. 2.1. Необходимые и достаточные условия для владения каким-либо естественным языком. 2.1.1. Знание словаря и грамматики. 2.2. Лексический и фразеологический минимумы. 2.3. Использование в речи значительного числа немотивированных и усеченных устойчивых словосочетаний, представляющих различные паремиологические знаки. 2.3.1. Важность знания определенного количества наиболее употребительных паремий.

3. Массовый паремиологический эксперимент по отбору наиболее употребительных русских народных изречений. 3.1. Цели

* В этом разделе собраны разные по своему характеру материалы, посвященные паремиологическому уровню языка и русскому паремиологическому минимуму. Ученый придавал этому направлению в паремиологии большое значение, считая его не только интересным, но и важным для дальнейшей разработки общей теории клише, а также изучения психологии, логики и других дисциплин. Он предложил методику и провел два массовых паремиологических эксперимента, выявивших наиболее употребительные русские народные изречения. Мы публикуем заметки автора о паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме, выдержки из предисловий к анкетам для участников паремиологических экспериментов, а также списки наиболее употребительных русских пословиц, поговорок и сравнительных оборотов типа присловий.

** Тезисы доклада для симпозиума по паремиологии на VI Международном конгрессе фольклористов (1974 г.) Печатается по сб. «Паремиологические исследования». М., «Наука», 1984.

эксперимента. 3.1.1. Проверка информантов на пассивное и активное знание паремий и составление соответствующих частотных списков. 3.1.2. Установление личных паремиологических фондов. 3.1.3. Составление перечня паремий, наиболее распространенных в Москве и Московской области. 3.2. Методика. 3.2.1. Подготовка опросных списков и анкет. 3.2.2. Подбор информантов. 3.2.3. Многоступенчатость опроса. 3.2.4. Способы определения активного и пассивного знания изречений. 3.3. Некоторые итоги эксперимента. 3.3.1. Число и характер знаемых и незнаемых изречений. 3.3.2. Состав личных паремиологических фондов. 3.3.3. Обязательное знание всеми информантами хотя бы одного пословичного изречения из каждой синонимической группы. 3.3.4. Изречения всеобщей знаемости. 3.3.5. «Семейные» анкеты. 3.3.6. Предварительные данные о возрастных и половых различиях в знании и употреблении паремий.

4. Выявление пассивного паремиологического минимума. 4.1. Нахождение «точки отсечения» при помощи графиков дифференциального и интегрального распределения. 4.2. Основные свойства тысячи наиболее знаемых русских народных изречений. 4.2.1. Представлены все структурные паремиологические типы. 4.2.2. Представлены все логико-семиотические типы, все ряды и классы логических трансформов. 4.2.3. Представлены все основные тематические группы, базирующиеся на инвариантных парах противопоставлений. 4.2.4. Представлены все языковые (в том числе и грамматические) типы предложений. 4.2.5. Содержится около двух тысяч реалий, большая часть которых относится к числу наиболее частотных.

5. Построение активного паремиологического минимума. 5.1. Соотношение пассивного и активного паремиологических минимумов. 5.2. Смысл и задачи последнего. 5.3. Создание на основе свойств пассивного паремиологического минимума списка изречений, предназначенного для активного усвоения в процессе обучения русскому языку.

6. Некоторые соображения о паремиологических минимумах других народов. 6.1. Сопоставление наиболее употребительных русских пословичных изречений с пословицами и поговорками народов Европы, Азии и Африки. 6.2. Сходство и различие между паремиями разных языков. 6.3. Предположения об общем и особенном в паремиологических минимумах различных народов. 6.3.1. Необходимость проведения соответствующих экспериментов. 6.4. Целесообразность создания универсального (международного) паремиологического указателя.

О ВКЛЮЧЕНИИ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ НАРОДНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ В РУССКО-ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВАРИ *

Наличие общеупотребительных пословиц, поговорок и других паремиологических клише, относящихся к фоновым знаниям рядовых носителей русского языка, выдвигает на повестку дня вопрос о целесообразности включения таких клише в разного рода словари, рассчитанные на иноязычного читателя. В самом деле, раз существуют языковые формы, без знания которых нельзя понять обычной разговорной речи или несложной статьи в центральной советской печати, то должны существовать и справочники, в которых эти формы находили бы свое объяснение. И самым подходящим местом для таких справок, конечно, могут быть различные русско-иноязычные словари, и прежде всего учебные, включая сюда и словари-минимумы.

Надо сказать, что в хороших двуязычных и многоязычных переводных словарях (см., например, «Киргизско-русский словарь» К. Юдахина или «Опыт словаря тюркских наречий» В. Радлова) всегда приводится много пословиц, примет, загадок и других паремиологических клише исходного (описываемого) языка. Однако они, как правило, приводятся там для иллюстрации нормативного употребления тех или иных слов, входящих в данное изречение, т. е. фактически в качестве «отмеченных фраз»: раз так говорится в пословице, значит, так наверняка можно сказать.

Между тем многие клишированные изречения (по крайней мере те, что входят в паремиологический минимум данного языка) следует вводить в словари в качестве самостоятельных языковых знаков, наравне со словами и наиболее употребительными фразеологическими оборотами.

Для этого есть достаточно веские основания.

Во-первых, названные клише действительно являются особого рода языковыми знаками, и прежде всего знаками типовых жизненных (и логических) ситуаций или типовых отношений между объектами. И мы пользуемся ими как знаками этих отношений. Вместо того чтобы долго и нескладно описывать какую-нибудь часто встречающуюся ситуацию, например, «Если какая-то вещь порождает другую вещь, то свойства порождаемой вещи сходны со свойствами порождающей», мы просто говорим: *Яблочко от яблони недалеко падает*. И каждый человек, знающий русский язык, сразу понимает, что мы имеем в виду. Иными словами, пословица *Яблочко от яблони...* исполь-

* Из статьи «К вопросу о русском паремиологическом минимуме». — Словари и лингвострановедение. Под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982.

зуется нами в качестве знака описанной выше типовой ситуации. Между прочим, точно таким же образом мы обращаемся и со словами как знаками вещей или понятий; так, вместо неуклюжего описания стола как предмета домашней утвари, используемого для того, чтобы ставить на него пищу или класть письменные принадлежности, и состоящего из доски-столешницы определенной формы и подпирающих ее ножек или тумб, мы просто говорим слово *стол*, т. е. называем знак соответствующей вещи. И каждый слушающий нас русский сразу же узнает, о чем идет речь.

Во-вторых, паремиологическое клише, как правило, представляет собой нечто цельное, хотя и состоит из нескольких вроде бы самостоятельных слов-компонентов. При этом общее значение клише, т. е. значение суммы его компонентов, не равно сумме их значений (включая сюда и значение синтаксической связи). Это легко увидеть на так называемых нечленимых сентенциях и фразах, т. е. на изречениях, не обладающих непосредственной мотивировкой своего общего значения, например на цитатах из общеизвестных стихов, басен или анекдотов, смысл которых совершенно не вытекает из смысла составляющих эти изречения слов (вспомним, к примеру, строки из басни И. А. Крылова «Квартет», ставшие известной пословицей: «*А вы, друзья, как ни садитесь, / В сѣ в музыканты не годитесь*»).

Примерно то же самое можно обнаружить и в обычных пословицах. Для этого достаточно сравнить любую из них с омонимичным ей свободным (переменным) сочетанием слов. Прodelайте такую операцию с пословицами *Под лежащий камень вода не течет; Где тонко, там и рвется* или какой-нибудь другой, и вы тут же заметите разницу их смыслов: у пословицы в отличие от свободного сочетания он непременно будет переносным.

После сказанного становится понятным, почему паремиологические клише, и прежде всего пословицы и поговорки, следует вводить в словари только в качестве цельных словарных единиц и почему их нельзя рассматривать как обычные членимые тексты, пригодные для иллюстрации словоупотребления. Действительно, можно ли в словаре слово *семь* «подкреплять» пословицами *Семь раз отмерь — один раз отрежь; У семи нянек дитя без глазу* или *Семеро одного не ждут*, как это обычно у нас делается (см., например, «Русско-английский словарь» под ред. О. С. Ахмановой)? Разумеется, нет. Ведь во всех приведенных пословицах, как, впрочем, и во всех других, содержащих слово *семь*, оно означает вовсе не *с е м ь* (7, sieben, seven), а *много* (ср. соответствующее английское изречение *Too many cooks spoil the broth*). То же можно сказать о словах *синица, журавль* и других лексических компонентах пословицы

Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Ведь «синица» здесь вовсе и не синица, а нечто малое и не очень ценное, но доступное, а «журавль» — не журавль, а нечто большое и ценное, однако совершенно недостижимое. Само собой понятно, что подобных примеров можно привести сколько угодно.

Как же, по нашему мнению, следует включать паремии в те или иные словари?

Все зависит от типа словаря. Если это специальный паремиологический словарь (сборник), то материал в нем лучше всего располагать по типам изречений: пословицы, приметы, загадки, головоломки и т. д., а внутри их — по темам. В свою очередь, внутри тематических подборок изречения можно расположить по характеру моделируемых в данных изречениях ситуаций (для пословиц и поговорок), по характеру прогноза (для примет), по характеру использованного в паремии логического приема (для загадок) и т. п. Что же касается обычных русско-иноязычных переводных словарей, в том числе и учебных, то в них паремии следует помещать по алфавиту, отбирая для этих целей наиболее употребительные варианты и логические трансформы общезвестных изречений. Так, из трех пословиц «про синицу и журавля» — *Лучше синица в руках, чем журавль в облаках*; *Лучше синица в руках, чем журавль в небе* и *Не сули журавля в небе, дай синицу в руки* — для словаря следует отобрать вторую. А из трех следующих ниже («про овчинку и выделку») — *Овчинка не стоит выделки*; *Овчинка стоит выделки* и *Стоит ли овчинка выделки?* — первую. Остальные употребительные варианты или логические трансформы тех же изречений тоже имеет смысл поместить в словарь (на свои места по алфавиту). Однако вместо словарной статьи их можно снабдить простой отсылкой к «основному» варианту. Например:

Не сули журавля в небе, дай синицу в руки — см. *Лучше синица в руках, чем журавль в небе.*

Словарную статью для изречений наиболее распространенного паремиологического типа — пословиц и поговорок, видимо, следует строить так: сначала привести саму пословицу (или поговорку) на исходном (русском) языке, затем дать ее словный перевод. Потом описать основную ситуацию, моделируемую данной пословицей¹, и наконец, привести ее иноязычное соответствие. В отдельных случаях, кроме того, можно дать необходимые сведения о происхождении данной пословицы и об особенностях ее употребления.

¹ Мы говорим «основную», так как пословица иногда может служить словесной моделью нескольких родственных ситуаций, одна из которых обычно является более значимой. Подробнее об этом говорится в нашей работе «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов». М., 1979.

Приведем для примера два небольших образца «словарной статьи» для русско-немецкого словаря среднего объема (на 15—20 тыс. единиц), относящихся к пословичным изречениям. В образцах используются следующие индексы:

ПП — пословный перевод (на языке издания);

Т — толкование или краткое описание ситуации, моделируемой в данном изречении;

НЭ — немецкий эквивалент;

ДС — дополнительные сведения.

1. У семи нянек дитя без глазу — пословица.— ПП: Если о ребенке заботятся (если за ребенком следят) сразу семь нянь, он остается без присмотра.— Т: Если каким-либо делом занимается (слишком) много людей (или у этого дела много руководителей), оно обречено на неудачу.— НЭ: Viele Köche verderben den Brei.

2. На воре шапка горит — пословица.— ПП: Шапка (находящаяся) на голове вора горит (загорелась).— Т: Виновник (своими действиями) сам себя выдает.— ДС: Изречение основано на русском народном анекдоте о воре, который, услышав в толпе возглас «На воре шапка горит!», схватился за голову и тем самым выдал себя.— НЭ: Das Gesicht verrät den Wicht.

В толковых словарях можно также приводить цитаты из художественных произведений, иллюстрирующие употребление данных пословиц.

Несколько иначе следует вводить в словари изречения других паремиологических типов: приметы, загадки, общественно-политические клише и т. д. Каждый из них требует своего подхода. Исторические афоризмы и крылатые изречения выдающихся деятелей нуждаются, видимо, в справке об авторе и времени своего создания. У примет, по всей вероятности, должен помечаться характер предсказания: одно дело *Ласточки низко летают — скоро быть дождю* и совсем другое — *Черная кошка дорогу перебежала — к несчастью* (примета про ласточек имеет естественнонаучное объяснение, а про кошек — относится к числу суеверий).

Особо должны описываться клише, бытующие в различных паремиологических ипостасях, например такие, как *Лежачего не бьют* или *Зимой и летом одним цветом*, первое из которых употребляется в качестве пословицы и в качестве правового изречения, а второе — в качестве загадки (с отгадкой: *сосна, ель*) и в качестве поговорки с прямой мотивировкой общего значения (так обычно говорят о человеке, постоянно носящем одну и ту же одежду).

Впрочем, дело не в технической стороне вопроса, а в принципиальном его решении. Нам думается, что включение наибо-

лее употребительных русских изречений в русско-иноязычные словари не только теоретически оправданно, но и практически целесообразно: оно поможет людям, изучающим русский язык, быстрее и успешнее справиться со своей задачей.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Вниманию участников! *

1. О цели эксперимента

Для того чтобы овладеть каким-либо языком, недостаточно выучить его грамматику и усвоить какой-то запас слов и так называемых идиом или фразеологизмов. Для этого необходимо также запомнить и определенный набор пословиц, поговорок, загадок, примет, поверий и других народных изречений (или паремий), хорошо известных носителям данного языка и потому весьма часто ими употребляемых.

Дело в том, что народные паремии служат не только для украшения речи, но и для выражения ряда суждений и представлений, которые другим способом выразить или неудобно, или же трудно. Так, например, пословичные изречения используются для обозначения типовых жизненных ситуаций, которые описывать обычными словами — занятие крайне неблагодарное, да и нелегкое.

Далее. Многие народные изречения настолько привычны для носителей языка, что последние часто употребляют их в неполном (усеченном) виде или просто намекают на них. Так, человек, свободно говорящий по-русски, может сказать о ком-то, что ему *кошка дорогу перебежала*. И каждый слушающий его русский поймет, в чем тут дело, ибо наверняка знает о существовании суеверной приметы *Кошка дорогу перебежала — к несчастью*.

Кроме того, в составе любого языка есть немало паремий, общий смысл которых совершенно не вытекает из состава их компонентов и, как правило, связан с популярным авторским или фольклорным текстом, откуда эти паремии заимствованы. Так, услышав, что кто-то *остался у разбитого корыта*, мы сразу поймем, что хотел сказать говорящий, так как с детства (из пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке») помним смысл этого выражения.

Минимальный набор народных изречений важен не только

* Извлечение из брошюры «Паремиологический эксперимент. Материалы для паремиологического минимума». На правах рукописи. М., «Наука», 1971.

для изучения иностранного языка, но и для понимания родного языка и фольклора, ибо наиболее распространенные фольклорно-языковые паремии оказываются таковыми не случайно, а по каким-то весьма веским причинам.

Целью настоящего эксперимента является установление списка самых известных русских народных изречений, наименьшего по своему объему и в то же время вполне достаточного для понимания всех обычных «правильных» русских текстов.

2. Порядок проведения эксперимента

Участникам эксперимента предлагается список изречений, расположенных по паремиологическим группам (поговорки, загадки, приметы и т. д.), а внутри них — по алфавиту. Перед каждым изречением выставлен его порядковый номер.

Участник эксперимента должен прочитать этот список и указать, какие из представленных в нем изречений ему незнакомы. Для этого надо зачеркнуть номер соответствующего (незнакомого) изречения.

Кроме того, участнику эксперимента следует ответить на четыре вопроса анкеты, помещенной ниже.

Желающие могут также дополнить список недостающими, по их мнению, но широко употребительными паремиями.

При зачеркивании номеров неизвестных изречений или при дополнении пропущенных надо учитывать, что многие паремии практически бытуют в нескольких лексико-грамматических вариантах. Так, поговорку *Делить шкуру неубитого медведя* можно услышать и в виде *Шкуру неубитого медведя поделили*, и в виде *Медведя еще не убили, а уже делят его шкуру*, и в некоторых иных. Однако у нас она представлена только одной, наиболее распространенной формой, а именно *Делят шкуру неубитого медведя*. Надо также иметь в виду, что мы не включали в наш список и таких форм, которые легко выводятся из основных, т. е. более обычных, хотя и бытуют вполне самостоятельно. Так, например, в нем нет пословиц *Где дым, там и огонь* и *Нет дыма без огня, а огня без дыма*, так как и ту и другую легко вывести из имеющейся там пословицы *Дыма без огня не бывает*.

Поэтому, если какое-либо изречение известно Вам не совсем в той форме, в которой оно дано в списке, не отмечайте его как неизвестное: иначе окажутся вычеркнутыми наиболее распространенные тексты, употребляемые в большем количестве вариантов.

И наконец, участники эксперимента должны учесть, что в данном случае речь идет не о «правильности» или «неправильности» тех или иных изречений, а только об их бытовании и в живой разговорной речи или современной литературе и

публицистике. Что касается вопроса о смысле паремий, в том числе и об его «правильности», то он найдет свое освещение в специальном комментарии, где будут также указаны источники некоторых изречений и даны сведения об особенностях употребления последних.

3. *Дополнительные замечания*

Все представленные в предлагаемом списке изречения записаны в Москве и Московской области, однако были неоднократно слышаны нами и в других районах Советского Союза, в частности на Урале, в Тульской области, Западной Сибири и Казахстане, а также среди русскоязычного населения Северной Украины. При этом все они записывались только из устной речи, независимо от того, авторскими или фольклорными по своему происхождению эти изречения являются. Последним обстоятельством, кстати сказать, объясняется тот факт, что некоторые тексты, восходящие к известным авторским произведениям, иногда даны в «неправильной» форме, т. е. не так, как они выглядят в первоисточнике.

Мы уже отмечали, что некоторые паремии бытуют в нескольких вариантах и что мы в таких случаях приводили только один — наиболее распространенный. Однако, если подобных, широко распространенных, вариантов какого-либо изречения встречаются два или три, мы приводили слова, отличающие «дополнительный» вариант от «основного», в круглых или прямых скобках. При этом в круглые скобки мы заключали слова или словосочетания, дублирующие уже имеющиеся в основном тексте:

*Не всякому слову (слуху) верь;
На миру (на людях) и смерть красна.*

А в прямые скобки мы брали слова или словосочетания, которых нет в основном тексте, но которые часто фигурируют в нем, давая вместо усеченной полную форму изречения:

*Не всё коту масленица [— будет и великий пост];
Попытка не пытка [, а спрос не беда].*

Такой способ подачи материала, естественно, увеличил емкость нашего списка. Если основных текстов в нем помещено 1495, то вместе с вариантами их насчитывается значительно больше, а именно 1740.

Анкета

1. Как Вы думаете, сколько приблизительно народных изречений типа пословиц и поговорок Вам известно — 20, 50, 100,

200 или больше? (На этот вопрос просим ответить до чтения списка.)

2. Ваша профессия.

3. Образование.

4. Ваше основное место жительства (республика, область) до восемнадцати — двадцати лет.

Вниманию участников эксперимента! *

В 1971—1972 гг. нами с помощью группы молодых фольклористов и языковедов был проведен массовый паремиологический эксперимент, в результате которого удалось отобрать тысячу наиболее употребительных русских народных изречений и разрешить ряд теоретических вопросов, связанных с изучением паремиологического уровня языка. В частности, нам удалось выяснить, что рядовой носитель русского языка знает около тысячи народных пословиц, поговорок, афоризмов, присловий, примет, загадок, пожеланий и других устойчивых языковых формул, не считая разного рода фразеологических оборотов. При этом оказалось, что в личном языковом фонде каждого из трехсот наших информантов имелись изречения всех основных паремиологических и лингвистических типов, всех без исключения логико-семиотических типов и смысловых тематических групп.

Эти и другие результаты предыдущего эксперимента позволили нам подготовить проект русского паремиологического минимума, знание которого совершенно необходимо для успешного овладения живым русским языком.

Однако составленный нами проект нуждается в уточнении. Дело в том, что при проведении экспериментальных опросов мы не учли некоторых обстоятельств и допустили кое-какие методологические ошибки. Так, только с середины эксперимента мы включили в анкету вопросы о поле и возрасте информантов. Еще позднее был приложен к тексту второй, дополнительный список изречений (мы составили его из паремий, вписанных в опросные листы самими информантами). Некоторые изречения попали не на свои места, что придало им несколько иной смысл и тем самым в какой-то мере сказалось на результатах опроса.

Цель настоящего эксперимента как раз и состоит в том, чтобы внести необходимые уточнения в подготовленный нами проект паремиологического минимума.

* Выдержка из обращения к участникам второго паремиологического эксперимента. Печатается по рукописи «538 русских народных изречений с усеченной второй частью или окончанием».

Порядок проведения эксперимента

Всем участникам эксперимента предлагается список из 538 русских народных изречений. Вторая часть или окончание этих изречений опущены и заменены многоточием.

Усеченные изречения в нашем списке расположены по паремиологическим типам (пословицы, загадки, приметы и т. д.), а внутри их — по алфавиту. Для пословичных изречений, которых значительно больше, чем всех остальных, принято более дробное деление (см. список).

Внимательный участник эксперимента может заметить, что иногда «одно и то же» изречение (по меньшей мере изречение, начинающееся одними и теми же словами) встречается в разных разделах списка. Это не ошибка. Как и среди слов, среди паремий имеются изречения-омонимы, одинаковые по своей внешней форме, но различные по смыслу. Таковы, например, народное и правовое изречение *Лежачего не бьют*, употребляемое в прямом и строго однозначном смысле, и омонимичная ему пословица *Лежачего не бьют*, употребляемая в заведомо переносном смысле и допускающая весьма широкое толкование (мы привели эти паремии без усечения, так как они отсутствуют в нашем списке).

Каждый участник эксперимента должен внимательно прочитать содержащиеся в списке усеченные изречения и дописать недостающие там слова. Гадать, каких слов недостает, — не следует. Усечение сделано с таким расчетом, что опущенные слова может восстановить только тот, кто хорошо знает данное изречение. Догадаться о них «по смыслу» практически невозможно.

После заполнения опросного листа нужно ответить на шесть вопросов анкеты, помещенной на последней странице.

Каждый участник эксперимента должен заполнять опросный лист сами ни в коем случае не прибегать к посторонней помощи (подсказке), ибо это исказит картину знаемости паремий и может привести к ошибкам в определении окончательного состава «Минимума»*.

* Результаты первого и второго паремиологических экспериментов обобщены в книге Г. Л. Пермякова «300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок» (М., «Русский язык», 1985. На немецком языке. 1986. На болгарском языке). Кроме того, на основе проведенных экспериментов автор составил два списка: «500 наиболее употребительных русских пословичных изречений» и «75 наиболее употребительных русских сравнительных оборотов типа присловий». Оба списка включены в настоящий сборник.

500 НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ
РУССКИХ ПОСЛОВИЧНЫХ ИЗРЕЧЕНИЙ*

Раздел первый

Пословицы

(Изречения, имеющие форму замкнутых предложений)

Подраздел I

Собственно пословицы

Клише с образной мотивировкой общего значения
(Изречения переносного смысла,
требующие расширительного толкования)

Аппетит приходит во время еды.

Баба с возу — кобыле легче.

Близок локоть, да не укусишь.

Бог тронцу любит.

Бодливой корове бог рог не дает.

Большому кораблю — большое плавание.

Была бы шея, а хомут найдется.

В семье не без урода.

В тихом омуте черти водятся.

Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Видать птицу (сокола) по полету.

Видит око, да зуб неймет.

Вода камень точит (вар.: Капля камень долбит) **.

Волков бояться — в лес не ходить.

* Список печатается впервые. Вошедшие в него изречения знали 90 и более процентов опрошенных. Исключение составляют 18 паремий, процент знаемости которых по результатам второго эксперимента оказался несколько ниже. Автор тем не менее счел нужным включить в число наиболее употребительных и эти изречения. Такое решение, как кажется, объясняет следующая заметка из его архива: «Разобрав на материале эксперимента 1000 наиболее употребительных русских народных изречений (найдя точку отсечения по объективным данным) и изучив тенденции и свойства этого набора, я могу уже дать нормативный (а не естественный) минимум, учитывающий все нужные паремии, которые языковая практика информантов еще не смогла учесть. Например, вместо абсолютных (или почти абсолютных) синонимов в список следует включить ряд совершенно необходимых изречений, «не добравших» несколько очков по тем или иным причинам, но не имеющих «дублетов».

Паремии расположены в списке по типам клише (пословицы, поговорки и т. д.), а внутри их — по алфавиту.

** В круглые скобки взяты варианты изречений или слова, представляющие лексико-грамматические варианты соответствующих частей паремий, в прямые — необязательные дополнения к изречению; вар. — сокращенное обозначение слова «вариант».

Всякому овощу свое время.
Выше головы (Выше себя) не прыгнешь.
Где тонко, там и рвется.
Горбатого могила исправит.
Готовь сани летом, а телегу — зимой.
[Пока] Гром не грянет, мужик не перекрестится.
Гусь свинье не товарищ.
{Чем} Дальше в лес — {тем} больше дров.
Дареному коню в зубы не смотрят.
Два медведя в одной берлоге не уживутся.
Дело мастера боится.
Дома и стены помогают.
Дорога ложка к обеду.
Дыма без огня не бывает (вар.: Нет дыма без огня).
Если б знал, где упаду, подстелил бы соломки.
Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе.
За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь.
За одного битого двух небитых дают.
Запретный плод сладок.
Заставь дурака богу молиться — он и лоб разобьет (расшибет).
Знает кошка, чье мясо съела.
И волки сыты, и овцы целы.
И на солнце бывают пятна.
И на старуху бывает проруха.
И у стен есть уши.
Игра [не] стоит свеч.
Из искры — пламя.
Из песни слова не выкинешь.
Из пушки по воробьям не стреляют.
Из «спасибо» шубы не сошьешь.
Из-за деревьев не видно леса.
Каждый (Всяк) кулик своё болото хвалит.
Как аукнется, так и откликнется.
Как (Сколько) волка ни корми, он все в лес глядит (смотрит).
Каков поп, таков и приход.
Кашу маслом не испортишь.
Клин клином [и] вышибают.
Конь о четырех ногах, {да} и тот спотыкается
Кота в мешке не покупают.
Кто в лес, кто по дрова.
Куда иголка, туда и нитка.
Куй железо, пока горячо.
Лбом стену (стенку) не прошибешь.
Лежачего не бьют.
Лес рубят — щепки летят.
Ложка дегтя портит бочку меда.
Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Любишь кататься — люби и саночки возить.
Мал золотник, да дорог.
На бедного Макара все шишки валяются.
На безрыбье и рак рыба.
На зеркало неча (нечего) пенять, коли рожа крива.
На ловца и зверь бежит.
На чужой каравай рот не разевай.
Назвался груздем — полезай в кузов.
Наперед батьки в петлю (в пекло) не суйся.
Нашла коса на камень.
Не боги горшки обжигают.
Не было ни гроша, да вдруг алтын.
Не в свои сани не садись.
Не все коту масленица [— будет и великий пост].
Не все то золото, что блестит.
Не говори «гоп» пока не перепрыгнешь [не перескочишь].
Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.
Не зная (не спросясь) броду, не суйся в воду.
Не играй с огнем — обожжешься.
Не плюй в колодец [: пригодится водицы (воды) напиться].
Не подмажешь — не поедешь.
Не пойман — не вор.
Не рой другому яму — сам в нее попадешь (упадешь).
Не та собака кусает, которая лает.
Не так страшен черт, как его малюют.
Не тронь [...], не то (а то) завоняет.
Не убив медведя, шкуру не продают.
Нет розы без шипов (вар.: Розы без шипов не бывает).
Новая метла чисто метет.
Обжегшись на молоке, дуют [и] на воду.
Овчинка выделки не стоит.
Один в поле не воин.
Одна паршивая овца все стадо портит.
Одним хлебом жив не будешь (вар.: Не хлебом единым жив человек).
Остались от козлика рожки да ножки.
Остатки сладки.
Отольются кошке мышкены слезки.
Первый блин комом.
Перед смертью не надышишься.
Перемелется — мука будет.
По одежке протягивай ножки.
Под лежащий камень [и] вода не течет.
Посади свинью за стол — она и ноги на стол.
После драки кулаками не машут.
Против шерсти не гладят (вар. поговорка: Гладить (Гладит) против шерсти).

Пуганая ворона куста боится.
 Рука руку моет [, и обе белы бывают].
 Рыба портится (тухнет) с головы.
 Рыбак рыбака видит издалека.
 С волками жить — по волчьей выть.
 С миру по нитке — голому рубашка (рубаха).
 С паршивой овцы хоть шерсти клок.
 Сам заварил кашу — сам и расхлебывай.
 Сапожник без сапог.
 Своя ноша не тянет.
 Своя рубашка ближе к телу.
 Семеро одного не ждут.
 Семь раз отмерь — один раз отрежь.
 Сколько веревочке ни виться, а концу быть.
 Снявши голову, по волосам не плачут.
 Собаке — собачья смерть.
 Соловья баснями не кормят.
 Старого воробья на мякине не проведешь.
 Тише едешь — дальше будешь.
 У медали две стороны (лицевая и обратная).
 У семи нянек дитя без глаза.
 У страха глаза велики.
 Утопающий [и] за соломинку хватается.
 Хрен редьки не слаще.
 Цыплят по осени считают.
 Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало.
 Чем черт не шутит.
 Что в лоб — что по лбу.
 Что посеешь, то [и] пожнешь.
 Что с возу упало, то пропало.
 Шила в мешке не утаишь.
 Яблочко от яблони недалеко падает (катится).
 Яйца курицу [не] учат.

Подраздел II

Народные афоризмы

Клише с прямой мотивировкой общего значения
 (Изречения прямого смысла, допускающие,
 однако, расширительное толкование)

А там (после нас) — хоть трава не расти.
 Авось (да небось) до добра не доведет (не доведут).
 Бабушка надвое сказала.

Бедна никогда не [при]ходит одна.
Бедность — не порок.
Без труда не вытащишь и рыбки из пруда.
Береги платье снову, а честь смолоду.
Береженого [и] бог бережет.
Бог дал, бог и взял.
Бумага все [с]терпит.
В гостях хорошо, а дома лучше.
В здоровом теле — здоровый дух.
В каждой шутке есть доля правды.
В тесноте, да не в обиде.
В чужую душу не влезешь.
Век живи — век учись.
[Во всем] Виноват стрелочник.
Вольному воля [, а спасенному рай].
Время — лучший лекарь.
Время не ждет.
Все к лучшему.
Все мы люди, все мы человеки.
Все под богом ходим.
Все там будем.
Все течет, все меняется.
Все хорошо в меру.
Все хорошо, что хорошо кончается.
Всему есть предел (вар.: Все на свете имеет предел).
Всему свое время.
Всему свое место.
Всему свой черед.
Всех дел не переделаешь.
Всяк своего счастья кузнец.
Всякому терпению бывает (приходит) конец.
Где положишь, там и возьмешь.
Глаза — зеркало души.
Год на год (День на день) не приходится.
Голод не тетка.
Голь на выдумки хитра.
Гора с горой не сходится, а человек с человеком сойдется.
Дают — бери, бьют — беги.
Двум смертям не бывать, а одной не миновать.
Делу время, а потехе час.
День да ночь — сутки прочь.
Деньги — дело наживное.
Деньги (Денежки) счет любят.
Для милого дружка и (хоть) сережку из ушка.
Доверять — доверяй, но проверяй.
Долг платежом красен.
Дружба дружбой, а служба службой.

- Дружба дружбой, а табачок врозь.
Друзья познаются в беде.
Дуракам везет.
Дуракам закон не писан.
Дураков теперь нет.
Дурная голова ногам покою не дает (вар.: За дурной головой и ногам непокой).
Дурные примеры заразительны.
Если б да кабы во рту росли б грибы (бобы), и был бы не рот, а целый огород.
Живи своим умом.
Жизнь прожить — не поле перейти.
За всеми не угонишься.
Закон есть закон.
И Москва не сразу (не вдруг) строилась.
Из двух зол выбирай (выбирают) меньшее.
Индюк думал, думал, да и сдох.
Каждый по-своему с ума сходит.
Каждый сам за себя отвечает.
Когда не везет, тогда (во всем) не везет.
Кому много дано, с того много и спросится.
Конец — делу венец.
Кончил дело — гуляй смело.
Копейка рубль бережет.
Кто ищет, тот найдет.
Кто не работает, тот [да] не ест.
Кто старое [вс]помянет, тому глаз вон.
Лиха беда начало.
Лучше меньше, да лучше.
Лучше поздно, чем никогда.
Любовь зла — полюбишь и козла.
Любовь слепа.
Людам (человеку) свойственно ошибаться.
Милые бранятся — только тешатся.
Мир тесен.
Много будешь знать — скоро состаришься.
Много шуму из ничего (из пустяков).
Молодо — зелено.
Молчание — знак согласия.
Москва слезам не верит.
Мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет.
Муж и жена — одна сатана.
На бога надейся, а сам не плошай (вар.: Бог-то бог, да и сам не будь плох).
На вкус и [на] цвет товарища нет.
На всех не угодишь.
На всякий (на чужой) роток не накинешь платок.

100

На всякого мудреца довольно простоты.
На наш век дураков хватит.
На нет [и] суда нет.
На ошибках учатся.
Наперед не загадывай.
Насильно мил не будешь.
Не было бы счастья, да несчастье помогло.
Не в деньгах счастье.
Не дорог подарок, дорога любовь.
Не имей сто рублей, а имей сто друзей.
Не красна изба углами, а красна пирогами.
Не место красит человека, а человек — место.
Не обманешь — не продашь.
Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня
Не ошибается только тот, кто ничего не делает.
Не родись красивым, а родись счастливым.
Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала.
Не угадаешь, где найдешь, а где потеряешь.
Не учи ученого (вар.: Ученого учить — только портить).
Незванный гость хуже татарина.
Нет правила без исключения.
Нет худа без добра [а добра без худа].
Нечистая совесть спать не дает.
Ничто не вечно под луной.
О вкусах не спорят.
Обещанного три года ждут.
Один за всех, все за одного.
От добра добра не ищут.
От любви до ненависти один шаг.
От себя (От своей тени) не убежишь (не уйдешь).
От судьбы не уйдешь.
Охота пуще неволи.
Пить — пей, да себя разумей (да ума не пропивай)!
Плачем (Слезами) горю не поможешь.
Плох тот солдат, который не думает (не надеется) быть гене-
ралом.
По заслугам и честь.
По одежке встречают, по уму провожают.
Победителей не судят.
Повторенье — мать ученья.
Поживем — увидим.
Попытка — не пытка [, а спрос — не беда].
«Посмотрим», — сказал слепой.
Поспешешь — людей насмешешь.
Потерянного не воротишь.
Правда глаза колет.
Привычка — вторая натура.

Приказ есть приказ.
Пришла беда — отворяй ворота.
Пьяному море по колено.
Работа дураков любит.
Работа не волк (не медведь): в лес не убежит.
Риск — благородное дело.
Русский человек задним умом крепок.
Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше.
С глаз долой — из сердца вон.
С кем поведешься, от того и наберешься.
С милым и в шалаше рай.
С милым хоть на край света.
Свет не без добрых людей.
Сделанного не воротишь.
Семь бед — один ответ.
Сердце не камень.
Сердцу не прикажешь.
Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.
Сказано — сделано.
Сколько голов — столько умов.
Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.
Скромность красит человека.
Слово не воробей, вылетит — не поймаешь.
Слово — серебро, молчание — золото.
[Хорошо] Смеется тот, кто смеется последним.
Смелость города берет.
Сначала (Сперва) думай, а потом делай.
Со стороны виднее (лучше видно).
Спасибом сыт не будешь.
Старость — не радость.
Старый друг лучше новых двух.
Старый — что малый.
Стерпится — слюбится.
Стоит ли огород городить?
Судьба играет человеком.
Сытый голодного не разумеет.
Там хорошо, где нас нет.
Терпение и труд все перетрут.
Терпи, казак, атаманом будешь.
Третий — лишний.
У кого что болит, тот о том и говорит.
Уговор дороже денег.
Ум хорошо, а два лучше.
Умирать, так с музыкой!
Умные речи приятно и слушать.
Услуга за услугу.
Устами младенца глаголет истина.

Утро вечера мудренее.
 Ученье — свет, [а] неученье — тьма.
 Факты — упрямая вещь.
 Хорошего понемножку (понемногу).
 Человек человеку волк.
 Человек человеку друг.
 Чем больше, тем лучше.
 Чему быть, того не миновать.
 Что было, то сплыло.
 Что за шум, а драки нету?
 Что написано пером — не вырубишь топором.
 Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.
 Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть.
 Чудес не бывает.
 Чужая душа — потемки.
 Чуть-чуть (Почти или Один раз) не считается.
 Шутка шуткой, а дело делом.
 «Я» — последняя буква в алфавите.
 Язык без костей [: что хочет, то и лопочет] [, а кости ломает].
 Язык до Киева доведет.
 Язык мой — враг мой.
 Языком болтай, а рукам воли не давай.

Подраздел III

Нечленимые сентенции

Клише, не обладающие мотивировкой общего значения
 (Изречения, смысл которых ни прямо, ни через образ
 не вытекает из смысла их компонентов,
 но определяется контекстом, из которого данные изречения
 первоначально взяты и о котором они напоминают)

А Васька слушает да ест.
 А воз и ныне там.
 Вот где собака зарыта.
 Дважды два — четыре.
 Как бы чего не вышло.
 На воре шапка горит.

Раздел второй

Поговорки

(Изречения, имеющие форму незамкнутых предложений)

*Подраздел I**Собственно поговорки*

Клише с образной мотивировкой общего значения
(Изречения переносного смысла,
требующие расширительного толкования)

Без меня меня женили.

Белая ворона.

В одно ухо вошло, [а] в другое вышло.

[Кто-то кому-то] В подметки не годится.

В чужом глазу соломинку видит, а в своем и бревна не замечает.

В чужом пиру похмелье.

Ведет двойную игру.

Волк в овечьей шкуре.

Выйти (Вышел) сухим из воды.

Дай ему палец — он всю руку откусит (отхватит).

Два сапога — пара.

Делать (Делает) из мухи слона.

Делить (Делят) шкуру неубитого медведя.

Ему разжуй и в рот положи [, а проглотит он сам].

Ехать (Едет) в Тулу со своим самоваром.

Жить (Живет) чужим умом.

За что купил, за то и продаю.

Заблудился (Заблудиться) в трех соснах.

Из огня да в полымя попасть (попал).

Из одного и того же теста сделаны.

Изобрести (Изобрел) велосипед.

Искать (Ищет) иголку в стоге сена.

Их водой не разольешь.

Когда на охоту ехать, тогда и собак кормить.

Купить (Купил) кота в мешке.

Левая рука не знает, что делает правая.

Либо пан, либо пропал.

Ломиться (Ломится) в открытую дверь.

Между двух огней оказаться (оказался).

Мне с ним не детей крестить.

Мое дело сторона.

Моя хата с краю [— ничего не знаю].

Мягко стелет, да жестко спать.

[Всех] На свой аршин мерить (мерит).

Над нами не каплет.

- Называть (Называет) черное белым.
 Начать (Начал) за здравие, а кончить (кончил) за упокой.
 Не в бровь, а [прямо] в глаз попасть (попал).
 Не нашего поля ягода.
 Ни богу свечка ни черту кочерга.
 Ни к селу ни к городу [сделать или сказать что-либо].
 Ни мычит ни телится.
 Ни рыба ни мясо.
 Нос вытащит — хвост увяз[ит], хвост вытащит — нос увяз[ит].
 Одного поля ягоды [ягода].
 Орешек не по зубам.
 Открыть (Открыл) Америку.
 Отогреть (Отогрел) змею за пазухой.
 [Это] Палка о двух концах (вар. пословица: У палки два конца).
 Перегнуть (Перегнул) палку.
 Плясать (Пляшет) под чужую дудку.
 По усам текло, а в рот не попало.
 Подливать (Подливает) масло в огонь.
 Пойти (Пошел) против течения.
 Последняя капля.
 Променять (Променял) [Поменять (Поменял)] шило на мыло.
 Пустить (Пустил) козла в огород.
 [И] Рад бы в рай, да грехи не пускают.
 Рубит сук, на котором сидит.
 С больной головы на здоровую [валить (валит)].
 С жиру бесится.
 Сам себе хомут на шею надел.
 Свет клином [не] сошелся.
 Светит, да не греет.
 Сегодня пан, а завтра пропал.
 Сесть (Сел) не в свои сани.
 Слышал звон, да не знает, где он.
 [Как] Собака на сене [: сама не ест и другим не дает].
 Стрелять (Стреляет) из пушки по воробьям.
 Стричь (Стрижет) [всех] под одну гребенку.
 Убить (Убил) [сразу] двух зайцев.
 Чужими руками жар загребать (загребают).
 Чья бы корова мычала, а твоя (его) бы молчала.
 Это еще [только] цветочки, [а] ягодки [будут] впереди.
 Это только присказка, сказка будет впереди.
 Я ему про Фому, а он [мне] про Ерему.

Подраздел II

Присловья

Клише с прямой мотивировкой общего значения
(Изречения прямого смысла, допускающие, однако,
расширительное толкование)

Без вины виноваты.

Будет и на нашей (моей, твоей) улице праздник!

Вместе тесно (тошно), а врозь скучно.

Врать ври, да знай меру.

Время работает на нас.

Глаза б мои не глядели!

Говори, да не заговаривайся.

До свадьбы заживет.

[Стали] Жить-поживать да добра наживать.

Зимой и летом одним цветом.

Знаем мы вашего брата!

И дешево и сердито.

И мы не хуже людей (других).

И нашим и вашим.

И смех и грех.

И хочется и колется.

Как хочу, так и ворочу.

Каков в еде, таков и в труде.

Легок на помине.

Мал, да удал.

Мне бы ваши заботы!

На людей посмотреть и себя показать.

На тебе, боже, что нам (мне) не гоже.

Называть (Называет) вещи своими именами.

Нашего полку прибыло.

Не было печали, так черти накачали.

Не в службу, а в дружбу.

Не на того напал.

Ни нашим ни вашим.

Ни туда ни сюда.

Нынче здесь — завтра там.

Первый парень на деревне.

Пришел, увидел, победил.

Работать (Работает) из-под палки.

Редко, да метко.

С чем пришел, с тем и ушел.

Свои люди — сочтемся.

Слушай ухом, а не брюхом.

Сменил гнев на милость.

Смотрит в книгу, а видит фигу.

Соединять (Соединяет) [Сочетать (Сочетает)] приятное с полезным.

Спасибо этому дому, [теперь] пойдем к другому.

Сядем рядком да поговорим ладком.

Тебе русским языком говорят [, а ты не понимаешь]! (вар.:

Ты что — русского языка не понимаешь?)

Тебе что — больше всех надо (нужно) [что ли]?

Тебя только [и] не хватало.

Ты ему слово, а он тебе десять.

Ты что — оглох?

Ты что — ослеп?

Умел начать, умей и кончать.

Федот, да не тот.

Хочется, да не можется.

Час от часу не легче.

Чем богаты, тем и рады.

Это не нашему брату чета.

Это совсем другое дело.

Языку воли не давай.

Подраздел III

Нечленимые фразы

Клише, не обладающие мотивировкой общего значения (Изречения, смысл которых ни прямо, ни через образ не вытекает из смысла их компонентов, но определяется контекстом, из которого данные изречения первоначально взяты и о котором они напоминают)

Где наша не [ни] пропадала.

Демьянова уха.

Медвежья услуга.

Между ними [черная] кошка пробежала.

Мы пахали.

Ни в сказке сказать, ни пером описать.

Одним миром мазаны.

По моему прощению, по щучьему велению.

[У него у самого] Рыльце в пушку.

Сказка про белого бычка.

Слон и Моська.

Слона-то он и не заметил.

Тришкин кафтан.

У разбитого корыта [остаться (остался)].

75 НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТОВ ТИПА ПРИСЛОВИЙ *

Среди устойчивых (или клишированных) словосочетаний русского языка немалое место занимают разного рода сравнения.

В виде сравнений выступают многие фразеологизмы. Таковы, например, усеченные сравнительные обороты *словно по мановению волшебного жезла* (т. е. вдруг, неожиданно), *будто корова языком слизнула* (т. е. бесследно исчез, пропал), *проще пареной репы* (т. е. совсем просто) и ряд подобных им оборотов, основной смысловый компонент которых лишь подразумевается, но не дан в самом тексте клише.

В сущности, на сравнении построено большинство народных загадок. Ср. *Крашено коромысло над рекой повисло [Что это?]* — *Радуга*. Сравнительный прием используется и во многих приметах, поверьях и некоторых иных видах народных паремий. Например, *Как встретишь Новый год, так его и проживешь*.

На сравнении (сопоставлении) двух или нескольких вещей (объектов) основана логическая структура большого числа пословиц и народных афоризмов. К ним относятся изречения *Лучше синица в руках, чем журавль в небе*, *Хрен редьки не слаще*, *Охота пуще неволи*, *Утро вечера мудренее*, *Старый — что малый* и т. п.

Но особенно часто прием сравнения используется в полных сравнительных оборотах, которые по своей внешней и внутренней структуре относятся к классу присловий — народных изречений, выраженных незамкнутыми клишированными предложениями с эллипсисом или местоименной заменой одного из членов и обладающих в отличие от обычных поговорок не образной, а прямой мотивировкой своего общего значения (т. е. общий смысл которых — прямой). Мы имеем в виду изречения типа [Некто] *Молчит, точно воды в рот набрал* или [От него] *пользы как от козла молока*. В скобках стоят слова, дополняемые или уточняемые в речевом контексте.

Ниже мы приводим 75 наиболее употребительных в живой русской речи и литературе полных сравнительных оборотов типа присловий. Как показал проведенный нами массовый па-

* Список с предисловием автора печатается по тексту, опубликованному в международном паремиологическом журнале «Proverbiim» (№ 25, Хельсинки, 1975). Публикация в журнале снабжена комментарием редактора — известного финского фольклориста Матти Кууси, который «был поражен, обнаружив среди 75 общеизвестных русских сравнений много международно распространенных». Для большинства сравнительных оборотов из русского списка он нашел соответствующие им параллели в финском, английском и французском языках.

ремниологический эксперимент, эти изречения известны всем или почти всем носителям русского языка. Лишь несколько из приведенных оборотов оказались незнакомыми одному, двум или трем информантам из 210, опрошенных нами. Подавляющее же большинство изречений было известно всем без исключения опрошенным.

Бежит как сумасшедший.
Белый как мел (как снег).
Бледный как полотно.
Бойтся как огня.
Бьется как рыба об лед.
Вертится как белка в колесе.
Визжит как поросенок.
Вольный как ветер.
Выступает словно пава.
Глуп как пробка.
Глядит словно кот на сало.
Глянет — [точно] рублем подарит.
Голодный как волк (как собака).
Горький как полынь.
Грызутся как собаки [из-за кости].
Длинный как жердь.
Дрожит как осиновый лист.
Жарко как в бане.
Живут (Дружат) как кошка с собакой.
Жирный как свинья.
Здоров (Силен) как бык.
Злой как собака.
Знает [что-либо] как свои пять пальцев.
И разошлись как в море корабли.
Красный как рак.
Кричит будто его режут.
Легкий как перышко (как пушинка).
Липнут как мухи на мед.
Лопнул как мыльный пузырь.
Льет как из ведра.
Молчит точно воды в рот набрал.
Мягкий как пух.
Надоел хуже горькой редьки.
Надулся как индюк.
Не видать как своих ушей.
Нем как рыба.
Неповоротлив как медведь.
Носится [с чем-либо] как дурак с писаной торбой.
Носится как курица с яйцом.
Нужен как прошлогодний снег.

Нужен как собаке пятая нога.
 Острый как бритва.
 [От него] Пользы как от козла молока.
 Плавает как топор.
 Подскочил как ужаленный.
 Ползет как черепаха.
 Поможет как мертвому припарки.
 Похожи как две капли воды.
 Пристал как банный лист.
 Прицепился как репей[ник].
 Работает как вол (как лошадь).
 Разбирается как свинья в апельсинах.
 Распоряжается как у себя дома.
 Растет как на дрожжах.
 Растут как грибы после дождя.
 Свеженький как огурчик.
 Светло как днем.
 Сидит как на шпильках (на иголках).
 Сказал как отрезал (как отрубил).
 Скачет как коза.
 [С него] Сойдет (Сошло) как с гуся вода.
 Спит как убитый.
 Стал как вкопанный.
 Старо как мир.
 Твердый как алмаз.
 Толстый как бочка.
 Труслив как заяц.
 Упрямый как осел.
 Уставился как баран на новые ворота.
 Хитрый как лиса.
 Худой (Тощий) как жердь.
 Чавкает как свинья.
 Черный как ворон.
 Чувствует себя как рыба в воде.
 Шатается как пьяный.

Всеобщая знаемость и широкая употребительность приведенных сравнительных оборотов должна, по нашему мнению, учитываться при составлении паремиологических и фразеологических словарей русского языка, вплоть до минимальных, а также при сопоставительном изучении русского паремиологического фонда с иноязычными.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ *

Настоящий указатель предназначен для любого, сколь угодно полного, национального или межнационального собрания пословиц, материал которого расположен по тематическим группам, основанным на инвариантных паремиологических противопоставлениях.

Указатель содержит несколько сот паремиологических пар, которые сводятся к ста пятидесяти более широким и покрывают — сами по себе и в пересечениях друг с другом — весь или почти весь мировой пословичный фонд (эти «более широкие» пары, лежащие в основе одноименных тематических групп, выделены в указателе жирным шрифтом). Индексы, стоящие против приведенных пар, означают место соответствующей тематической группы в общей системе (см. Перечень инвариантных паремиологических пар, помещенный на с. 109 и сл.).

На основе предлагаемого Универсального указателя составляются указатели для каждого конкретного сборника пословиц, построенного по тематическому принципу. В этих целях из настоящего списка отбираются те, и только те, пары, которые относятся к предметным тематическим группам, представленным в данном конкретном собрании. При этом против них вместо индексов проставляются страницы книги, на которых помещены соответствующие предметные группы. (Против пар, не выделенных жирным шрифтом, можно указать не страницы, а дать ссылки на основные пары. Например, против пары Белое — Черное указать см. Светлое — Темное.)

Активный — Пассивный —
И616

Акция — Реакция — III

Бегство — Погоня — И655

Бедный — Богатый — Иа13

Безделье — Труд — Ив5

Беззаботность — Заботливость —
И652

Безопасность — Опасность —
Ив11

Безумный — Умный — Иа9

Белое — Черное — Иа11

Берущий — Дающий — III14

Бесплатное — Платное — И618

Беспредметная группа — 0

Бесславиe — Слава — И622

* Печатается по сборнику «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов». М., 1979.

- Бессодержательное — Содержательное — IIa12
 Бесчестье — Честь — II622
 Бить — Ласкать — IV24
Благодарность — Неблагодарность — IV19
 Блевать — Есть — IV10
Близкое — Далекое — IIa8
Богатый — Бедный — IIa13
 Боги — Люди — II615
 Болтун — Молчальник — IIb1
 Больной — Здоровый — II67
Большое — Малое — IIa1
 Боязливый — Отважный — II625
 Боязнь (дела) — Дело — IV17
 Брать — Давать — III14
 Братья (сестры) — Соседи (чужие) — II63
 Бросать — Поднимать — IV11
 Будущее — Настоящее — IIa35
 Будущее — Прошедшее — IIa35
 Быстро — Медленно — IIa15
 Вареное — Сырое — II623
 Варить (жарить) — Есть — II627
Вверх — Вниз — IV11
 В гостях — У себя (дома) — IV6
 Вдох — Выдох — IV10
 Вежливый — Невежливый — IIb4
 Везение — Невезение — IIa10
 Величина (рост) — Глупость — IV4
 Величина — Количество — IV18
 Величина — Ум — IV4
Вера — Неверие — IIb12
Верх — Низ — I6
 Вершина (верхушка) — Корни — I6
 Вершина — Подножие — I6
 Весна — Зима — I3
 Весна — Осень — I3
 Вечер — Утро — I3
Вещь — Время (существования вещи) — III28
 Вещь — Действие (вещи) — III24
Вещь — Мера — III25
Вещь — Место (вещи) — III9
 Вещь — Мысль (о вещи) — II69
 Вещь — Окружение (вещи) — III8
 Вещь — Описание (вещи) — III22
Вещь — Признак (вещи) — I5
Вещь — Следы (оставляемые вещью) — III18
 Вещь — Слово (название вещи) — II69
 Вещь — Соседство (вещи) — III8
Вещь — Судьба (вещи) — III17
Вещь (сама) — Толкование (вещи) — III22
Вещь — Условия (существования вещи) — III16
 Взрослый — Ребенок (дитя) — IIa7
Видеть — Не видеть — IIb13
Видеть — Слышать — IV9
 Видимость — Сущность — II
 Вина — Наказание — III1
 Виновник — Пострадавший — III29
Владелец — Владение — III26
 Влажный — Сухой — IIa32
 Влиятельный — Невлиятельный — IIa4
 Вместе — Порознь — IIb2
 Вниз — Вверх — IV11
 Внутри — Снаружи — IV23
Внутри — Наружу — IV10
 Вода — Огонь — III6
 Божь (глава) — Рядовой член (сообщества) — III5
 Возвращение — Уход — III13
 Возвышенное — Низменное — IIa3
Возглавляющее — Возглавляемое — III5
 Возглавляющий — Замыкающий (какой-либо ряд) — I8
Возможность — Действительность — II647
Возможность — Невозможность — IIb18
 Вознаграждение — Труд — III10
 Возраст — Ум — IV5
 Война (ссора) — Мир — II626
 Вопрос — Ответ — III1
 Воспитанный — Невоспитанный — IIb4
 Впереди — Сзади — IV21
Вперед — Назад — IV22
 Враг — Друг — II614

172

Вражда — Дружба — II614
Вредное — Полезное — IIa10
Врозь — Сообща — IIв2
Все — Никто — 0
Все — Ничто — 0
Всерьез — В шутку — II646
Встреча — Разлука — II621
Второстепенное — Главное (основное) — III4
Входить — Выходить — IV10
В шутку — Всерьез — II646
Выдох — Вдох — IV10
Выплевывать — Глотать — IV10
Высокое — Глубокое — IIa26
Высокое — Низкое — IIa3
Главное — Второстепенное (дополнительное) — III4
Глаза — Уши — IV9
Глотать — Выплевывать — IV10
Глубокое — Высокое — IIa26
Глубокое — Мелкое — IIa27
Глупость — Возраст — IV5
Глупость — Рост — IV4
Глупость — Сила — IV3
Глупый — Умный — IIa9
Глухой — Чуткий — IIв14
Гнев — Спокойствие — II640
Говорить — Слушать — IV10
Говорящий — Молчащий — IIв1
Голова — Ноги (человека) — I6
Голова — Прочие части тела — III5
Голова — Хвост — I7
Голодный — Сытый — IIa14
Гордость — Смирение — II653
Горе — Счастье — IIa10
Горькое — Сладкое — IIa10
Горячий материал — Огонь — III6
Горячее — Холодное — IIa33
Горящее — Потухшее — IIa33
Гость — Хозяин — III27
Готовое — Неготовое — IIa19
Грамотный — Неграмотный — IIв4
Грубое — Нежное — IIa29
Грязное — Чистое — IIa10
Давать — Брать (получать) — III14
Давний — Недавний — IIa6

Далекое — Близкое — IIa8
Ларовое — Заработанное — II618
Дающий — Берущий — III14
Два — Один — II61
Движение — Покой — II616
Двойственность — Единство (цельность) — IIв3
Девочка — Женщина — IIa7
Девочка — Мальчик — II613
Девушка — Парень — II613
Девушка — Старуха — IIa7
Действие (вещи) — Вещь (сама) — III24
Действие — Желание — III12
Действие — Мысль — II610
Действие — Ответное действие — III1
Действие — Последствие (действия) — I4
Действие — Причина — III7
Действие — Продолжение (действия) — I4
Действие — Противодействие — III1
Действие — Слово — II610
Действительность — Возможность — II647
Действующий — Действия — III24
Дело — Боязнь (дела) — IV17
Дело — Мысль (о деле) — II610
Дело — Слово — II610
Дело — Умение — IV16
Дело — Чловек — IV14
Демоны — Люди II615
Дети — Родители — III2
Дешевое — Дорогое — IIa17
Деятель — Деятельность — III24
Деятельный — Бездеятельный — II616
Дикий — Домашний — II623
Дитя (ребенок) — Взрослый — IIa7
Длинное — Короткое — IIa2
Добровольно — Насильно — IV25
Добро — Зло — IIa10
Добрый — Злой — IIa10
Доверие — Недоверие — IIв12
Довольный — Недовольный — IIa14
Догонять — Убегать — II655

Долго — Недолго — Па21
Дома — На улице (в лесу) — IV6
Дополнительное — Главное (основное) — III4
До (срока) — После (срока) — Па36
Дорогое — Дешевое — Па17
Доступное — Недоступное — II66
Доход — Расход — II629
Друг — Враг — II614
Другие — Сам — II68
Дружные — Недружные — IIв2
Дурак — Мудрец — Па9
Духи — Люди — II615
Духовное — Материальное — II69
Еда (процесс) — Приготовление (пищи) — II627
Еда — Труд — III10
Единство — Двойственность — IIв3
Единство — Разобщенность — IIв2
Естественное — Искусственное — II623
Есть — Испражняться — IV10
Жадный — Нежадный — Па18
Желаемое — Имеющееся — IV12
Желаемое — Отсутствующее — IV12
Желаемое — Получаемое — III11
Желаемое — Теряемое — III11
Желание — Действия (для осуществления желания) — III12
Желание — Нежелание — IIв8
Желание — Сила — IV25
Желающее — Желаемое — III19
Жена — Муж — II613
Жених — Невеста — II613
Женщина — Девочка — Па7
Женщина — Мужчина — II613
Жертвы — Хищники — III6
Живой — Мертвый — II612
Животные — Люди — II615
Жизнь — Смерть — II612
Забвение — Память — IIв9
Забота (заботливость) — Беззаботность — II652
Зад — Перед — I7

Закономерное — Случайное — II635
Законченное — Незаконченное — Па19
Заметно (сразу) — Незаметно (исподволь) — II620
Замыкающий — Возглавляющий (какой-либо ряд) — I8
Запасать (сберегать) — Тратить — II632
Запрет — Разрешение — IIв17
Заработанное — Даровое — II618
Заслуга — Награда — III1
Заслуженное — Незаслуженное — II618
Здоровый — Больной — II67
Здравствующий — Погибший (умерший) — II612
Земля — Небо — I6
Зима — Весна — I3
Зло — Добро — Па10
Злой — Добрый — Па10
Знакомый — Незнакомый — II638
Знание — Невежество — IIв4
Знатный — Незнатный — Па3
Значительный — Незначительный — Па1
Знающий — Незнающий — IIв4
Зрелое — Незрелое — Па19
Зрячий — Слепой — IIв13
Идеальное — Материальное — II69
Избегаемое — Получаемое — III11
Известное — Неизвестное (незнакомое) — II638
Известное — Неизвестное (скрытое) — II617
Изменчивость — Неизменность — IIв15
Изнутри — Снаружи — IV10
Имеющееся — Желаемое — IV12
Имущий — Неимущий (нищий) — Па13
Индивид — Вещи (с которыми он имеет дело) — III8

Индивид — Соседи (друзья, попутчи-
ки) — III8
Индивид — Среда (его окружаю-
щая) — III8
Иноплеменники — Соплеменники —
II63
Инструмент (для достижения цели) —
Цель — III12
Искать — Находить — II636
Искусный — Неискусный (работник) —
IIв6
Искусственное — Естественное —
II623
Исподволь (незаметно) — Быстро (сра-
зу) — II620
Используемое — Существующее —
IV13
Испражняться — Есть — IV10
Источник — Истекаемое — III15
Исходное — Производное —
III15
Исчезновение — Появление — II642
Калеки — Здоровые — II67
Качество — Количество — IV1
Количество — Величина —
IV18
Комплект — Отдельная вещь — I2
Конец — Начало — I3
Корни — Вершина (дерева) — I6
Корни — Побег — III2
Короткое — Длинное — IIа2
Край — Середина — II0
Красивый — Уродливый — IIа20
Красота — Любовь — IV7
Кратковременный — Продолжитель-
ный — IIа21
Крепкое — Некрепкое — IIа5
Кривое — Прямое — II611
Крыша — Фундамент — I6
Культурное — Природное — II623
Купля — Продажа — III14
Ласка — Битье — IV24
Левый — Правый — I9
Легкое — Тяжелое (трудное) — IIа25
Ленивый — Трудолюбивый — IIв5
Лживый — Честный — II611
Личное — Общественное — II634

Ловить — Отпускать — III13
Ловкий — Неловкий — IIа23
Ложь — Правда — II611
Лучшее — Худшее — IIа10
Любимый — Нелюбимый —
II624
Любимый — Ненавистный —
IIа28
Любовник — Любовница — II613
Любовник — Муж — II624
Любовь — Красота — IV7
Любовь — Ненависть — IIа28
Люди — Боги (демоны, духи) — II615
Люди — Животные — II615
Люди — Не люди — II615
Люди — Растения — II615
Малое — Большое — IIа1
Мало — Много — IIа16
Мальчик — Девочка — II613
Мальчик — Мужчина — IIа7
Материал (сырье) — Продукция (го-
товая) — III15
Материальное — Идеальное —
II69
Медленно — Быстро — IIа15
Медлительный — Торопливый —
IIа15
Мелкое — Глубокое — IIа27
Мера — Вещь — III25
Мертвый — Живой — II612
Место — Вещь — III9
Место — Претенденты (на место) —
II61
Метод (достижения цели) — Цель —
III12
Мешающий — Помогающий — II628
Мир — Война (ссора) — II626
Младенец — Взрослый — IIа7
Младший — Старший — IIа7
Много — Мало — IIа16
Много — Один — IIа16
Многословие — Молчаливость — IIв6
Мокрый — Сухой — IIа32
Молодежь — Старики — IIа7
Молодое — Старое — IIа7
Молчание — Слово — IIв1
Молчащий — Говорящий — IIв1

Мочиться — Пить — IV10
Мудрец — Дурак — IIa9
Муж — Жена — IIb13
Муж — Любовник — IIb24
Мужчина — Женщина — IIb13
Мужчина — Мальчик — IIa7
Мысль — Вещь — IIb9
Мысль — Дело (действие) — IIb10
Мысль — Слово — IIb9
Мягкое — Твердое — IIa5
Наглость — Скромность — IIb33
Награда — Заслуга — III1
Надежда — Отчаяние — IIb41
Назад — Вперед — IV22
Название (вещи) — Вещь — III22
Найденное — Потерянное — IIb19
Наказание — Вина — III1
Наличное — Отсутствующее — IIb31
Наполненный (до краев) — Порож-
ный — IIa12
Наружу — Внутрь — IV10
Насильно — Добровольно — IV25
Наспех — Неспеша — IIb58
Настоящее — Будущее — IIa35
Настоящее — Прошедшее — IIa35
Находить — Терять — IIb19
Находка — Поиск — IIb36
Начало — Конец — I3
Начало — Продолжение — I4
Начальник — Подчиненный — III5
Начинающий — Замыкающий (какой-
либо ряд) — I8
Неблагодарный — Благодарный —
IV19
Небо — Земля — I6
Невежество — Знание — IIb4
Невезение — Везение — IIa10
Неверие — Вера — IIb12
Невеста — Жених — IIb13
Не видеть — Видеть — IIb13
Невлиятельный — Влиятельный —
IIa4
Невозможность — Возможность —
IIb18
Невоспитанный — Воспитанный —
IIb4

Невредимые — Раненые — IIb7
Неготовое — Готовое — IIa19
Неграмотный — Грамотный — IIb4
Недавний — Давний — IIa6
Недоверие — Доверие — IIb12
Недовольный — Довольный — IIa14
Недолго — Долго — IIa21
Недоступное — Доступное — IIb6
Недружные — Дружные — IIb2
Нежелаемое — Наличное — IV12
Нежелание — Желание — IIb8
Нежное — Грубое — IIa29
Незаконченное — Законченное —
IIa19
Незаметно (исподволь) — Заметно
(сразу) — IIb20
Незаслуженное — Заслуженное —
IIb18
Незнакомый — Знакомый — IIb38
Незнатный — Знатный — IIa3
Незначительное — Значительное —
IIa1
Незнающий — Знающий — IIb4
Незрелое — Зрелое — IIa19
**Неизвестное — Известное (знако-
мое) — IIb17**
Неизвестное — Известное (явное) —
IIb38
**Неизменность — Изменчи-
вость — IIb15**
Неимущий — Имущий — IIa13
Неискусный — Искусный (работник) —
IIb6
Некрасивый — Красивый — IIa20
Некрепкое — Крепкое — IIa5
Неловкий — Ловкий — IIa23
Нелюбимый — Любимый — IIb24
Не люди — Люди — IIb15
Ненавистный — Любимый — IIa28
Ненужное — Нужное — IIa22
Необходимый — Ненужный — IIa22
Необычное — Обычное — IIb5
Необязательное — Обязательное —
IIb45
Неодушевленное — Одушевленное —
IIb12
Неопытный — Опытный — IIb6

- Неосторожность — Осторожность — IIв10
 Неподвижное — Подвижное — IIб16
 Непонятный — Понятный — IIб17
 Непослушание — Послушание — IIб49
 Непохожие — Похожие — IIб4
 Непривычное — Привычное — IIб5
 Неприязнь — Дружба — IIб14
 Непрочное — Прочное — IIа5
 Неравенство — Равенство — IIб54
 Неродные — Родные — IIб3
 Несамостоятельно — Самостоятельно — IIб8
 Несделанное — Сделанное — IIб37
 Несказанное — Сказанное — IIв1
 Несколько — Много — IIа16
 Несколько — Один — IIа16
 Нескромный — Скромный — IIб33
 Нескрываемое — Скрываемое — IIб17
 Не слышать — Слышать — IIв14
 Несовершенное — Совершенное — IIб37
Неспеша — Наспех — IIб58
 Несправедливость — Справедливость IIб11
 Неспрашивающий — Спрашивающий — IIв1
 Несчастье — Счастье — IIа10
 Нетерпеливый — Терпеливый — IIв7
 Неудачник — Счастливчик — IIа10
 Неудовлетворенный — Удовлетворенный — IIа14
 Неуклюжий — Ловкий — IIа23
 Неумение — Умение — IIв6
 Неуч — Ученый — IIв4
 Неясный — Ясный — IIб17
 Низ — Верх — Iб
 Низкое — Высокое — IIа3
 Низменное — Возвышенное — IIа3
 Никто — Все — 0
 Ничто — Всё — 0
Новое — Старое — IIа6
 Ноги — Голова (человека) — Iб
Нужное — Ненужное — IIа22
Обидчик — Обиженный — III29
 Облачение (одежда, упаковка) — Суть (содержание) — II
 Обратно — Туда — III13
Общая беспредметная группа — 0
Общественное — Личное — IIб34
 Обычное — Необычное — IIб5
Объективное — Субъективное — III21
Обязательное — Необязательное — IIб45
 Огонь — Вода — IIIб
 Огонь — Горючий материал — IIIб
 Один — Два — IIб1
 Один — Другой — 0
 Один — Много — IIа16
 Один — Несколько — IIа16
 Один (член пары) — Пара — IIб1
 Однородность — Противоречивость — IIв3
 Одушевленное — Неодушевленное — IIб12
 Окраина — Центр — II0
Окружающее — Окружаемое — III8
 Окружение (вещи) — Вещь — III8
 Опасность — Безопасность — IIв11
 Описание (вещи) — Вещь — III22
 Опытный — Неопытный — IIв6
 Осень — Весна — I3
Основное — Сопутствующее — III4
Осторожность — Неосторожность — IIв10
Острый — Тупой — IIа31
 Остывшее — Разогретое — IIа33
 Отважный — Боязливый — IIб25
 Ответ — Вопрос — III1
 Ответные действия — Действия (начальные) — III1
 Отдельная вещь — Комплект — I2
 Отдых — Труд — III23
 Отечество — Чужая земля — IVб
 Открытое — Скрытое — IIб17
 Отнятое — Приобретенное — IIб19

- Отпускать — Ловить — III13
 Отрицание — Утверждение — II651
 Отсутствующее — Желаемое — IV12
 Отсутствующее — Наличное — II631
 Отчаяние — Надежда — II641
 Отчуждение — Присвоение — III14
 Охотники — Объекты охоты — III6
 Охотно — Насильно — IV25
Память — Забвение — IIв9
 Пара — Один (член пары) — II61
 Парень — Девушка — II613
 Пассивность — Активность — II616
 Пастырь — Паства — III5
Первый — Последний (по качеству) — II650
Первый — Последний (по порядку) — I8
Перед — Зад — I7
 Периферийный — Центральный — II10
 Пить — Мочиться — IV10
 Платное — Бесплатное — II618
 Плод — Растение — III2
 Плохое — Хорошее — IIa10
 Побег — Корни — III2
Победа — Поражение — III20
 Победитель — Побежденный — III20
 Повседневное — Редкое — II65
 Погибший (умерший) — Здравствующий — II612
 Погоня — Бегство — II655
 Подвижный — Неподвижный — II616
 Подданный — Правитель — III5
 Поднимать — Бросать — IV11
 Подножие — Вершина (горы) — I6
Подобные — Неподобные — II64
 Подчиненный — Начальник — III5
 Поздно — Рано — IIa36
 Позор — Честь — II622
Поиск — Находка — II636
 Покой — Движение — II616
 Покупать — Продавать — III14
 Полезное — Вредное — IIa10
Полное — Пустое — IIa12
 Поломка — Починка — II621
 Получаемое — Желаемое — III11
 Получаемое — Избегаемое — III11
 Получать — Давать — III14
 Полученное — Отобранное (отнятое) — II619
Помощь — Помеха (препятствие) — II628
 Понятие — Слово — II69
 Понятный — Непонятный — II617
 Поражение — Победа — III20
Порождающее — Порождаемое — III2
 Порожний — Наполненный (до краев) — IIa12
 Последний — Первый (по качеству) — II650
 Последний — Первый (по порядку) — 18
 После (срока) — До (срока) — IIa36
 Последующее — Предыдущее — I4
Послушание — Непослушание — II649
 Постепенно — Сразу — II620
 Пострадавший — Виновник — III29
 Постылый — Любимый — II624
 Потерянное — Найденное — II619
 Потерянное — Приобретенное — II619
Потребитель — Потребляемое III30
 Потребление — Производство — II627
 Потухшее — Горящее — IIa33
 Похожее — Непохожее — II64
 Починка — Поломка — II621
Появление — Исчезновение — II642
 Правда — Кривда (ложь) — II611
 Правитель — Подданный — III5
 Право — Сила — IV2
Правый — Левый — I9
 Предвестник (события) — Событие — I5
 Представление (о вещи) — Вещь — III22
 Предыдущее — Последующее — I4
 Презрение — Уважение — II648
 Препятствие — Помощь — II628
 Преследовать — Убегать — II655
 Претенденты (соперники) — Место — II61

Приближение — Удаление — III13
Прибыль — Убыток — II629
Привычное — Непривычное — II65
Приготовление (пищи) — Еда (процесс) — II627
Признак (вещи) — Вещь — I5
Примирение — Сора — II626
Приобретенное — Утраченное — II619
Природное — Культурное — II623
Присвоение — Отчуждение — III14
Приход — Уход — III13
Причина — Следствие — III7
Приязнь — Неприязнь — II614
Продавать — Покупать — III14
Продавец — Покупатель — III14
Продолжение — Начало — I4
Продолжительный — Кратковременный — IIa21
Продукция (готовая) — Материал (сырье) — III15
Производитель — Производимое — III3
Производное — Исходное — III15
Производство — Потребление — II627
Простак — Хитрец — II630
Простое — Сложное — IIa37
Простор — Теснота — IV20
Пространное — Сжатое (о речи) — IIa2
Противники — Сторонники — II614
Противодействие — Действие — III1
Противоречивость (внутренняя) — Однородность — IIв3
Прочное — Непрочное — IIa5
Прошлое — Будущее — IIa35
Прошлое — Настоящее — IIa35
Проявление (первое) — Вещь — I5
Прямое — Кривое — II611
Пустое — Полное — IIa12
Равенство — Неравенство — II654
Развлечение — Скука — II644
Разлад — Согласие — IIв2

Разлука — Встреча — II621
Размеренность — Спешка — IIa15
Разобщенность — Единство — IIв2
Разогретое — Остывшее — IIa33
Разрешение — Запрет — IIв17
Разрушение — Созидание — II621
Разъединение (разделение) — Соединение — II621
Раненые — Невредимые — II67
Рано — Поздно — IIa36
Растение — Плод — III2
Растения — Люди — II615
Расход — Доход — II629
Расцветающий — Увядаяющий — IIa7
Реакция — Акция — III1
Ребенок (дитя) — Взрослый — IIa7
Редкое — Повседневное — II65
Редкое — Частое — IIa24
Результат — Труд — III10
Результат — Цель — III11
Родина — Чужбина — IV6
Родители — Дети — III2
Родные — Неродные — II63
Рождение — Смерть — I3
Рост — Ум — IV4
Сам — Другие — II68
Самец — Самка — II613
Самостоятельно — Несамостоятельно — II68
Сверху — Снизу — IV11
Светлое — Темное — IIa11
Свобода — Угнетение — II643
Свое место — Чужое место — IV6
Свое — Чужое — II62
Сделанное — Несделанное — II637
Семя — Растение — III2
Середина — Край — I10
Серьезный — Шутливый — II646
Сжатое — Пространное (о речи) — IIa2
Сзади — Вперед — IV21
Сила — Глупость — IV3
Сила — Желание — IV25
Сила — Право — IV2
Сила — Справедливость — IV2

- Сила — Ум — IV3**
Сильное — Слабое — IIa4
 Сказанное — Несказанное — IIb1
 Скромность — Гордость — IIb53
 Скромный — Нескромный — IIb33
 Скрываемое — Нескрываемое — IIb17
 Скука — Развлечение — IIb44
 Скупой — Щедрый — IIa18
 Слабость — Ум — IV3
 Слабое — Сильное — IIa4
 Слава — Бесславиe — IIb22
 Сладкое — Горькое — IIa10
 Следствие — Причина — III7
 Следы (оставленные вещью) — Вещь (сама) — III18
 Слепой — Зрячий — IIb13
 Слово (название вещи) — Вещь (сама) — IIb9
Слово — Дело (действие) — IIb10
Слово — Молчание — IIb1
 Слово — Мысль (понятие) — IIb9
 Сложное — Простое — IIa37
 Случайное — Закономерное — IIb3
 Слушать — Говорить — IV10
 Слышать — Видеть — IV9
Слышать — Не слышать — IIb14
 Смерть — Жизнь — IIb12
 Смерть — Рождение — I3
Смирение — Гордость — IIb53
 Смирный — Строптивый — IIb49
 Снаружи — Внутри — IV23
 Снаружи — Изнутри — IV10
 Снизу — Сверху — IV11
 Событие — Предвестник (события) — I5
 Совершенное — Несовершенное — IIb37
 Совместно — Поодиночке — IIb2
 Современный — Старинный — IIa6
 Согласие — Разлад — IIb2
Содержание — Форма — II
 Содержательный — Бессодержательный — IIa12
 Соединение — Разъединение (разделение) — IIb21
Созидание — Разрушение — IIb21
 Собща — Врозь — IIb2
 Соплеменники — Иноплеменники — IIb3
 Сопутствующее — Основное — III4
 Соседи (чужие) — Братья (сестры) — IIb3
 Соседство — Вещь — III8
 Спелое — Неспелое — IIa19
 Спешка — Размеренность — IIa15
Спокойствие — Гнев — IIb40
 Справедливость — Несправедливость — IIb11
 Справедливость — Сила — IV2
 Спрашивающий — Неспрашивающий — IIb1
Сразу — Постепенно — IIb20
 Среда — Индивид — III8
 Средство — Цель — III12
 Ссора — Примирение — IIb26
 Старик — Юноша — IIa7
Старое — Молодое — IIa7
 Старое — Новое — IIa6
 Старуха — Девушка — IIa7
 Старшие — Младшие — IIa7
 Сторонники — Противники — IIb14
 Строптивный — Покладистый — IIb49
 Субъективное — Объективное — III21
 Судьба (вещи) — Вещь — III17
 Судьба (вещи) — Усердие (вещи) — IV8
 Суть (внутреннее содержание) — Облечение (одежда, упаковка) — II
Сухой — Мокрый — IIa32
Существующее — Используемое — IV13
 Сущность — Видимость — II
 Счастливчик — Неудачник — IIa10
 Счастье — Несчастье (горе) — IIa10
 Сырое — Вареное — IIb23
 Сырой — Сухой — IIa32
 Сырье (материал) — Продукция (готовая) — III15
Сытый — Голодный — IIa14
 Тайное — Явное — IIb17
 Твердое — Мягкое — IIa5

- Темное — Светлое — IIa11
 Терпеливый — Нетерпеливый — IIb7
Терпение — Нетерпение — IIb7
 Теряемое — Желаемое — III11
 Терять — Находить — IIb19
 Тесно — Просторно — IV20
Тихий — Шумный — IIa30
 Толкование (вещи) — Вещь (сама) — III22
 Толстое — Тонкое — IIa5
 Торопливый — Медлительный — IIa15
 Тот свет — Этот свет — IIb12
Травоядный — Хищный — IIb56
 Тратить — Запасать (сберечь) — IIb32
Труд — Безделье — IIb5
 Труд — Вознаграждение — III10
 Труд — Еда — III10
 Трудное — Легкое — IIa25
 Трудолюбивый — Ленивый — IIb5
 Трудолюбие — Пассивность — IV8
Труд — Отдых — III23
Труд — Результат — III10
 Трудящийся — Бездельник — IIb5
 Трудящийся — Вознаграждение — III10
 Трусость — Храбрость — IIb25
Туда — Обратно — III13
 Тупой — Острый — IIa31
Тяжелое — Легкое — IIa25
Убегать — Догонять — IIb55
 Убыток — Прибыль — IIb29
Уважение — Презрение — IIb48
 Увядающий — Расцветающий — IIa7
 Угнетение — Свобода — IIb43
 Удаление — Приближение — III13
 Удовлетворенный — Неудовлетворенный — IIa14
 Узкий — Широкий — IIa34
Ум — Рост (величина) — IV4
Ум — Возраст — IV5
 Ум — Глупость — IIa9
Умение — Дело — IV16
Умение — Неумение — IIb6
 Умение — Учение — IV15
 Умерший (погибший) — Здравствующий — IIb12
 Умный — Безумный — IIa9
Умный — Глупый — IIa9
 Ум — Сила — IV3
Уничтожающее — Уничтожаемое — III6
 Упрямый — Покладистый — IIb49
 Уроливый — Красивый — IIa20
 У себя (дома) — В гостях — IV6
Усердие — Судьба — IV 8
 Условие — Вещь — III16
Утверждение — Отрицание — IIb51
 Утраченное — Приобретенное — IIb19
 Утро — Вечер — I3
 Уход — Возвращение — III13
Учение — Умение — IV15
 Ученый — Нсуч — IIb4
 Уши — Глаза — IV9
 Форма — Содержание — II
 Фундамент — Крыша — I6
 Хвастливый — Скромный — IIb33
Хватать — Отпускать — IIb39
 Хвост — Голова — I7
Хитрец — Простак — IIb30
 Хищники — Жертвы — III6
 Хищный — Травоядный — IIb56
Хозяин — Гость — III27
 Хозяин — Хозяйство — III26
 Холодный — Горячий — IIa33
Хорошее — Плохое — IIa10
Храбрый — Трус — IIb25
 Худшее — Лучшее — IIa10
Целое — Часть — I2
Цельность — Двойственность — IIb3
Цель — Результат — III11
Цель — Средство — III12
 Ценное — Неценное — IIa17
 Центр — Окраина — II0
 Части тела — Голова — III5
Частое — Редкое — IIa24
 Часть — Целое — I2
Человек — Дело (его) — IV14
 Человеческое — Нечеловеческое — IIb15
 Черное — Белое — IIa11
 Честный — Нечестный — IIb11

Честь — Бесчестье — П622

Чистое — Грязное — Па10

Чужбина — Родина — IV6

Чужие — Родные — П63

Чужое место — Свое место — IV6

Чужое — Свое — П62

Чуткий — Глухой — Пв14

Широкий — Узкий — Па34

Шум — Тишина — Па30

Шутливый — Серьезный — П646

Щедрый — Скупой — Па18

Элемент — Целое — I2

Этот свет — Тот свет — П612

Юноша — Старик — Па7

Явление — Сущность — П

Явное — Тайное — П617

Ясный — Неясный — П617

Примечание. Приведенные в списке паремиологические пары даны, как правило, в двух вариантах — прямом и обратном: Большое — Малое и Малое — Большое и т. п. Поначалу мы дали так все пары списка. Но при этом некоторые варианты оказались в непосредственной близости друг к другу или же на незначительном расстоянии друг от друга. Так, например, случилось со многими парами типа Окружающее — Окружаемое и Окружаемое — Окружающее, а также Всерьез — В шутку и В шутку — Всерьез. Само собой разумеется, что мы оставили в списке лишь по одной из каждой двух таких пар. Следует, однако, иметь в виду, что при переводе списка на другой язык подобные пары могут «разойтись» на большие расстояния, зато другие могут сильно сблизиться. Поэтому при использовании данного указателя на любом другом языке следует внести в него соответствующие поправки, включить недостающие «обратные» пары и исключить ненужные.

**ПРИМЕЧАНИЯ ИЗ СБОРНИКА
«ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ НАРОДОВ ВОСТОКА.
СИСТЕМАТИЗИРОВАННОЕ СОБРАНИЕ
ИЗРЕЧЕНИЙ ДВУХСОТ НАРОДОВ» ***

**Примечания к первой части книги
(о формообразующих группах **)**

Некоторые изречения, относящиеся к формообразующей подгруппе 1К (Правильность — Неправильность), довольно похожи на изречения других формообразующих групп. Прежде всего, отметим сходство пословиц из 1К с пословицами из двух следующих групп этого же логико-семиотического типа — 2) — 2-й (Неизменность — Изменчивость) и 3-й (Предельность — Беспредельность). Ср. пословицу ваджагга *Сколько ни старайся — вода вверх не потечет* (из 1К) с чеченской пословицей *Хоть в Мекку повези, острота чеснока не пройдет* (из 2К) и с самоанской *Тропинка в кустарнике не зарастает* (из 3К). Но, несмотря на большое сходство (все они говорят о наличии у названной вещи какого-либо свойства), их не так уж трудно различить. Дело в том, что они описывают разные свойства вещей. В первой на примере воды утверждается правильность (т. е. закономерность) мира вещей и невозможность ее нарушить, во второй на примере чеснока показывается неизменность тех или иных качеств вещей, и в третьей на примере тропинки отмечается беспредельность существования вещей во времени. Далее. У изречений из 1К есть «аналоги» и в других, структурно более далеких формообразующих группах, а именно: в 8Л (Неотделимость — Отделимость), в 10К (Порождение — Непорождение) и в 16Л (Природно-качественные Соответствия — Несоответствия вещи и ее действия). Вот характерные

* Из имеющихся в книге примечаний мы отобрали чуть более половины. Хотя эти примечания относятся к конкретному сборнику, они носят характер вполне самостоятельных заметок. Многие из них имеют большое теоретическое значение. Ценность других — в глубоком логико-семиотическом анализе конкретного паремнологического материала. Знакомство с ними, без сомнения, поможет составителям будущих сборников народных изречений преодолеть многие трудности, неизбежно возникающие при работе над классификацией пословиц, т. е. при решении вопроса об их принадлежности к тем или иным тематическим и формообразующим группам.

** Список формообразующих групп с соответствующими индексами см. на с. 121—128.

примеры: 1. Корейская пословица (из 1К) *Собака лает с рождения* во многом напоминает удмуртскую пословицу *Собака без лая жить не может* (из 8Л). 2. Та же корейская пословица явно похожа на киргизскую *Собака поступает по-собачьи* и сингальскую *Собака будет хватать за сандалии, даже став королем* (из 16Л). 3. Пословица народа крио *Утка никогда не кукарекает* (из 1К) несомненно схожа с изречением ваквели *Даже самый лучший горшок не дает масла* (из 10К). В самом деле, и корейская и удмуртская пословицы говорят о собаке и ее лае, и корейская и киргизская (а также сингальская) — о свойствах собаки действиях, и пословица крио и пословица ваквели говорят о том, чего не делают названные в них вещи. Однако между всеми сопоставленными изречениями есть принципиальные различия, и внимательное рассмотрение позволяет их обнаружить. В корейской пословице «про собаку» фактически устанавливается свойство данной вещи: «собака лает с рождения» означает, что «собаке свойственно лаять». В отличие от этого в удмуртской пословице подчеркивается отношение неотделимости между «собакой» и «лаем», которые в данном случае представляются как самостоятельно мыслимые объекты (т. е. две разные вещи). В свою очередь, в киргизском и сингальском изречениях отмечается природно-качественное соответствие между действующим субъектом (=собакой) и ее поступками (т. е. и здесь речь идет о двух разных вещах). Что касается последней пары примеров, или пословиц крио и ваквели, то и между ними обнаруживаются серьезные структурные различия. В пословице крио говорится об одном из свойств данной вещи (конкретно — о неспособности утки кукарекать), тогда как в пословице ваквели сообщается уже о двух вещах (о горшке и масле) и о неспособности первой из них породить вторую.

Изречения, относящиеся к подгруппе К формообразующей группы 5 (5К), т. е. говорящие о невозможности или возможности тех или иных вещей (действий) по своей логической и языковой форме, совпадают с некоторыми изречениями ряда других формообразующих групп или подгрупп. Ср., например, китайскую пословицу *Одной рукой в ладоши не хлопнешь* (из 5К) с удмуртской пословицей *Кошку на спину не бросишь* (из 1К), с корейской — *Выдранный волос обратно не вставишь* (из 6К), с шугнанской — *Мясо от ногтя не отделишь* (из 8Л) или с татарской — *Одной рукой двух арбузов не схватишь* (из 9К). Все они и впрямь очень похожи: во всех говорится о невозможности совершить какие-то действия. И вместе с тем все приведенные пословицы сильно отличаются от китайской (из 5К) и друг от друга. В самом деле, в шугнанской пословице, так же как и в татарской, речь идет о двух различных вещах (о мясе и ногте в одном случае и об арбузах и руке — в другом), тогда как в китайской — только об одной (руке). Что же касается удмуртской и корейской пословиц, в которых, как и в китайской, говорится лишь об одной вещи (недаром все эти изречения относятся к одному и тому же логико-семантическому типу I Ж), то они отличаются от китайской пословицы другими признаками. Первая, т. е. удмуртская, утверждает наличие у вещей подобающих им свойств (потому она и попадает в формообразующую группу Обычность — Необычность); вторая, т. е. корейская, говорит о необратимости тех

или иных действий (и потому попадает в группу Обратимость — Необратимость). Иными словами, в каждой из этих пословиц моделируется свой тип невозможных действий, отличный от того, который мы видим в китайской. Число примеров можно значительно увеличить. Однако это не изменит общей картины: изречения о невыполнимых действиях из разных формообразующих групп (кроме 5К) будут моделировать разные, но каждый раз совершенно определенные, соответствующие своей группе типы невозможности; и только изречения из 5К будут содержать модель невозможности, как таковой. Как правило, последнее достигается путем описания действий, физически невыполнимых, таких, как ношение воды решетом, разжигание огня в воде и т. п.

Пословицы о вещах, которых никогда не делают, относящиеся к подгруппе 5Л (Непрактикуемость — Практикуемость) по своей логической структуре очень похожи на некоторые изречения из 22-й, 26-й и некоторых других групп логико-семиотического типа II \mathfrak{F} . Ср., например, пословицы народа баньянг *Воду корзиной не черпают* или народа кикуйю *Разлитую воду никто не собирает* (из 5Л) с абазинской пословицей *После дождя бурку не надевают*, с русской *После драки кулаками не машут* (из 26М) или с китайской *Маленьким топором большой ветки не срубишь* (из 22Л). Несмотря на близкое сходство, между ними есть существенное различие: в первых двух (из 5Л) речь идет о таких вещах, которые не делают потому, что это невозможно или бессмысленно, а в трех следующих (из 26М и 22Л) — о таких, которые делать нецелесообразно или же плохо (неэффективно).

Формообразующая группа 7 (Своеобразие — Однообразие) несколько отличается от всех предыдущих групп этого подраздела (I \mathfrak{M}). В относящихся к ней изречениях в отличие от тех, что относятся к шести предыдущим, речь идет не просто об отдельных вещах (и их свойствах), но о сопоставлении этих вещей (и их свойств) с другими, как правило, подобными или сходными вещами. В этом смысле 7-я формообразующая группа является как бы переходной от типа I \mathfrak{N} к типу II \mathfrak{M} , в котором моделируются отношения между вещами и их свойствами, когда таких вещей две и больше. Наиболее логически сходными могут быть изречения данной группы и групп 20 и 21, в которых речь идет об одинаковости — неодинаковости отношения одних вещей к другим и об одинаковости — неодинаковости качеств одних вещей для других. Ср., например, индонезийскую пословицу *В темноте все кошки одного цвета* из 7К (трансформ Бб) и осетинский народный афоризм *Все люди под одним небом живут* (т. е. для всех людей небо одно или одинаково) из 21Л (трансформ Ао). Разумеется, между подобными изречениями есть и существенная разница (в первом говорится об «объективном» свойстве сопоставляемых вещей безотносительно к воспринимающему субъекту, а во втором — о свойстве или качестве одних вещей для других, в данном случае — для людей). Однако внешнее логическое сходство несомненно.

Некоторые изречения типа «Где одна вещь, там и другая» (например, *Где коровы, там и телята*), относящиеся к трансформу Аа подгруппы 9К (Сов-

местимость — Несовместимость вещей в пространстве и времени), по своему внешнему виду совпадают с изречениями соответствующего трансформации предыдущей подгруппы 8Л. Да это и неудивительно, ведь обе они относятся к одному и тому же логико-семиотическому типу 1Ж. Однако по более тонкой смысловой организации они достаточно резко отличаются друг от друга. В первом случае (8Л) речь идет об отделимости или неотделимости вещей, а во втором (9К) — об их совместимости или несовместимости. Эта разница хорошо видна в реальном контексте. Особенно легко увидеть ее, используя трансформацию, в частности противоположные смысловые формы Ба. Применительно к нашему примеру они будут выглядеть так:

В случае 8Л:

Аа. «Где коровы, там и телята» (т. е. телята могут быть только с коровами);

Ба. «Коровы есть, а телят нет» (т. е. коровы могут быть и без телят);

В случае 9К:

Аа. «Где коровы, там и телята» (т. е. коровы и телята могут быть вместе);

Ба. «Где коровы, там не бывает телят» (т. е. коровы и телята не могут быть вместе).

Многие изречения, относящиеся к формообразующей подгруппе 10К (Собственно Порождение — Непорождение), очень похожи на изречения из подгруппы 16К (Природно-качественные Соответствия — Несоответствия вещей). Ср. пословицу панджаби *Гора родила мышь* или зулусскую пословицу *Дрова рождают золу*, с одной стороны, с грузинской пословицей *От крапивы крапива же и растет* или индонезийской *От лошади осел не рождается* — с другой. И в первой, и во второй паре изречений вроде бы говорится о вещах, которые порождают (или не порождают) одна другую. Между тем две первые пословицы (панджаби и зулу) относятся к 10К, а две последние (грузинская и индонезийская) — к 16К. Существенное отличие между этими парами заключается в том, что в первой отношении порождения вещей служит ремой данного сообщения (о таких-то вещах, например о Большой и Малой, говорится, что одна из них породила другую), а во второй паре — его темой (о вещах, находящихся или не находящихся в отношении порождения, т. е. родства, сообщается то-то и то-то, например что они идентичны).

Изречения, относящиеся к формообразующей группе 11 (Превращение — Непревращение), во многом схожи с изречениями из ряда Б группы 2 (Неизменность — Изменчивость), что, впрочем, вполне естественно, так как «превращение» есть один из видов «изменчивости». Однако между изречениями формообразующих групп 2 и 11 есть принципиальная разница, позволяющая легко отличать их друг от друга. В группе 2 (ряд Б) речь идет об изменчивости (в том числе, конечно, и о способности к превращению) какой-либо одной вещи, тогда как в 11-й группе непременно говорится о двух вещах (точнее, о превращении одной из них в другую). Недаром группа 2 относится к подразделу 1Ж, моделирующему отношения между вещью и ее

свойством, а 11-я к подразделу I \mathfrak{F} , моделирующему отношения между двумя вещами.

Формообразующая группа 14 (Незаменяемость — Заменяемость), хотя и отнесена нами к логико-семиотическому типу I \mathfrak{F} , не полностью укладывается в его параметры. В отличие от шести предыдущих групп этого же раздела в 14-й группе моделируются несколько более сложные отношения объектов. Правда, и здесь они сводятся к простой зависимости вида $V_1 \rightarrow V_2$ (первая вещь имплицитно подразумевает вторую вещь). Однако в данной группе речь идет о вещах, заведомо различающихся своими качествами. А это значит, что здесь имеется дополнительное предварительное условие, которое символически можно изобразить так $(V_1 \in K_1 \wedge V_2 \in K_2)$, притом, что $(K_1 > K_2)$, т. е. первая вещь относится ко множеству вещей, отличающихся одним качеством, а вторая — ко множеству вещей, отличающихся другим качеством; при этом первое качество превосходит второе. Таким образом, 14-я формообразующая группа как бы является промежуточной между типами I \mathfrak{F} и II \mathfrak{F} .

Исключительная бедность логического ряда А подгруппы 15М, в котором представлены изречения, моделирующие ситуации соответствия вещей или их действий по силе (или степени), объясняется тем, что большинство изречений такого рода практически совпадает с изречениями о качественном соответствии вещей (ряд А подгруппы К этой же, 15-й формообразующей группы) или о соответствии действий по качеству или характеру (ряд А подгруппы Л этой же формообразующей группы).

Изречение *Яблок бывает не больше, чем стебельков*, относящееся к трансформе A_0^1 подгруппы 17К (Собственно количественное Соответствие — Несоответствие), — хороший пример логической полисемии — явления, довольно часто наблюдаемого в паремииологии. Суть этого явления заключается в том, что одна и та же логическая форма служит для выражения более чем одного значения (в данном случае — двух разных видов отношений). В самом деле, отрицательную конструкцию типа «Одних вещей не больше, чем других» в зависимости от контекста можно осмыслить по-разному: и как количественное соответствие вещей, т. е. как форму KA_0 из группы 17, и как отсутствие количественного превосходства, т. е. как одну из форм $KOAg$ из группы 23. Такое же совмещение смыслов в одной форме можно наблюдать и в подгруппах Л и М 17-й и 23-й формообразующих групп.

Некоторые изречения, относящиеся к ряду Б формообразующей группы 17, т. е. тексты, моделирующие количественное несоответствие вещей, иногда можно трактовать как тексты, моделирующие количественное превосходство одних вещей над другими. Да это и понятно, ведь и тот и другой типы отношений имеют в своей основе количественное неравенство (см. описание

ряда Б в формообразующей группе 17 и описание рядов А и Б в формообразующей группе 23). Конечно, в подавляющем большинстве случаев изречения 17-й группы легко отличимы от изречений 23-й группы, так как в первых только констатируется факт несоответствия, а во вторых к тому же дается и его оценка (ср., например, изречение минангкабау *По расчету выходило одно, а на деле вышло другое* из 17КБо с кумыкским афоризмом *Украший раз согрешил, давший украсть — тысячу раз* из 23КАв). Однако в некоторых случаях решающее слово в разграничении типов остается за контекстом, в котором изречение употребляется.

Как можно было заметить во всех предыдущих формообразующих группах, изменение логических форм внутри групп подчинено определенным правилам и каждая следующая форма возникает путем того или иного преобразования предшествующих. Так, форма Ав является комбинацией форм Аа и Аб, а форма Аа¹ представляет собой «перевернутую» форму Аа (т. е. форму Аа с обратным порядком следования тематических элементов) и т. д. При этом все возникающие логические формы значительно (и вполне определенным образом) отличаются друг от друга. Однако в 18-й (Обстоятельственные Соответствия — Несоответствия) и следующей за ней 19-й (Актаптные Соответствия — Несоответствия) формообразующих группах нами обнаружено исключение: одна из возможных форм КБб по своей логической структуре в основном совпадает с одной из возможных форм КБа¹. Мы имеем в виду вторую основную форму названных логических трансформов, а именно «Если негативная вещь (т. е. вещь, представляющая второй член тематической пары) происходит в одном месте, то соответствующая ей позитивная вещь — в другом». По такой схеме построено, например, самоанское изречение, относящееся к пересечению тематических пар Пб11*, Пб17 и П122 (т. е. Прямое — Кривое, Явное — Тайное и Вещь — Толкование), *Ошибка была совершена в кустарнике, но теперь о ней говорят на большой дороге*. Данное изречение с одинаковым правом можно отнести и к трансформу КБб, и к трансформу КБа¹. То же самое (но с поправкой на ту или иную подгруппу) можно сказать о трансформах ЛБб и ЛБа¹, МБб и МБа¹ той же, 18-й формообразующей группы и о всех соответствующих трансформах 19-й формообразующей группы. Конечно, на самом деле между всеми формами КБб и КБа¹ (как и других, указанных здесь трансформов) различия имеются. Они, в частности, относятся к характеру первого и второго места, о которых говорилось в формуле (ведь и эти места связаны с позитивным или негативным членом тематической пары). Однако введение в формулу дополнительных критериев значительно осложнило бы схему и сделало пользование ею практически невозможным. Поэтому мы и оставили ее в приведенном выше виде.

Многие изречения, относящиеся к подгруппе 18К (Соответствие — Несоответствие места [действия]), внешне могут совпадать с изречениями подгрупп

* Расшифровку индексов тематических пар см. на с. 109—118.

8Л и 9К из раздела IЖ. В самом деле, между пословицами *Где (живут) коровы, там (живут) и телята* и *Где (есть) коровы, там (есть) и телята* разница совсем незначительна, особенно если учесть, что в живой речи они могут употребляться с эллипсисом глаголов. Между тем по своему смыслу — и соответственно по своей смысловой структуре — они значительно отличаются друг от друга. В первом случае («Где живут коровы...») важно соответствие или несоответствие места пребывания коров и телят, а во втором («Где есть коровы ...») — важно наличие или отсутствие коров и телят. В случае внешней омонимии первого и второго изречений вопрос об их смысле (и соответственно об их месте в классификации по смыслу) решает контекст, из которого видно, что важно для данной пословицы. Для определения конкретного смысла изречения в данном контексте очень удобно использовать противоположные трансформы (т. е. формы Ба). Дело в том, что эти трансформы резко отличаются друг от друга. Так, форма Ба для пословицы «Где (живут) коровы, там (живут) и телята» из 18К будет иметь примерно такой вид: «Коровы (живут) в одном месте, а телята — в другом», тогда как для сходной с ней пословицы из 8Л эта же форма Ба будет выглядеть совсем по-другому, а именно «Коровы есть, а телят нет».

На изречениях, относящихся к формообразующей группе 19 (Актаитное Соответствие — Несоответствие), пожалуй, больше, чем на каких-либо других, видна роль так называемого актуального членения. Возьмем для примера пословицу изема *Плоды, которые ты вырастил, ты и съешь* из предметной группы П627 (Производство — Потребление). Тут есть два взаимосвязанных действия — Производство и Потребление (которые практически проявляются в выращивании плодов и их поедании) — и субъект, производящий оба эти действия (выраженный местоимением 2-го лица). Если упор (логическое ударение) сделать на местоимении, то у пословицы будет один смысл: «Тот, кто вырастил плоды, тот (т. е. именно их производитель) и съест их». Противоположное изречение (Ба) должно быть примерно таким: «Один (человек) вырастил плоды, а другой их съел». Если же сделать логическое ударение на глаголы, т. е. подчеркнуть смысловую связь самих действий, то изречение приобретет другой смысл: «Ты вырастил плоды, ты и съешь их». Противоположное изречение будет выглядеть примерно так: «Ты вырастил плоды, но не ешь их». (В случае, когда подчеркивается бытийная зависимость самих указанных действий, изречение будет относиться к формообразующей группе 8 [пг. К].) Для изречений, помещенных в группу 19, подразумевается, что основной логический акцент падает на субъекты или объекты упомянутых там действий. С последним обстоятельством (местом логического акцента в группе 19) связано то, что среди изречений, относящихся к группе 19 (пг. М), не уместна ливанская (она же удмуртская) пословица из тем. гр. IV10 *Кто не ел чеснок (вар.: лук), от того не воняет*, тогда как близкие к ней формы «Кто ел, от того воняет» входят именно туда (если логическое ударение падает на местоимение): «Если кто-то ел чеснок, то именно от него воняет» (Ааа), «Если кто-то ел чеснок, то от другого не воняет» (Ааβ), «Если кто-то ел чеснок, то воняет именно от него, а не от

другого» (Aaγ). Что же касается формы, выраженной в ливанской пословице, то она относится к 8К. Там важна бытийная зависимость: «Если ел, то воняет, а если не ел, то не воняет». Эту форму можно употреблять вообще без местоимения, ибо в ней важно не соответствие или несоответствие субъектов, а только взаимозависимость действий.

Примерно то же можно сказать о сходстве и различии изречений, относящихся к группам 15 (пг. Л) и 19 (пг. М). В 15Л подчеркивается соответствие или несоответствие действий двух связанных между собой вещей, а в 19М — субъектно-объектное соответствие двух связанных (или сходных) действий. В случаях, когда эти действия сходны, изречения из этих двух разных формообразующих групп и подгрупп весьма похожи друг на друга. Ср. изречение народа ила *Если ты окажешь мне хорошую услугу, то и я окажу тебе хорошую услугу, а если ты окажешь мне плохую услугу, то и я окажу тебе плохую услугу* (15Л Ав) и изречение суахили *Люблю того, кто любит меня, отвергаю того, кто отвергает меня* (19М Ав). Основная структурная разница между ними та, что в первом (из 15Л) в реме действия, а во втором (из 19М) — субъекты и объекты.

Некоторые изречения, относящиеся к трансформам Аб, Бб и Вб подгруппы 24К (Наличие или Отсутствие), имеют известное логическое сходство с изречениями тех же трансформов Аб, Бб и Вб подгруппы К формообразующей группы 8 (Бытийная Зависимость — Независимость). Ср., например, пословицу сомали *Одежда, которой у тебя нет, тебя не греет* (24К Аб) с дигорской пословицей *Если нет покойника, могилу не роют* (8К Аб). И в том, и в другом случае вроде бы говорится о том, что если нет одной вещи, то нет и другой. Однако это не совсем так. Второе изречение (относящееся к 8К) действительно имеет такой логический смысл: $\bar{\exists} X \rightarrow \bar{\exists} Y$ (если нет покойника, то нет и могилы); в первом же (относящемся к 24К) утверждается, что $\bar{\exists} X \rightarrow \overline{\text{хорошо}}$ (т. е. отсутствие первой вещи оказывается не хорошим делом). В группе 8 речь идет лишь о бытийной зависимости или независимости двух вещей, а в 24-й дается качественная оценка наличия или отсутствия каких-либо вещей (или же говорится о превосходстве наличия над отсутствием, и наоборот).

Изречения ряда А подгруппы 24Л (Кое-что или Ничего?) похожи на некоторые изречения ряда Б из подгруппы К формообразующей группы 14 (Незаменяемость — Заменяемость). В самом деле, тагальская пословица *И бульон хорош, когда мяса нет* (24Л Аа) имеет значительное внешнее и логическое сходство с сирийской пословицей *Когда нет коней, запрягают собак* (14К Ба). Но если в 14-й группе суть изречения сводится к тому, что одна вещь так или иначе заменяет другую, то в 24-й говорится совершенно иное, а именно что при отсутствии одной вещи другая хороша или плоха, т. е. дело сводится к качественной оценке такой замены.

В отличие от пяти предыдущих групп подраздела II \mathfrak{B} формообразующая группа 27 (Преодоление — Непреодоление) охватывает пословицы, моделирующие отношения не двух, а трех вещей. И этим объясняются многие ее особенности, в том числе сложность логической структуры и сходство с формообразующей группой 28. Кроме того, изречения 27-й группы, в частности формы Аа, Аб, Ба и Бб, внешне очень напоминают соответствующие изречения подраздела I \mathfrak{B} . Ср., например, малагасийскую пословицу *Если не смог перешагнуть порог, через стену не перелезешь* (тр. Аб, гр. 27, пг. К) и пословицу дуала *Если не будет головы, не будет и свидений* (тр. Аб, гр. 8, пг. К). Сходство 27-й группы с группами подраздела I \mathfrak{B} дополняется также тем, что в ней есть формы, подобные обратным формам групп I \mathfrak{B} . Так, наряду с изречениями типа «Некто преодолевает малую трудность, но не может преодолеть большую» (тр. Ав, гр. 27, пг. К) есть изречения типа «Некто не может преодолеть большую трудность, но преодолевает малую». Тем не менее изречения, относящиеся к 27-й группе, без особого труда можно отличить от изречений 8—13-й групп. Главное их различие состоит в том, что первые обладают обязательной качественной характеристикой (порог и стена имеют разную высоту), тогда как для вторых существен только факт наличия или отсутствия сопоставляемых объектов. Что же касается формы, напоминающей обратную к Ав, то ее можно истолковать как видоизмененную форму Аг — «Преодолеть большую трудность труднее, чем преодолеть меньшую». При наличии третьей вещи — субъекта действия — она, естественно, приобретает вид: «N не может преодолеть большую трудность, но преодолевает меньшую».

Изречения типа дигорской пословицы *Через плетень перелезают там, где он ниже* или афганской *Вода размывает канал в слабом месте*, относящиеся к трансформе Аг формообразующей подгруппы 27К (Преодоление — Непреодоление (кем-либо) более или менее трудного), очень похожи (и по внешнему виду, а часто — и по употреблению) на изречения типа *Где тонко, там и рвется* (ср. широко распространенные пословицы *Нитка рвется в тонком месте, Лед ломается там, где тонок*, и т. п.), относящиеся к 22ЛАб (т. е. «Тонкое, слабое, гнилое — малоэффективно»). Однако между этими двумя типами изречений есть серьезное различие: в первом случае («про плетень» или «про канал») имеется действующий субъект (перелезающие люди или размывающая вода) и речь идет о том, какое место для разрушения (преодоления) он выбирает. Во втором же случае («про нитку» или «про лед») речь идет о свойстве самого разрушаемого (преодолеваемого) объекта — о наличии у него слабого места, которое не может противостоять разрушению. То обстоятельство, что в живой речи (и, следовательно, в сознании носителей паремий) они могут ощущаться как сходные, видимо, объясняется тем, что у этих типов пословиц есть одинаковые логические компоненты: а) указание на наличие ряда (не менее двух) мест, различающихся крепостью, сопротивляемостью к разрушению, и б) выделение слабейшего из них.

Примечания ко второй части книги (о предметных тематических группах *)

Помимо текстов, содержащихся в группе II, изречения о Содержании и Форме вещей (точнее, об отношении Содержания и/или Формы вещей к иным тематическим элементам) можно найти в некоторых других предметно-тематических группах. В частности, пословицы типа арабской *Вол познается в ярме*, трактующие об отношении сущности вещи к ее делам (действиям), собраны в группе Действующий — Действия (III24), а изречения на близкую тему (т. е. содержащие пересечения с парами II и III24) типа японского народного афоризма *Лошадь узнают в езде, человека — в общении* представлены в группе Люди — Не люди (II615).

Кроме основных текстов, представленных в той или иной предметной (тематической) группе, близкие к ним пословицы встречаются в ряде других тематических групп. Так было с изречениями о Содержании и/или Форме вещей, так же обстоит дело и с изречениями из всех других предметно-тематических групп, в том числе и из гр. I2. Пословицы, касающиеся Целого и/или Части, можно встретить, в частности, в гр. IIa16 (Много — Мало), III4 (Основное — Сопутствующее) и III5 (Возглавляющее — Возглавляемое). Таковы, например, пословицы типа индийской *Из одного цветка не сделаешь гирлянды* (из IIa16), тюркской — *Нож свою рукоятку не режет* (из III4) или коми — *Если голова не работает, ногам тяжело* (из III5). Во всех этих и подобных им изречениях в той или иной мере действительно говорится о Целом и/или Части. Однако основной смысл приведенных пословиц базируется не на отношениях между членами этой пары. Так, в пословице хинди утверждается, что из одной какой-либо вещи нельзя создать чего-либо более сложного, в чем данная вещь будет лишь частью (для этого нужно много таких вещей); в тюркской пословице говорится прежде всего о том, что одна (даже основная) часть какой-либо вещи не наносит вреда другой части той же вещи; а в пословице коми моделируется картина зависимости ведомой части вещи от ведущей. Иными словами, во всех этих изречениях речь идет не об отношении Целого и Части между собой, а о совершенно других вещах. Целое же и/или Часть выступают в них как дополнительные тематические элементы.

Как и в группе I3 (Начало — Конец), изречения о Начале или Конце вещей, в частности о рождении и о смерти, имеются также в гр. I4 (Начало — Продолжение) и II612 (Жизнь — Смерть). Ср., например, афоризм га *Не так трудно явиться на свет, как трудно жить в нем* (из I4) или кумыкский афоризм *На все живое есть смерть* (из II612). Однако в отличие от изречений из группы Начало — Конец, где рождение противопоставлено смерти (как начало жизни ее концу), в гр. I4 рождение противопоставлено жизни, а в гр.

* Перечень инвариантных тематических пар с их индексами и указанием наиболее важных тем, относящихся к соответствующим тематическим группам, см. на с. 109—118.

Пб12 смерти противопоставлена жизнь. Подобный же характер носят сходство и различия изречений из гр. 13 с изречениями из других предметно-тематических групп.

Инвариантная тематическая пара, лежащая в основе изречений гр. 15 (Вещь — Признак вещи), носит более абстрактный характер, чем многие другие тематические пары. Практически пословицы этой группы построены на материале самых различных предметных пар, но всегда таким образом, что один из членов пары выступает в качестве признака или предвестника другого члена (ср., например, индонезийскую пословицу *Жабры есть — значит, рыба* или турецкую *По запаху видно, если кто ел чеснок*, в которых использованы предметные пары Целое — Часть и Основное — Сопутствующее). Именно поэтому изречения гр. 15 так похожи на изречения ряда других тематических групп.

Помимо изречений, собранных в тематической группе Пa1 (Большое — Малое), ряд пословиц и поговорок о Больших и Малых вещах имеется в группе Качество — Количество из IV раздела. В группе Качество — Количество представлены изречения, в которых пересекаются тематические пары Хорошее — Плохое с различными «количественными» парами, в том числе и с парой Большое — Малое. В группе Качество — Количество есть изречения, близкие к изречениям из группы Большое — Малое. Так, например, весьма подходят друг на друга пословицы из пг. 22 гр. Пa1 (Большое — Малое) и пг. 15/17 гр. IV1 (Качество — Количество), в частности трансформы рядов КА и КБ. В самом деле, в пословицах из пг. 22 (из Пa1) утверждается, что «Если вещи большие, то это хорошо (или плохо)»; а в пословицах из пг. 15/17 (из IV1) говорится, что «Если вещи большие, то они хорошие (или плохие)».

Есть и другие случаи сходства. И тем не менее в главном группы Большое — Малое и Качество — Количество (даже тогда, когда в последней речь идет о Больших или Малых вещах) достаточно резко отличаются друг от друга: в изречениях из группы Пa1 моделируются отношения между Большими и Малыми вещами, а в изречениях из группы IV1 — отношения между Хорошими и/или Плохими вещами и их Величиной.

Примерно то же самое следует сказать о сходстве и различии изречений из гр. Большое — Малое с изречениями из гр. Количество — Величина, также относящейся к IV разделу и представляющей пересечение тематических пар Пa1 и Пa16. Так как эти пересечения довольно часты, мы собрали их в самостоятельную группу (IV18). Именно к ней относятся многочисленные популярные пословицы типа международной *Из капель — море* или русской *С миру по нитке — голому рубашка*.

В 11-й формообразующей подгруппе предметной группы Большое — Малое можно найти тагальское изречение *Ушла цыпленком, а вернулась наседкой*, противоположное пословице *Ушла цыпленком и вернулась цыпленком*

(кстати сказать, тоже тагальской) из 2-й формообразующей подгруппы. Отнесение первого из названных изречений к 11-й формообразующей подгруппе объясняется тем, что в нем фигурируют две вещи — цыпленок и наседка, одна из которых превращается в другую, тогда как во втором речь идет только об одной вещи — о цыпленке. Эти два изречения (как, впрочем, и многие подобные им пары) хорошо иллюстрируют положение о возможности трансформации внутренней структуры изречений вплоть до изменения их основного смысла: 2-я формообразующая группа (и все соответствующие подгруппы в предметных группах) относится к логико-семиотическому типу I Ж, а 11-я — к логико-семиотическому типу I З.

Изречения о старых и молодых вещах (людях, животных или растениях), т. е. о живых существах, различающихся по возрасту (группа Старое — Молодое), имеются также в тематической группе Ум — Возраст (IV5). Кроме того, пословицы о старых вещах, противопоставленных вещам новым, есть также в группе Новое — Старое (IIa6). Однако там (в IIa6) говорится либо о неодушевленных предметах (например, «старая шуба»), либо о вещах, обладающих интересующими нас свойствами какое-то длительное время (например, «старый друг»).

Состав группы IIa10 (Хорошее — Плохое) нуждается в некоторых дополнительных пояснениях.

1. Мы отнесли к группе Хорошее — Плохое различные тематические пары, в том числе Добро — Зло, Радость — Горе, Сладкое — Горькое, Чистое — Грязное и др. Разумеется, некоторые из них (в частности, Сладкое — Горькое и Чистое — Грязное) вполне можно выделить в самостоятельные предметно-тематические группы, как это мы сделали с парой Светлое — Темное. Однако нам показалось целесообразным дать их в составе одной большой группы по следующим соображениям: во-первых, потому, что они достаточно близки друг к другу по смыслу, а во-вторых, потому, что их объединение дает большую экономию места за счет неповторения названий формообразующих подгрупп и индексов трансформов.

2. Большое число изречений о Хороших и Плохих вещах, а именно те, которые содержат пересечение пары Хорошее — Плохое с «количественными» парами Много — Мало, Большое — Малое, Длинное — Короткое и т. п., попали в группу Качество — Количество (IV1) из IV раздела основной части книги. Мы поместили указанные изречения в группу Качество — Количество потому, что в них моделируются отношения не между Хорошими и Плохими вещами, а между Хорошими и/или Плохими вещами, с одной стороны, и Большим или Малым количеством их или Большой или Малой их величиной — с другой. Безусловно, среди изречений гр. IV1 (Качество — Количество) есть такие, которые весьма похожи на изречения гр. IIa10 (Хорошее — Плохое), особенно в пг. 17, 22 и 23. Однако в главном — в определении объектов, между которыми устанавливаются и моделируются отношения, — они достаточно хорошо различаются.

3. Ряд изречений о Хороших и Плохих вещах, в частности о добрых и злых поступках, можно найти в группе Акция — Реакция из III раздела (III) основной части сборника. Они попали туда, а не в группу Хорошее — Плохое потому, что в них говорится не об отношении между Добром и Злом, а об отношении поступков (включая добрые и/или злые) и ответов на них. Тематическая пара Хорошее — Плохое в них, конечно, содержится, но не она является там ведущей.

4. Ряд изречений, созвучных изречениям из группы Хорошее — Плохое, можно встретить в группах Красивый — Уродливый, Любимый — Нелюбимый, Щедрый — Скупой, Храбрый — Трус и Победа — Поражение. Это объясняется тем, что первые члены названных выше пар (и групп) мы часто расцениваем как хорошие вещи, а вторые — как плохие. Однако подобное сходство не должно мешать нам видеть различия между одноименными членами. Пусть Красивый, Щедрый и Храбрый — хороши. Но это еще не означает, что хороший — это непременно Щедрый, или Красивый, или Храбрый.

Помимо приведенных в 10-й подгруппе пословиц о Порождении — Непорождении (и Начинании — Неначинании) Хорошим Плохого и Плохим Хорошего в пословичном фонде (и в нашей коллекции) есть немало изречений о Порождении — Непорождении Хорошим Хорошего и Плохим Плохого. Таковы, например, курдское — *Добро рождает добро*, армянское — *Горе рождает горе*, ассирийское — *Смех вызывает смех, а печаль порождает печаль* и др. Однако мы поместили все эти изречения в другую предметно-тематическую группу, а именно П64 (Подобное — Неподобное), так как они представляют собой пересечение Подобного — Неподобного с Хорошим — Плохим. В самом деле, ведь в них моделируются отношения подобных вещей (хороших к хорошим или плохих к плохим), а не отношение Хороших вещей к Плохим.

Относительная бедность ряда трансформов 17-й подгруппы гр. Хорошее — Плохое при наличии довольно большого числа изречений, моделирующих количественное соответствие или несоответствие между Хорошими и Плохими вещами, объясняется тем, что большинство пословиц подобного содержания (в частности, те, в которых дается прямое соответствие или несоответствие между качеством и количеством вещей) попали — по определению — в группу Качество — Количество.

Кстати сказать, сам факт, что изречения из данной подгруппы могли попасть в другую группу, представляет известный интерес. Как могло такое произойти? А дело в том, что пг. 17 из Пa10 действительно во многом близка пг. 15/17 из IV1. Ведь и там, и там речь идет о качестве и количестве, о соответствии и несоответствии. Разумеется, эти подгруппы принципиально различны: в 17-й (из Пa10) говорится о количественном соответствии или несоответствии Хороших и Плохих вещей, а в 15/17-й (из IV1) — о соответствии хорошего или плохого Качества тому или иному Количеству. Однако в ряде случаев, например в трансформе КБб группы Пa10 и трансформе КБв группы IV1, где полностью представлены обе пары и где устанавливается перекрест-

ная зависимость элементов, даже возникает (причем непременно) логическая омонимия: изречения, относящиеся к одной из групп, по своей логической форме совпадают с изречениями, относящимися к другой группе. В самом деле в пг. 17 (из Пa10) трансформ КБб будет иметь такую логическую форму: «Если хороших вещей (будет) мало, то плохих (будет) много»; а трансформ КБв в пг. 15/17 (из IV1) будет выглядеть так: «Если вещи хорошие, то их (будет) мало, а если вещи плохие, то их (будет) много». И той и другой формулировке вполне соответствует вьетнамская пословица *Меду мало, мух много* и многие подобные ей. Естественно, что такая пословица может употребляться (и практически употребляется) и в том, и в другом смысле. Решающее значение для различения этих смыслов имеет контекст. Взятую же без контекста подобную пословицу можно логически толковать двояко и, следовательно, относить к обоим названным группам. Мы в таких случаях отдавали предпочтение группе Хорошее — Плохое.

Древнеегипетское изречение о смерти плохого человека как благе для его дома (т. е. для его домашних) исключительно похоже на узбекскую и абазинскую пословицы *Смерть коня — пир для пса* (21КБб) и *Смерть буйвола — пир собакам* (21ЛБб). Однако сходство между древнеегипетским и двумя этими изречениями чисто внешнее. На самом деле в них речь идет о разных вещах и — что особенно важно — моделируются разные отношения между этими вещами. В древнеегипетском изречении фактически утверждается, что отсутствие плохого человека (берется крайняя форма отсутствия — смерть) представляет собой благо для других людей (вот почему это изречение и попало в 24-ю формообразующую подгруппу). В узбекской же и абазинской пословицах одна и та же вещь (смерть скотины) рассматривается с двух разных точек зрения — с точки зрения скотины и с точки зрения собак. При этом оказывается: то, что для одних — смерть, для других — пир. Интересно, что в двух последних изречениях нет и не может быть речи об отсутствии умерших (т. е. коня или буйвола), ведь именно их мясо едят собаки.

Помимо группы Пб2 ряд изречений о Своем и Чужом можно встретить в других предметных группах, в частности в группах Родные — Неродные (Пб3), Подобные — Неподобные (Пб4), Сам — Другие (Пб8), а также Свое место — Чужое место (IV6). Однако помещенные в названных группах пословицы при всем своем сходстве с собранными в гр. Пб2 значительно отличаются от них. Так, в гр. Пб3 представлены изречения о «своих» и «чужих» вещах не по признаку владения или производства одних другими, а исключительно по признаку родства, т. е. «по крови» или по принадлежности к одному и тому же семейству, роду и племени. В гр. Пб4 собраны пословицы о вещах, являющихся «своими» или «чужими» в том смысле, что они относятся к тому же или иному множеству подобных единиц, например к классу ковых или пеших, сытых или голодных (ср., например, известную очень многим народам пословицу *Конный пешему не товарищ* и т. п.). В гр. Пб8 представлены изречения о «своих» и «чужих» усилиях, т. е. фактически о самостоятельных

и несамостоятельных действиях, а не вещах, принадлежащих одним или другим лицам (ср., например, изречение кози *Кузнечик сам роет себе могилу*). И наконец, в гр. IV6 собраны изречения о «своих» и «чужих» местах. К группе Свое — Чужое они имеют отношение потому, что сама группа IV6 представляет собой пересечение инвариантных тематических пар II62 и III9, т. е. Свое — Чужое и Вещь — Место. Отсюда же проистекает и ее отличие от гр. II62.

Помимо предметно-тематической группы Слово — Молчание (IIв1) много изречений о Слове и о Молчании, а также о Болтунах и о Молчаливках содержится в других предметно-тематических группах, в частности в II610, II69, II611 и IIa10. В гр. II610 (Слово — Дело), как это видно из ее названия, сопоставляются слова и дела. Там, к примеру, есть много пословиц типа ливанской *Кудахтающая курица яиц не несет*. В гр. II69 (Материальное — Идеальное) слово сопоставляется с материальной вещью. В этой группе имеется много изречений типа малагасийского афоризма *Слово бьет дальше ружья* или осетинского *Словом «огонь» рот не обожжешь*. В гр. II611 (Прямое — Кривое) представлен ряд изречений о правдивых и лживых словах. К их числу относится, например, китайский (а также вьетнамский) афоризм *Правдивое слово как лекарство — часто горько, зато вылечивает*. И наконец, в гр. IIa10 (Хорошее — Плохое) есть немало изречений о хорошем и плохом Слове, например, таких, как кумыкское *Сладкое слово и змею из норы выманит* и чувашское *Холодное слово и летом замораживает*. Все эти и подобные им изречения не попали в группу Слово — Молчание, потому что основу их содержания составляет не эта паремиологическая пара. Так, изречениям о хорошем слове в IIa10 противостоят изречения не о хорошем молчании, а о плохом слове, т. е. ведущей оппозицией там оказывается Хорошее — Плохое, а не Слово — Молчание.

Изречения на темы, близкие к темам группы Труд — Безделье (IIв5), можно встретить также в предметно-тематических группах Труд — Результат (III10), Активный — Пассивный (II616), Заработанное — Даровое (II618) и Усердие — Судьба (IV8). Разумеется, изречения из всех этих групп сильно отличаются от пословиц, относящихся к группе Труд — Безделье. Так, в группах Труд — Результат и Усердие — Судьба первые члены пары (Труд и Усердие) совпадают с первыми членами настоящей группы, а вторые — не совпадают. В группе Активный — Пассивный оба элемента напоминают соответствующие элементы из группы Труд — Безделье, ибо тоже говорят о действии и бездействии, но в отличие от последних они не содержат никакого указания на полезную работу. И т. д. и т. п. Однако некоторые изречения из группы IIв5 имеют такую форму, которая делает их очень похожими на изречения другой группы, в частности III10. Мы имеем в виду трансформы 22ЛAa, 24KАa и 24KАб гр. IIв5 и трансформы 8KАa и 8KАб гр. III10. И это вполне понятно. Изречения гр. IIв5 и III10 различаются прежде всего тем, что в них Труд противопоставляется разным вещам. В первом случае — Безделью, а во втором — Результату. Но в трансформе 22ЛAa речь идет только о труде.

При этом оценивается его эффективность. А она, естественно, оценивается по его результату. Вот и получается, что форма 22ЛАа из Пв5 (где говорится об эффективности труда) совпадает с формой 8КАа (где говорится о бытийной зависимости труда и его результата). Примерно то же самое получается и с изречениями, относящимися к трансформам 24КАа и КАб гр. Труд — Безделье («Если есть Труд, то хорошо»; «Если нет Труда, то плохо»). Если «хорошо» и «плохо» проявляются в наличии или отсутствии результата, то указанные трансформы совпадают с формами 8КА гр. III0, тем более что Безделье — это практически отсутствие труда: «Если есть труд — есть (хороший) результат. Если нет труда — нет (хорошего) результата». Именно по этой причине ряд изречений, помещенных в соответствующие трансформы, помечен индексом пересечения с гр. III0. И по той же причине многие подобные изречения помещены в гр. Труд — Результат (с указанием пересечения с гр. Пв5).

Как можно видеть из материала сборника (мы имеем в виду прежде всего гр. Па1, Па10, Па16), и в особенности из содержания группы IV1, в пословичном фонде восточных народов имеется немало изречений, моделирующих различные отношения Качества и Количества вещей и представляющих разные виды пересечений «качественной» тематической пары Хорошее — Плохое с «количественными» парами Много — Мало, Большое — Малое, Долго — Недолго и т. п. (таковы, например, таджикская пословица *Пусть будет мало, но хорошо*, туркменская *Чем ложка плова, лучше обильная каша* и подобные им). В то же время выделенные нами тематические группы Хорошее — Плохое, Большое — Малое и Много — Мало не могут «приютить» всех этих изречений. И не только потому, что в последних часто представлены не определенные тематические пары, а лишь отдельные элементы из разных пар (как в приведенной выше таджикской пословице), но главным образом потому, что в них говорится не об отношении Хорошего и Плохого или Большого и Малого, а об отношении Хорошего (или Плохого) к Большому (или Малому) и т. д. К тому же все эти группы и без того достаточно велики, так что нет никакого смысла перегружать их текстами, не относящимися к ним в полной мере.

К сожалению, вопрос о видах пересечений тематических пар и связанный с ним вопрос о структуре групп IV типа, основанных на разного рода пересечениях, еще совсем не изучен. Неудивительно поэтому, что в строении группы IV1 (как, впрочем, и всех групп этого раздела) можно найти ряд недоделок и противоречий. Так, поначалу мы намеревались собрать в группе Качество — Количество все без исключения пословицы, основанные на пересечении пары Па10 с любыми количественными парами, в том числе и всеми временными. Но потом от этой затеи пришлось отказаться, и вот почему. Во многих изречениях с пересекающимися качественно-количественными элементами явно доминировали отношения между членами какой-либо одной пары — между Хорошим и Плохим или между Большим и Малым и т. д. — иными словами, эти изречения прямо укладывались в основные тематические группы. С другой стороны, в некоторых формообразующих подгруппах основных групп (напри-

мер, в 17, 22, 23-й) возникали случаи логической омонимии, которые категорически не укладывались в какое-либо одно место. В результате в группу Качество — Количество пришлось отобрать лишь часть пословиц, основанных на пересечениях качественно-количественных тематических пар. А раз уж так было решено, то мы посчитали целесообразным оставить в основных группах изречения, содержащие временные пары Быстро — Медленно, Часто — Редко и Рано — Поздно. Иначе количественные подгруппы некоторых групп (например, Па10) были бы совсем «обескровлены». Разумеется, все это не очень последовательно. Но более последовательного ответа на поставленный вопрос у нас пока нет. Тем не менее нам думается, что предлагаемая группа Качество — Количество, как и следующие за ней другие группы этого же раздела, достаточно убедительно свидетельствует о правомерности создания тематических групп, основанных на часто встречающихся пересечениях инвариантных тематических пар.

Подгруппа 15/17 из группы Качество — Количество имеет двойной номер потому, что объединяет свойства 15-й и 17-й формообразующих подгрупп: в ней даются качественно-количественные соответствия-несоответствия между членами тематической пары. Практически это означает, что в ней собраны изречения, показывающие, что такому-то качеству соответствует такое-то количество, и наоборот, такому-то количеству — такое-то качество. Уже из сказанного можно понять, что в этой подгруппе неизбежно возникает омонимия с формами КВ 23-й и 17-й подгрупп группы Хорошее — Плохое (где речь идет о количественной характеристике Хороших и/или Плохих вещей) и формами КА и КБ 17-й и 22-й подгрупп количественных групп (где речь идет о качественной характеристике Больших и/или Малых величин). Так оно и случается на самом деле, и в соответствующих примечаниях мы говорили об этом. Здесь отметим лишь, что при всем сходстве указанных форм между ними все же можно усмотреть известную смысловую разницу. Правда, она минимальна, а потому омонимичные изречения практически употребляются и в одном, и в другом смысле: как знаки количественного соответствия (несоответствия) Хороших и/или Плохих вещей и как знаки качественного соответствия (несоответствия) Больших и/или Малых количеств. Особенно часто указанная омонимия возникает в формах КАв и КБв, где обе пересекающиеся пары представлены полностью. Для достижения единообразия мы условились приводить соответствующие изречения не в группе Качество — Количество, а в основных (исходных) тематических группах. Следует, однако, иметь в виду, что с таким же успехом они могут быть помещены и в данной (IV1) группе. Но тогда, конечно, их смысл окажется несколько иным. Возьмем для примера туркменскую пословицу *Пользы по щиколотку, беды по колено*. Если ее поместить в группу Хорошее — Плохое (пг. 17 КБб), то она будет означать, что между хорошей вещью (пользой) и плохой (бедой) установлено определенное количественное несоответствие: если первой мало, то второй много. Если же эту пословицу поместить в группу Качество — Количество (пг. 15/17 КБб), то она будет моделировать несколько иное отношение вещей: хорошим вещам соответствует малое количество, а плохим — большое.

Можно заметить, что в 22-й подгруппе группы Качество — Количество встречаются изречения, которые могут оказаться вполне уместными также в группе Хорошее — Плохое или в одной из «количественных» групп. Таковы, в частности, изречения из трансформов ЛАг и ЛБг. Вот два типичных примера: азербайджанская пословица *Одна пчела лучше роя мух* и вьетнамская *Лучше много плохого, чем чуть-чуть хорошего*, в каждой из которых имеется пересечение пар IIa10 и IIa16. Логический смысл обеих пословиц двусложен. В первой он состоит из таких двух частей: а) пчела лучше мухи, т. е. Хорошее, Полезное лучше Плохого, Бесплезного (это высказано явно), и б) Качество важнее Количества (это видно из того, что одна хорошая вещь лучше большого числа плохих). Логический смысл второго изречения состоит из других двух компонентов: а) Много лучше, чем Мало (это связано прямо) и б) Количество важнее Качества (это видно из того, что даже плохое, если его много, лучше хорошего, если его мало). Таким образом, азербайджанское изречение может быть помещено в гр. Хорошее — Плохое (со смыслом «а» — Хорошее лучше Плохого — 22ЛАг) или в гр. Качество — Количество (со смыслом «б» — Качество важнее Количества — 22ЛАг), а вьетнамское изречение может быть помещено в гр. Много — Мало (со смыслом «а» — Много лучше, чем Мало — 22КАг) или в гр. Качество — Количество (со смыслом «б» — Количество важнее Качества — 22ЛБг). Как мы уже отмечали, в случаях логической омонимии, возникающей при пересечении полных тематических пар, мы относили «спорные» изречения к основной тематической группе. Однако для форм ЛАг и ЛБг из пг. 22 гр. Качество — Количество мы сделали исключение (главным образом по композиционным соображениям). Но мы постоянно имеем в виду, что подобные изречения неоднозначны, и, помещая их в одно место, мы подчеркиваем один их смысл, а помещая в другое — другой. На практике эту разницу смыслов (или смысловых оттенков) определяет контекст.

Среди изречений, входящих в группу Свое место — Чужое место (IV6) и представляющих собой пересечение тематических пар II62 и III9, есть немало таких, в которых основной оказывается пара III9, т. е. Вещь — Место. Таковы, например, абазинская пословица *У кукушки нет своего гнезда*, китайская *Крысы знают крысиные тропы*, русская *Всяк кулик на своей кочке велик* и многие другие. В отличие от изречений, относящихся к предметно-тематической группе IV6 и моделирующих отношения Своего и Чужого мест, пословицы, приведенные выше, моделируют отношения какой-либо Вещи к Своему или Чужому месту. Естественно, что такие пословицы должны быть помещены в группу III9.

Нулевая группа является, по существу, промежуточной между двумя типами групп — формообразующими и предметными. Она близка к формообразующим, так как демонстрирует «чистые отношения вещей». Однако она и отличается от них, ибо составляющие ее изречения моделируют не какой-нибудь один тип отношений, но все возможные их типы. В то же время нуле-

вая группа близка к предметным потому, что строится на базе инвариантных тематических пар (Всё — Ничто, Все — Никто и Один — Другой) и содержит изречения, моделирующие все существующие типы отношений между членами этих пар. Но в отличие от предметных эта группа содержит беспредметные изречения, т. е. изречения о предельно абстрактных вещах, не обладающих никакими предметными признаками. Нулевая группа в сборнике сравнительно невелика и не представляет полного набора логических форм (и даже не содержит некоторых типов отношений). Возможно, со временем, когда накопится более обширный материал, данную беспредметную группу можно будет не только пополнить, но и разбить на две (или на три) самостоятельные (подгруппы) — обо Всем — Ни о чем и об Одном — о Другом.

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВНОЙ ФУНКЦИИ НАРОДНЫХ ЗАГАДОК И ИХ НАУЧНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ *

Люди давно заметили и оценили дидактическую сущность загадки. Не случайно в народной педагогике, особенно в педагогике бесписьменных и младописьменных народов, загадкам отводится весьма важное место. Так, у многих народов Западной Африки, начиная от Берега Слоновой Кости (бауле) и кончая Намибией (овамбо), старики время от времени собирают молодежь на специальные вечера-соревнования по отгадыванию загадок. Молодых участников соревнования делят на группы. Затем старик загадывает загадку. Та группа, член которой первым нашел или назвал ответ, получает фант (очко). Выигравшей объявляется группа, набравшая большее число фантов. Когда никто из отгадывающих не может дать ответа на загадку (что бывает нередко), его даст сам загадчик. Такие сеансы-соревнования по разгадыванию загадок интересны и сами по себе. Но, пожалуй, самым интересным в них оказывается то, что отгадками на загадываемые там загадки служат не только предметы народного быта, явления природы, события местной жизни, взгляды и представления того или иного народа, выраженные понятиями или картинками-описаниями (наподобие обычных западноевропейских или русских отгадок на загадки), но и разного рода клишированные предложения: пословицы, приметы, хозяйственные, «юридические» и «этические» изречения (например, четко сформулированные правила наследования имущества, правила поведения в тех или иных обстоятельствах и т. п.). Запоминая ответы на определенный набор загадок, молодежь постепенно усваивает не только названия нужных ей в жизни вещей, но и ряд изречений, необходимых для общения и правильного поведения. И хотя в более развитых обществах, с широкой сетью общеобразовательных школ, с книгами и средствами массовой информации, подобные формы использования загадок оказываются ненужными и сами загадки из «серьезного», «взрослого» фольклора перекачываются в «детский», их дидактическая роль не исчезает. Они по-прежнему учат — пусть в виде игры — тем же вещам, которым учили и раньше.

Дидактическую функцию загадок давно заметили также этнографы и фольклористы, в частности паремнологи. Недаром все сколько-нибудь серьезные смысловые классификации загадок построены по так называемому тема-

* Вступительный текст к сообщению Н. Барабановой «О логической структуре некоторых русских загадок». Паремнологические исследования. М., «Наука», 1984.

тическому принципу, т. е. фактически раскрывают (описывают) те области жизни и деятельности людей, макро- и микрокосма, которым учат загадки. Как правило, это человек и части его тела, жилище со всем его убранством, рабочий инвентарь, ремесла, торговля, общественные отношения, верования, явления природы, флора и фауна, небо и земля и т. д.— короче говоря, все, с чем сталкивается человек в повседневной жизни и в своих размышлениях о ней.

Но загадки учат не только этому. При соприкосновении с ними бросается в глаза исключительное разнообразие их внешней и внутренней языковой структуры. Есть загадки в форме прямого вопроса, а есть и такие, первая часть которых выражена утвердительным или отрицательным предложением, есть загадки-побасенки, загадки-анекдоты, сказки-загадки, песни-загадки, игры-загадки, есть загадки-каламбуры, загадки-ловушки («покупки»), шуточные загадки, загадки-головоломки, счетные загадки (задачи) и ряд других типов загадок. И каждый из них бытует в нескольких (иногда — многих) синтаксических формах, по-разному фонетически и ритмически организованных. Если при этом учесть, что все или почти все народные загадки ладно скроены и крепко сшиты, отчего легко запоминаются, то станет понятным, сколь велика их роль в овладении богатствами родного языка. Далее, как известно, большинство загадок построено на метафоре, т. е. их первая часть описывает предмет (или явление), содержащийся во второй части (отгадке), в терминах иной области жизни. Это приучает людей к пониманию данного — чрезвычайно важного для человеческого общения — тропа, способствует развитию фантазии и метафорического (образного) мышления.

Однако и это не все. Как показали наши наблюдения над загадками восьмидесяти народов Европы, Азии и Африки, народные загадки различаются не только своей языковой формой и набором реалий, используемых в вопросительной части и в отгадке, но и своей логической структурой. Это значит, что каждая из них построена по определенной логической модели и для своей разгадки требует использования соответствующего логического приема.

Сравним для примера несколько несложных загадок прямого смысла (т. е. неметафорических).

(1) *Сидит на окошке кошка; и усы как у кошки, и глаза как у кошки, и уши как у кошки, а не кошка. (Кто это?)*

(2) *Какая лошадь одинаково хорошо видит как спереди, так и сзади?*

(3) *Когда Москву городили, во что первый гвоздь колотили?*

(4) *Ты мне сын, а я тебе не отец. (Как это может быть?)*

(5) *Чего в бабе две, а в девке ни одной?*

(6) *Сорока летит, а собака на хвосте сидит. (Что это? Как это понять?)*

(7) *Шли два отца, два сына, один дед и один внук. (Сколько всего?)*

(8) *Один петух разбудил своим криком трех человек. Сколько надо петухов, чтобы разбудить девятерых?*

Каждая из этих загадок решается по-своему. Чтобы ответить на первую, вовсе не надо перебирать все виды семейства кошачьих, как это делают непосвященные: достаточно вспомнить о различиях кошек по полу (правильный ответ на эту загадку: кот). При ответе на вторую загадку следует учесть, что выражение «одинаково хорошо» (или «одинаково плохо») в русском язы-

же означает не «хорошо» (или «плохо»), а «одинаково». И тогда сразу станет ясным, что речь идет о слепой лошади, которая одинаково ничего не видит ни спереди, ни сзади. Для ответа на третью загадку нужно учесть двусмысленность вопросительного оборота «во что?». Он может означать и «в какой предмет?», и «в какую часть предмета?». А так как из текста загадки нам известен лишь один предмет, по которому колотили (там сказано, что это был гвоздь), то ответить на вопрос «во что?» уже нетрудно: в шляпку. Чтобы найти ответ на четвертую загадку, достаточно сообразить, что сын может быть не только у отца, но и у матери (или наоборот: у сына могут быть как отец, так и мать). И если кто-то обращается к сыну и это не отец, значит, это мать. Чтобы разгадать пятую загадку, следует вспомнить, что каждый загаданный предмет (денотат) имеет название (сигнификат) и это название может быть передано буквами: в слове «баба» две буквы «б», а в слове «девка» — ни одной. Правильно ответить на шестую загадку можно только в том случае, если сообразишь, что загадан не один предмет, а два, причем независимых друг от друга, и что загадка не содержит никакой метафоры: сорока летит (по небу), а собака сидит на (своем) хвосте. (Эту загадку особенно трудно отгадать, если она загадана в ряду метафорических загадок.) Чтобы найти верный ответ на седьмую загадку, надо учесть, что слова «отец», «сын», «дед» и «внук» не только обозначают тех или иных конкретных людей, но и передают отношения людей друг к другу: сын одного человека может быть отцом другого и т. д. Учитывая двойной смысл этих слов, нетрудно понять, что шло всего трое людей (мужчина, его отец и сын). Для решения восьмой загадки надо отказаться от шаблонного подхода ($9:3=3$) и понять особенность конкретной ситуации: для каждого спящего петух кричит одинаково громко, и потому дело не в числе петухов.

Как видно из нашего краткого перечня (а его можно было бы увеличить в несколько раз), каждая следующая загадка требует для своего решения особого логического приема. И что особенно любопытно: если при первом знакомстве с загадкой нового логико-структурного типа мы испытываем известные затруднения, а на некоторые загадки и вовсе не можем найти ответ (что, впрочем, несущественно, так как загадчик с удовольствием сообщит его сам), то уже при повторной встрече с загадкой того же типа мы решим ее легко и просто. Так, зная ответ на загадку № 1 («И кошка, и не кошка»), мы без труда решим аналогичную загадку про собаку. А зная ответ на загадку № 4 («сын и не отец»), легко разгадаем сходную про дочь и не мать. Зная, как ответить на загадку № 5, нетрудно найти ответ на загадку «Что у земли в середине, а у грома в конце?» и т. д. Все дело в том, что мы уже знаем прием, при помощи которого можно разгадать загадку данного логико-структурного типа.

Таким образом, загадки, вооружая человека знанием разных логических приемов, учат его думать. И в этом, как нам кажется, заключается едва ли не самая важная особенность дидактической функции загадок.

Здесь уместно сказать, что при всем бесконечном разнообразии народных загадок логических моделей, по которым эти загадки построены, сравнительно немного. По нашим предварительным подсчетам, их не более сорока. Но зато

все они универсальны. На них основаны загадки самых разных народов, независимо от их языков и культур. А это наводит на мысль, что логические модели загадок и соответствующие им приемы для их разгадывания можно положить в основу международной классификации данного рода паремий. Все же остальные признаки, обычно используемые для классификации загадок: тематика, языковая и композиционная структура, тип и характер отгадки, мотивировка общего значения и пр., — могут быть привлечены для деления загадок на подтипы и виды внутри основных логико-структурных типов.

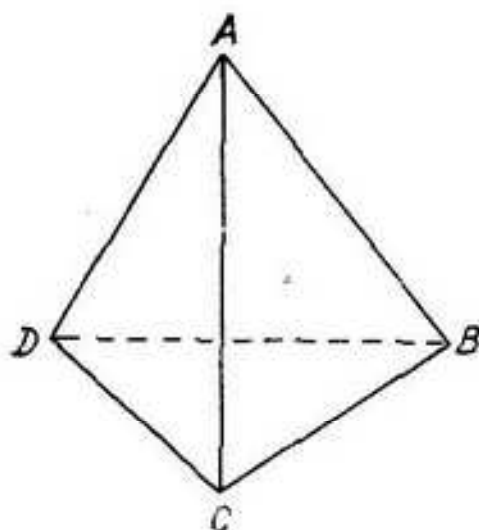
К сожалению, ни логическая структура загадок (за исключением двух-трех их типов, рассмотренных Э. Кёнгэс-Марандой, — 173), ни тем более набор логических приемов, пригодных для их разгадывания, практически совершенно не изучены. Ни в логике, ни в психологии нет не только какой бы то ни было классификации логических приемов, но даже и сколько-нибудь полного их перечня.

О структуре паремиологического знака

Для описания структуры знака треугольник Фреге (Сенеки) недостаточен. Однако он дает исходные точки. Видимо, строение паремиологического знака (а может быть, языкового знака вообще) следует схематически изображать в виде тетраэдра.

Одна из точек (А) — отображает реальную ситуацию (действительность). Другая (В) — знак, как таковой (сигнификат: изречение, например, пословицу, [может быть, слово]). Третья (С) — подробное эксплицитное описание словесного смысла знака В (то, что Фреге называл «смыслом»). И четвертая точка (D) — толкование знака В и его полного описания С (т. е. то, что Фреге называл «значением»). Такая схема удобна тем, что привязывает знак к означаемому (действительности, реальной жизненной ситуации), и, кроме того, она помогает понять внутреннюю структуру всех типов паремий (как синтетических, так и аналитических) и их внутреннее структурное различие.

Пословица. Для нее (как и для поговорки) схема выглядит так:

* Раздел включает набросок статьи о структуре паремиологического знака и ряд заметок из архива Г. Л. Пермякова. Публикация заметок, несмотря на их черновой характер, представляется целесообразной — они углубляют понимание некоторых вопросов, изложенных в основных статьях сборника, и указывают направления дальнейшего развития идей структурной паремиологии.

Каждая вершина связана с тремя остальными. К тому же все они четко отграничены друг от друга (и фигура являет собой тетраэдр, пространственную фигуру, имеющую объем).

Пример: пословица *На безрыбье и рак рыба*. Вершина А — реальная жизненная ситуация. Она может быть представлена любым из многочисленных вариантов, например: «Где-то недостает каких-то ценных и нужных вещей и там довольствуются другими — менее нужными и менее ценными, не обладающими всеми свойствами недостающих, но все-таки могущими их заменить». Вершина В — соответствующая пословица *На безрыбье и рак рыба*. Вершина С — (описание словесного смысла пословицы): «Там, где (совсем) нет рыбы, и рака принимают за рыбу». Вершина D — толкование знака, его скрытое, внутреннее значение. В данном случае это можно сформулировать приблизительно так: «Если где-нибудь нет какой-либо (нужной) вещи, ее может заменить (и заменяет) другая вещь (похуже), обладающая не всеми свойствами первой».

Как видно из предыдущего изложения, вершины А и D несколько совпадают. Но они же и резко различаются. Первая (А) — относится к области действительности, вторая D — к области сознания. Их совпадение-несовпадение — обычное соответствие-несоответствие вещи (реальности) и обозначающего ее знака. Близость вершин В и С объясняется тем, что вершина С — это подробное и точное эксплицитное описание вершины В, в которой многое нередко может только подразумеваться и не быть выражено прямо. Иначе говоря, при всем сходстве пар точек (вершин) А и D, а также В и С все четыре вершины достаточно различны. А так как все они связаны друг с другом (это нетрудно проследить, сравнивая их все попарно), то их сходство и различие, вместе взятое, и делает фигуру объемной (тетраэдром), а не плоской (четыреугольником).

Анализ любой (собственно) пословицы или (собственно) поговорки, т. е. пословичных изречений переносного смысла (с образной мотивировкой общего значения) покажет абсолютно такую же (в смысле структурной схемы) картину. У народных афоризмов и присловий, т. е. пословичных изречений с прямой мотивировкой общего значения, структурная схема будет такой же. Однако в этой схеме вершина С от вершины D будет отделена очень мало (вершины будут почти совпадать). Иначе говоря, вершина D будет отделена от плоскости треугольника ABC (или вершина С — от плоскости треугольника ABD) на очень малое расстояние, и, следовательно, сама фигура будет уплощена, близка к треугольнику. Но все-таки она будет объемной, хотя у нее и будет малая высота.

Фигуры всех паремий, допускающих и требующих расширительного толкования, будут пространственными, а не допускающих и не требующих — плоскими.

Примета. В отличие от пословичных (и вообще синтетических) паремий приметы дают иную фигуру. Дело в том, что у них вершины С и D практически совпадают. *Ласточки низко летают — быть дождю*. Здесь С — «Если где-то ласточки летают низко над землей, то там скоро будет дождь». Таково же и D — толкование этой приметы.

Загадка. Этот тип паремий представляет особый интерес, потому что у

них одна из вершин может (должна) быть (хотя бы временно) скрыта. Скрытой может быть и не одна вершина. Обычно скрытой (неизвестной, загадываемой) бывает вершина А, т. е. сам реальный предмет или ситуация. Иногда скрытой бывает вершина В (знак, как таковой), а иногда — А и В вместе.

Все синтетические паремии (как загадки, так и пословицы) могут быть многозначными, все аналитические — принципиально однозначны.

* * *

Вершина А (в тетраэдре) может иметь много значений (в случае пословицы) и только одно значение (в случае «делового» клише — приметы, юридического изречения, медицинской рекомендации). Это означает, что пословичный знак подходит к нескольким (многим) реальным ситуациям одного и того же типа, например: «когда нет лучшего работника, сгодится и худший (не такой хороший)»; «когда нет лучшего материала, его может заменить и худший (не такой хороший)»; «когда не располагают первоклассным приемником, пользуются приемником 3-го класса (не таким хорошим)» и т. д. А непословичный (аналитический) знак, хотя и сходный с пословичным по общей структуре, подходит только к одной реальной (жизненной или мысленной) ситуации (отношению вещей), например, в случае приметы «сильный дождь», юридического изречения «Лежачего не бьют» и т. д.

* * *

Вершина В (сам знак) может иметь от одного до нескольких (многих) значений при одном и том же типе вершины А: *На безрыбье и рак рыба, Нет коня, и осел сгодится, На безлюдье и Фома дворянин, Когда нет гербовой, пишут и на простой* и другие изречения-синонимы (в данном случае пословицы).

* * *

В случае межуровневой омонимии вершины В (например, при пословице и юридическом изречении «Лежачего не бьют») вершина А может иметь значения разных типов (аналитическое и синтетическое).

* * *

Следует рассмотреть отношения элементов знака при разном «актуальном членении», т. е. в практически разных ситуациях в процессе реализации (актуализации) паремий, когда подчеркиваются, выявляются разные стороны (элементы) ситуации (т. е. берутся из нее разные темы и разные ремы).

Разрозненные заметки

Основные этапы развития идей структурной паремиологии

1. Определение пословиц как знаков и моделей ситуаций. Логическая трансформация пословиц. Три плана (разделение плана содержания на два). — «Избранные пословицы и поговорки народов Востока».

фольклорных текстов (попутно — описание некоторых новых видов сказки). Различение синтетических и аналитических форм. Отыскание формальных признаков, отличающих миф от сказки и пословичные тексты от омонимичных примет, хозяйственных, медицинских и тому подобных изречений. — «От поговорки до сказки» и «Проделки хитрецов».

3. Проведение паремиологических экспериментов, изучение их итогов (начало работы — 1972 г.).

4. Более развернутое определение пословиц и других паремий. Установление их структурного родства и взаимных переходов. Исследование их функций. Нахождение места пословиц в ряду языковых и фольклорных клише. Определение тематики паремий (для пословиц установлено, что тема их — это некая паремиологическая пара, об отношении членов которой идет речь в данном клише). Вывод о несущественности для паремиологии лингвистической характеристики. — «О структуре паремиологического фонда».

5. Разбор большой коллекции (приблизительно 50 тыс. самых разных пословиц и поговорок). Расположение их по тематическим парам, затем — по типам отношений между членами пары.

Оказалось, что, во-первых, сравнительно небольшое число пар (68) покрывает приблизительно 95—97 процентов всего фонда (на остальные 70 пар приходится совсем мало паремий — но все же этот список открыт) и, во-вторых, что число типов отношений равно 62 (они объединены в 28 более крупных). В результате возникла более или менее простая картина (хотя она и поставила множество новых вопросов и показала неисчерпаемость пословиц). — «Пословицы и поговорки народов Востока».

Наша психика (или, как принято говорить, «наше я») буквально напичкана клише всех видов и рангов — начиная от привычных («любимых») личных выражений и элементарных языковых клише и кончая набором личных правил и общепринятых кодексов морали. И (в другой плоскости) — начиная от наиболее привычных слов и фразеологизмов и кончая большими привычными текстами как фольклорного, так и литературного и специального характера.

Это касается не только реальных людей, но и литературных героев (поскольку они моделируют живых людей). В их образах тоже можно усмотреть и описать тот же набор клише. И поскольку это так, постольку роль этих клише (и каждого в отдельности, и их набор для данной личности или группы лиц или даже народа и человечества в целом) в жизни (человека и человечества) значительна.

Место клише в жизни людей, видимо, очень велико. Ведь, по существу, к клише следует отнести всякий стереотип, все воспроизводимые по стандартной, заранее установленной схеме действия. Сюда, в частности, можно отнести все стереотипные поведения (например, обряды), любые шаблонные действия (например, ремесленные и другие производственные навыки) и вообще любые действия, производимые автоматически. Один из видов таких действий — языковые штампы (и не только фольклорные, но также газетные и литературные штампы).

тем же образом, предметом создан теории клише — не только фольклор, но и все языковые явления от слова до любого языкового штампа (в том числе — общие, «литературные», места и, может быть, всякая идеоматичность).

Как живая материя возникает из неживой (сам ход процесса для нас не существенен), так и творческая деятельность (творческая мысль, акция) возникает из нетворческой. Нетворческий компонент (навык, опыт, устоявшаяся или привычная мысль — одним словом, клише) является неизменным и необходимым компонентом творческой акции. Из той или иной комбинации клишированных мыслей (акций) может возникнуть (и возникает) нечто новое, ранее неизвестное, т. е. творческая, новая мысль.

Первое условие творческого процесса — понимание ситуации. Пословица дает такое понимание, потому что правильно называет ситуацию, т. е. находит ей место в общей (сложившейся) системе представлений (неважно, что эта система противоречива). Но чтобы правильно назвать, надо правильно определить все связи — т. е. дать (взять, найти) такую пословицу, логический контекст которой совпадает с обстоятельствами, окружающими данную ситуацию. Правильно подобрать пословицу — значит, точно определить (отнести к соответствующему типу) данную жизненную ситуацию. Тут нужна «мудрость» — т. е. правильное понимание данной ситуации.

Паремии — сложные знаки или комбинации знаков, непременно бытующих в живой разговорной речи и литературе (главное — в живой речи). Если паремия неизвестна говорящим, она не может служить знаком. Это отметил еще Даль, говоря о пословице как о вещи, понятной всем. Соблюдение этого условия в работах и паремиологических сборниках позволит освободить их от выдуманных и не вошедших в разговорный язык изречений (хотя нередко выдаваемых за «народные пословицы», «народную мудрость» и т. п.).

Почему люди не знают, сколько им известно пословиц? Предметом мысли является не пословица (или другая паремия), а та вне(экстра)лингвистическая ситуация, которую данная пословица обозначает. Мы думаем о самих отношениях, а не о способах их выражения — так же как в обычном разговоре думаем о вещах, а не о словах, их обозначающих. Вот почему люди не знают, сколько пословиц им известно (что очень ярко подтвердил паремиологический эксперимент). Большинство людей считают фразеологизмы (по крайней мере по названию) тоже поговорками и их наверняка знают очень много. Однако при всем том общее число известных им пословиц, поговорок, примет и т. д. определяют равным двадцати-пятидесяти.

При том что пословичные изречения являются единицами более высокого уровня (или «яруса»), так как выражают (хоть и с помощью языка) неязыковые вещи, суждения, умозаключения и т. д., они воспроизводятся в речи как готовые (клишированные) языковые единицы с определенным (и неразложимым)

мым на части) знаковым смыслом — т. е. выступают как явления языка (просто другого его уровня, отличного от прочих). К паремиям, не являющимся пословичными изречениями (т. е. не являющимся знаками ситуаций), это, видимо, не относится или относится не полностью (они ведь частично тоже — знаки ситуации, просто у них главное — не это).

Обычные (свободные или переменные) предложения не входят в систему языка. Это не элементы языка, а единицы речи. Они каждый раз производятся заново, импровизируются в зависимости от задачи момента на основе языка (его словарного фонда, правил и грамматики). В отличие от обычных (свободных) предложений клишированные паремии, представляемые предложениями, относятся к языку и являются его единицами. Они (в своей совокупности) составляют паремиологический (а частично фразеологический) уровень языка. К фразеологическому уровню относятся довольно немногочисленные клише — предложения, выступающие в качестве фразеологизмов.

Все уровни (ярусы) словаря во многом сходны (изоморфны) друг с другом. Этот изоморфизм распространяется и на свойство мотивировки (во всех уровнях есть единицы с прямой и образной мотивировкой, без мотивировки и аналитические), и на то, что все эти единицы могут выполнять функции различных частей речи (паремии — в текстах большего объема), а также и на то, что единицы каждого уровня имеют различные парадигматические формы.

Сходство паремий с фразеологическими оборотами и словами особенно ясно обнаружится, если их все поставить в равные условия (например, если взять сверхфразовый текст, где каждая паремия, фразеологический оборот и слово — равно элементы целого).

Есть известное соответствие между уровнями языка и уровнями речи. Однако есть и принципиальная разница. Уровни языка соответствуют разным частям алфавита-словаря и разным (соответствующим) наборам правил для обращения с этими частями словаря. Уровни речи соответствуют разным по величине и сложности отрезкам речевого потока.

Совпадение между уровнями языка и уровнями речи наблюдается потому, что разные части алфавита-словаря по своей внешней форме (по грамматической структуре) совпадают с разными по величине и сложности отрезками речи (с предложениями, синтагмами, словами, морфемами). По существу же это совсем разные вещи: первые (единицы языка) — застывшие, воспроизводимые знаки (клише), вторые (единицы речи) — творческие (каждый раз вновь создаваемые) образования из элементов языка.

Способность паремий переходить из одного типа в другой (пословицы — в загадку, приметы — в пословицу и т. д.) и почти буквальное (а иногда и буквальное) совпадение паремий разных типов между собой объясняются

жоренной близостью паремий разных типов (несмотря на все их различия) и общностью многих их свойств (главная разница — в доминантном). Это и делает их принадлежащими к одному уровню языка и фольклора (или: это объясняется принадлежностью к одному уровню).

Одни типы паремий легко могут переходить в другие. Легче всего это происходит с близкими по основной роли (прагматической функции) и тому же характеру мотивировки. Так, особенно легко могут переходить пословицы в поговорки (и наоборот), афоризмы — в присловья (и наоборот), гадания — в суеверные приметы (и наоборот). Но друг в друга могут переходить и более далекие типы клише (естественно при этом, что, чем больше общих признаков у этих разных типов, тем легче они переходят друг в друга). Например, пословицы могут переходить в загадки (и наоборот), так как и те и другие основаны на образной мотивировке (имеется в виду первая часть загадки). Во вторую часть загадки могут переходить любые изречения (в том числе и аналитические, например различные бытовые и правовые изречения). Афоризмы могут переходить в загадочные вопросы (есть даже промежуточная форма).

Главным основанием для перехода паремий из одного типа в другой является общность их прагматических функций. А так как все они могут иметь все типы прагматических функций, то и переход оказывается возможным (не для всех конкретных изречений, но для всех паремиологических типов). В лексике мы наблюдаем сходное явление: «одно и то же» слово может выступать как существительное, прилагательное, наречие или глагол. Так что отмеченное свойство тоже указывает на языковой характер паремиологического уровня.

Избыточность — свойство живого языка. Люди знают по нескольку синонимов (в языке же их очень много). Если же в паремиологических анкетах некоторые вычеркивают отдельные синонимы, то все равно оставляют какие-то для использования в качестве знаков данной ситуации. Наличие хотя бы одного из изречений-синонимов в запасе каждого человека лишний раз показывает их знаковый характер (неудобно не иметь знаков для обозначения типовых ситуаций). Когда нет соответствующих знаков, говорят «вопреки пословице» или берут более или менее близкий знак.

Паремии-синонимы, как и синонимы-слова, используются для уточнения обстоятельств. В каждом конкретном контексте нет синонимов — одно слово (или одно выражение) подходит туда лучше других. Но их общий смысл, точнее, то общее, что есть в их смыслах, помогает употреблять их одно вместо другого в нужных случаях. Например, когда один из синонимов неизвестен, вместо него используется другой. Проверка анкет материалов паремиологического эксперимента показала, что нет таких информантов, которые бы не знали ни одного изречения какой-либо синонимической группы — какой-нибудь да известен им.

Некоторые паремии существуют в большом числе вариантов и употребляются в самых разных формах (в том числе грамматических — спрягаются, склоняются), употребляются с разным порядком слов, с заменой ряда слов синонимами и т. д. Некоторые имеют мало вариантов — более фиксированные, некоторые — только один-два. Меньше всего форм обычно имеют авторские изречения (цитаты и так называемые крылатые слова).

В паремиологическом минимуме должны быть представлены все основные особенности (закономерности) пословичного фонда в целом. Он должен содержать: 1) все основные смысловые (логико-семантические) и логико-тематические группы, т. е. основные типы логических ситуаций; 2) набор всех основных типов логических трансформов и правил логического оперирования; 3) полный набор местных реалий; 4) все типы паремий (с тем чтобы правильно и равномерно отразить все их смысловые функции); 5) набор формул, достаточный для понимания всех общеизвестных изречений, не обладающих мотивировкой общего значения (демянова уха и т. п.), а также для понимания всех усеченных форм, бытующих в живой речи и в литературе (в том числе используемые для острот, основанных на двусмысленностях); 6) все возможные типы грамматических (лексико-синтаксических) конструкций (хотя каждое изречение следует давать только в одной лексико-грамматической форме); 7) омонимические формы разных типов.

Критерии для отбора паремий в паремиологический минимум:

- 1) Общеизвестность и употребительность в живой разговорной речи.
- 2) Наивысшая частотность в живом разговорном языке и в литературе.
- 3) Известность, достаточная для понимания распространенных усеченных форм.
- 4) Для паремий без мотивировки общего значения — принадлежность к категории общеизвестных.
- 5) При наличии омонимов — принадлежность к одной из вышеупомянутых категорий; отношение к одной из групп, которые должны быть отражены в минимуме и еще не нашли (без данной формы) в ней отражения.
- 6) При наличии ряда лексико-грамматических вариантов — современная (и наиболее широко распространенная) лексико-грамматическая форма.

Паремиологический минимум какого-либо языка (народа) — это в миниатюре (сокращении до возможного минимума) весь паремиологический фонд данного языка (или народа). Он обладает всеми (или почти всеми) основными особенностями всего паремиологического фонда, т. е. имеет основной набор его реалий, полный набор его логических конструкций и набор его лингвистических образцов разных типов. По паремиологическому минимуму можно изучать все основные свойства паремиологического фонда данного языка (или

народа) вообще. По сумме же национальных паремиологических минимумов или по международному минимуму можно, по-видимому, изучать основные свойства всего мирового паремиологического фонда.

Интересно бы сравнить паремиологические минимумы разных народов — причем не только в синхронии, но и в диахронии (проверить, например, по древнерусским памятникам и по памятникам других народов). Возможно, окажется, что паремиологический минимум очень древен и относится к основному фонду языка.

Смысл и ценность пословичных изречений не только в том, что они представляют собой клишированные знаки, помогающие быстро и правильно именовать (назвать) различные знакомые (а возможно, и некоторые новые) жизненные (и логические) ситуации, но и в том, что набор трансформов пословиц (точнее, система их трансформации, которая вместе с набором неизбежно складывается в голове научившегося говорить) дает правила для практического руководства ума (т. е. для логического оперирования в пределах того же ряда трансформов, а далее — и в пределах всей системы трансформации). Так, зная, что «большому кораблю — большое плавание», можно догадаться, что «малому — малое» и т. д. Иначе говоря, усваивая с детства определенный минимум пословиц, мы одновременно усваиваем и определенные трансформационные (логико-парадигматические) правила, благодаря которым из известных истин можно получать нечто новое (ранее неизвестное), т. е. правила житейского логического оперирования.

Совокупности (особенно простые) нередко воспринимаются и узнаются не сразу. Видимо, путем практики (тренировки) образуется устойчивая ассоциативная связь. Так, совокупности трех или четырех предметов, расположенных в разном порядке, воспринимаются мгновенно — и сразу становится видно, что предметов три или четыре. Видимо, то же самое происходит и с простейшими ситуациями отношений — их мгновенная связь с соответствующими пословицами, возможно, автоматична.

Пословица — не просто модель и знак определенной ситуации, но еще и картинка, дающая материал для нескольких более частных и более точных (узких) моделей и знаков. Можно сказать, что она дает описание материала, составляющего широкую модель. Использование этой широкой модели (как и материала, который ее составляет) может дать несколько более точных моделей и несколько разных знаков. Это объясняет причину «многоаспектности», «многомерности», «многозначности» пословицы (пословица фактически дает сырье, материал для построения более точной модели и знака, а сама — чаще всего — предлагает очень широкую и грубую модель и очень общий знак).

В пояснениях собирателей часто вместо обобщающего смысла пословичной ситуации приводится частный пример, который и выдается за ее основной или единственный смысл. Между тем естественно предположить, что информаторы приводят частный случай для наглядного пояснения смысла ситуации. Так, информатор-бауле поясняет: пословица *Когда головы нет на месте, шапку носят колени* означает, что, «когда староста деревни отлучается, его заменяет кто-либо из его домочадцев». И составитель выдает это толкование за истинный смысл (т. е. за инвариантное содержание пословицы). Но она, безусловно, соответствует нашей *На безрыбье и рак — рыба* (т. е., что при отсутствии лучшего и худшее сгодится). Если бы смысл изречения был частным, единичным, а не моделью всех сходных ситуаций, то не надо было бы вообще говорить о голове и коленях — можно было бы просто сказать о старосте. В том-то и дело, что пословица (и вообще всякое пословичное изречение) имеет обобщающий смысл, моделирует тип ситуации.

Некоторые думают, что раз пословицы и поговорки — клише, то они не несут в себе информации: только узнаешь начало, уже известен конец. Но дело обстоит не совсем так. Чтобы убедиться в этом, надо подойти к вопросу с другой стороны. Пословицы и поговорки, как знаки ситуаций, обозначают те или иные ситуации. А что значит «обозначить»? Это значит — определить. Что значит «определить»? Установить место в ряду других явлений (в данном случае ситуаций). Называя любое явление (вещь, ситуацию), мы сразу устанавливаем, что ему присущи определенные комплексы свойств или признаков (ср. пушкинское: «Слово найдено!»). Так, узнав, что ванадий — металл, мы сразу можем с большой степенью достоверности утверждать, что это твердое, блестящее, тугоплавкое вещество, имеющее такие-то химические свойства, и т. д. Определив (назвав) пословицей ситуацию, мы сразу определяем ее место среди других ситуаций. (Одно это уже содержит немалое количество информации.)

Как в пословице отображается (какая-то) нужная ситуация? Называется несколько объектов, определенным образом расположенных друг относительно друга (в пространстве и во времени). Но при том же расположении между этими объектами могут быть достаточно разные отношения — в зависимости от точки зрения и аспекта использования. Это объясняет, почему у одной и той же пословицы (в которой как раз и изображены объекты, определенным образом расположенные относительно друг друга) могут быть разные смыслы.

Почему пословица — модель? Потому что дает (передает) определенную картину (картинку) взаимного расположения объектов (в пространстве и во времени). А эта картинка используется (может быть использована) для моделирования определенных (нужных для ряда типовых ситуаций) моделей. Ситуации при данном в пословице расположении определенных объектов можно исчислить заранее. В этом проявляется система, диктуемая возможностями нашего мышления.

Пример многозначного толкования простой (элементарной) модели (1 предметная пара и 1 отношение)

Гора родила мышь

Общая (широкая) модель:

Два объекта и между ними отношения направленного порождения.

Узкие, частные толкования и соответствующие модели:

1. Большое породило Малое. (Большое — Малое, Порождение — Непорождение) — наиболее вероятная, наиболее естественная и наиболее часто встречающаяся модель.
2. Порождающее не соответствует Порождаемому по величине (Порождающее — Порождаемое, Соответствие — Несоответствие по величине) — менее вероятная, менее естественная и реже встречающаяся модель.
3. Гора породила не подобную себе же Гору, а неподобную Мышь (Подобное — Неподобное, Качественное Соответствие — Несоответствие) — еще менее вероятная, еще менее естественная и еще реже встречающаяся модель.

Но все они теоретически возможны, практически могут употребляться и, конечно, употребляются.

Когда сравнительные обороты полные (когда есть слово, содержащее основной смысл сравнения), тогда мотивировка общего значения — прямая (ибо сам сравнительный оборот воспринимается как уточнение, «наглядное пояснение» основного слова): *Молчит, будто воды в рот набрал*. Смысл — «молчит», а сравнительный оборот показывает, как молчит. И смысл самого сравнения — прямой.

Если же дается усеченный сравнительный оборот (без основного слова) — *Как воды в рот набрал*, — то общая мотивировка образная. Через образ (набравший в рот воду человек) доходит смысл — «молчит», прямо не вытекающий из самих слов.

Следует продумать вопрос о древности загадок. Может быть, не случайно в них так много пережитков древности и старых космогонических воззрений. Может быть, не они являются косвенными (парадигматическими) формами пословичных изречений (что, конечно, верно для многих современных пар «пословица — загадка»), а наоборот: пословицы — косвенные (производные) формы от загадок. Возможно, к этому имеет отношение то, что диалог (исторически) предшествует монологу. (См. статью Якубинского о диалогической речи: Русская речь. Вып. 1. Пг., 1923.)

В каждом уровне клише, начиная от уровня побасенок-анекдотов (одномоментных), есть языково-родственные формы, выступающие в виде загадок. Есть басни (-шванки)-загадки, есть сказки-загадки (т. е. синтетические клише разных типов).

Кроме того, есть промежуточные формы:

а) Между побасенкой-анекдотом и изречениями более низкого уровня (пословицей или афоризмом). Эти формы не требуют двух участников диалога — достаточен один рассказчик (как в побасенках-анекдотах, а не как в законченных, так сказать, «правильных» загадках: — *Что нужно слепому? — Два зрячих глаза*, и т. п.).

б) Между басней-шванком и загадками того же композиционного уровня. Здесь тоже только один рассказчик. Он задает вопрос и сам же на него отвечает.

в) Между сказкой и загадкой того же уровня: рассказчик рассказывает сказку-загадку и сам же дает ответ (См., например, уйгурскую сказку о мудром судье и т. п.). Сходное явление можно обнаружить и среди аналитических клише. Действительно, есть ряд так называемых сказок-загадок аналитического типа (где задается логическая или арифметическая задача и рассказчиком же дается на нее ответ: см., например, амхарские сказки такого типа — в том числе о перевозе через реку трех несовместимых предметов).

Таким образом, загадки и промежуточные формы между ними и повествовательными текстами того же композиционного уровня, а также и сами эти тексты можно рассматривать как языково-структурные трансформы одного и того же инварианта.

Часто загадки текстуально совпадают с пословичными изречениями или с аналитическими клише хозяйственного, правового, медицинского и иного характера. Но каждый раз это совпадение касается только одной части загадки — либо вопроса, либо ответа. Бывают, правда, случаи, когда с изречениями текстуально совпадают обе части загадки. При этом каждая из частей совпадает с каким-либо одним изречением. Хороший пример — загадки овамбо и других африканских народов (там эти формы особенно распространены).

Интересно (и не случайно), что с первой частью загадки (с вопросом) совпадают только пословичные, а со второй (с ответом) — как пословичные, так и аналитические изречения.

В каждом из языковых типов сложных клише есть трансформы типа Г — т. е. трансформы вопроса. Таковы клишированные предложения-вопросы, таковы же все сверхфразовые типы текстов, а именно: 1) соответствующие побасенкам и анекдотам (одномоментным), 2) соответствующие басням и шванкам и 3) соответствующие сказкам — как волшебным, так и бытовым, новеллистическим (это все так называемые сказки-загадки или сказки-дилеммы разного объема и сложности).

Пополняют этот ряд и загадки, языковая структура которых соответствует фразеологизмам (в частности, фразеологическим сращениям). Таковы загадки бауле, приведенные Химмельхебером (типа «Некле, некле, некле?»). Химмельхебер говорит, что эти вопросы сами по себе не имеют никакого смысла. Если он прав и если можно найти еще такие примеры, то получится полный ряд трансформов, начиная от фразеологизмов и кончая сказками (иногда весьма сложными), выступающими в качестве загадок.

— *Отчего казак гладок? — Поел да на бок.* Промежуточная форма. В отличие от афоризма — сверхфразовое клише. В отличие от одномоментного анекдота — не сценка, в отличие от загадочного вопроса — произносит один человек.

В сборнике «Чувашские пословицы, поговорки и загадки» (Чебоксары, 1960) есть и шуточные вопросы (они там весьма удачно называются «занимательные вопросы»).

В число исследуемых форм следует включить шуточные загадки (задачи), которые построены по принципу отвлечения внимания от существа дела. Например: 1) *Один петух может разбудить трех человек* (находящихся в одном месте). *Сколько петухов понадобится, чтобы разбудить 9 человек?* (Ответ: тоже один.) 2) *Шел Кондрат в Ленинград, а навстречу ему, в Кострому, шли 12 ребят* и т. д. Спрашивается, сколько кошек, котят и мышат ребята несли в Ленинград? (Они шли в Кострому.)

Как доказать, что живой равен мертвому? Полуживой равен полумертвому. А если половины равны, то и целые равны. Последнее — частая «математическая шутка». А суть дела — в приравнивании смысла слов, которые равны по внешнему виду, или постановка их в такие условия, где они теряют свой истинный смысл, и затем — оперирование их поверхностным смыслом. По существу — выделение внутренней формы слов.

К разряду загадок относятся, по-видимому, так называемые покупки — когда спрашивающий «ловит» отвечающего на наиболее вероятном ответе и ставит его в неудобное положение (особенно если диалог происходит при слушающих). Таковы, например, вопросы из серии «какая разница (и/или что общего) между А и Б?» (Их дают обычно после нескольких непокупок, чтобы усыпить бдительность и заставить думать по шаблону).

Среди задач и головоломок есть формы, близкие тем и другим, — видимо, промежуточные. Их лучше выделить в самостоятельную рубрику «шуточные задачи» (где счета немного, но требуется смекалка).

Не только у бауле есть загадки без мотивировки общего значения (такие, как «Годо, годо, годо?», которые, по словам Г. Химмельхебера, не имеют непосредственного смысла и их нельзя перевести). Есть такие загадки и у чувашей. (Чувашские пословицы, поговорки и загадки. Чебоксары, 1960).

О русских загадках, лишенных мотивировки общего значения, есть в предисловии к сборнику Митрофановой (с. 17). Там сказано, что «не включено

в издание незначительное число текстов, явно искаженных и утративших свой смысл» (разрядка моя.— Г. П.). Их-то и надо исследовать.

Примеры немотивированных загадок:

1) Обычной: *Потатú — потатý, такатú — такатý — а ячки ворохом несутся* (цеп, молотья, зерно). (Даль. Пословицы русского народа, с. 960).

2) Промежуточной с побасенкой: *Пришла кувахтá просить мутавта: «На что тебе мутавта?» — «Гоголя бить, младожа кормить»* (цеп). (Даль. Пословицы русского народа, с. 960).

В загадках кози, опубликованных Иттманом в журнале «*Zeitschrift für Eingeborenen Sprachen*». Bd. XXI, Ht 1 («*Aus der Rätselschatz der Kosi*»), есть примеры чуть ли не всех типов загадок и загадочных вопросов. В их числе: 1) загадки, сходные с пословицами, например, № 24, 33, 136 и др.; 2) загадки, имеющие несколько разных, не сходных между собою отгадок, например, № 70, 71, 72, 73, 74, 75; 3) разные загадки, имеющие одинаковый ответ, — № 7, 51, 249; 4) загадки, отгадкой которых служит пословичное изречение (знак, ситуация), например, № 42 и др.; 5) загадки, вопрос которых лишен мотивировки, например, № 241 и частично 181; 6) обычные, сходные с русскими загадки.

В широком смысле загадки можно рассматривать как языковые трансформы побасенок и анекдотов, с одной стороны, и пословиц и афоризмов — с другой. Об этом, в частности, свидетельствует и наличие форм, промежуточных между всеми названными типами. Ср.— *О чем мечтает слепой? — О двух зрячих глазах*. Приведенная форма сходна со всеми тремя (афоризмом, шуточным вопросом и анекдотом). Но от каждой из них отличается какой-либо малостью. Например, от афоризма — тем, что состоит из двух предложений, а от анекдота — отсутствием диалога (при наличии вопроса и ответа).

Ответ в загадках почти всегда — понятие, слово. Но это не всегда полный ответ. Очень часто его можно понимать как усеченное обозначение ситуации.

— *Что быстрее всего? — Мысль* (т. е. *Мысль быстрее всего* — а это уже афоризм). Если рассмотреть с этой точки зрения многие загадки, то окажется, что они — приспособленные для иной функции и к иному способу воспроизведения трансформы пословиц и афоризмов.

При анализе загадок как грамматических и логико-семиотических трансформов побасенок и анекдотов можно использовать примеры из предисловия к сборнику удмуртских пословиц и поговорок (Пословицы и поговорки удмуртского народа. Ижевск, 1960, с. 17—18). Там много изречений типа:

«*Что острее меча?* — *Слово острее меча*
(загадка) [пословица (афоризм)]

Надо продумать вопрос о загадках как образных моделях вещей или ситуаций (в этом одна из причин их сходства с пословичными изречениями, и прежде всего с собственно пословицами). Сопоставить загадки (в этом отношении) с другими видами загадочных изречений (загадочными вопросами, задачами, головоломками).

Говоря о загадках как особых конструктивных и логических трансформациях повествовательных текстов всех уровней, следует сказать, что то же, видимо, относится к задачам и головоломкам (т. е. аналитическим параллелям загадок). Иногда есть «сюжеты», охватывающие как синтетические, так и аналитические формы,— можно показать на примере задачи о дележе наследства из 17 коров на $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{9}$, соответствующей «промежуточной формы» (рассказа-загадки с отгадкой) и синтетического анекдота о Насреддине, который разделил 17 баранов на столько же частей (пропорционально вкладу купивших) и при этом получил выгоду («находчивость полезна»). Можно заодно отметить разницу (здесь она наглядно проявляется) между художественным и нехудожественным текстом.

Загадки принято классифицировать по ответам (а их — по областям деятельности человека или «частям мира»). На первый взгляд это кажется удачным, на деле — не так. Во-первых, не все загадки имеют ответ (по крайней мере подходящий к загадке — ср. армянские загадки «про селедку» и т. д.), и, во-вторых, многие загадки имеют ряд ответов (а большинство загадок принципиально могут иметь ряд ответов, ибо они, как и все «синтетические» художественные тексты, многозначны): *Без ног, а ходит. (Что это?) — Ветер, часы, вода и т. д.* По ответам эта загадка попадает в разные разделы — природа, продукт человеческой деятельности и т. д.

Но есть и более существенные возражения против деления по ответам. У многих загадок есть ответы совсем другого типа: не слова или понятия и даже не картинки-описания, которые по тем или иным словам-понятиям («теме») можно отнести к тем же рубрикам, что и «словесные» (т. е. имеющие в ответе одно слово), а разные изречения (пословицы, поговорки, афоризмы, «деловые» изречения и т. п.). Есть загадки с цифровыми ответами, с ответами-рассказами, решениями задач, головоломок, с концовками сказок. Могут сказать, что это не загадки. Но, во-первых, традиционно их причисляют к загадкам (во многих сборниках загадок есть народные задачи и головоломки, задачи-шутки, задачи на сообразительность) и из самих названий некоторых из них (игры-загадки, песни-загадки, сказки-загадки) видно, что их интуитивно относят к классу загадок. А во-вторых, и анализ показывает, что они относятся к загадкам,— они имеют нечто общее и функциональное (заставляют отгадывать, писать ответ, думать, гадать, выводить), и структурное (что-то такое, что ставит какой-то вопрос, на который другой человек должен найти ответ). И ответы всех этих «странных» или «необычных» загадок уже не укладываются в рамки традиционных (привычных для нас) европейских или азиатских загадок. Да и там (особенно в Азии) есть помимо общеизвестных много других типов загадок.

Ответ, конечно, относится к числу очень важных структурных элементов (и особенностей) загадок. Именно наличие ответа, а не его тип характеризует загадку. Можно классифицировать и по этим признакам, но такая классификация мало что дает. Ибо тип загадки с ответом-словом, например, очень широк (есть множество подтипов). Можно классифицировать загадки по ряду признаков, дополняя характеристики. Одним из таких дополнительных (и общих, т. е. имеющихся у всех загадок) является признак выводимости смысла вопроса и ответа из текста — вопрос о мотивировке общего значения. Но и этот признак сам по себе дает мало. Область деятельности годится только для ответов (ибо вопрос может описываться в терминах другой области жизни — и это у большинства обычных «истинных» загадок). Наиболее общий и очень существенный (а по сути — самый существенный) признак — иной.

Одной из самых характерных (отличительных) черт загадок (и всей группы загадочных паремий) является их четкое деление на две структурные части (в лингвистическом, смысловом и во всех производных от них — интонационном и прочих — отношениях). Более того, каждую из этих частей должен произносить (воспроизводить) другой человек. В этом прежде всего и состоит структурное отличие загадочных паремий от всех прочих — в том числе от сходных с ними во всех остальных отношениях (и даже буквально совпадающих с ними) изречений.

Для классификации загадок следует разобрать вопрос ее отношения с классификацией самих вопросов и вообще с эротематической логикой (она недостаточно разработана, и нет последовательной классификации вопросно-ответных форм). Вообще же, классификация загадок должна находиться с ней в какой-то связи.

Некоторые проблемы, возникшие после построения смысловой классификации

1. Определение соотношения близких по характеру предметных и формообразующих групп.
2. Установление иерархии более сложных и более простых формообразующих групп (первые часто включают в себя вторые).
3. Описание различных типов пересечений предметных групп друг с другом (и разных свойств полученных изречений).
4. Использование одних и тех же изречений (одной и той же модели) в разных жизненных контекстах (широта модели и актуальное членение).
5. Объяснение (и использование) смысловой неопределенности пословичных изречений.
6. Изучение полноты (или неполноты) и уточнение состава (списка) формообразующих групп.
7. Уточнение списка предметных групп.

Материалы из архива автора

отдельных предметных и отдельных формообразова и свойств изречений.

ие и описание образных пословичных типов.

ие возраста, к которому окончательно склад

ий фонд, и условий, влияющих на его форми

е национального паремиологического миним

**СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСПОЛЬЗОВАННОЙ АВТОРОМ В РАБОТЕ
НАД МАТЕРИАЛАМИ СБОРНИКА**

А. Источники фольклорных текстов

1. Абазинско-русский словарь. Сост. Тугов В. Б. М., 1967.
2. Аварские сказки. Сост. и пер. Саидов М. и Долгат У. М., 1965.
3. Азербайджанские пословицы и поговорки. Собр. Абулькасим Гусейнзаде, пер. с азерб. Баку, 1959.
4. Анекдоты Моллы Насреддина. Сост. Тахмасиаб М. Г. Пер. Гранин Ю. Баку, 1959.
5. Анекдоты о Ходже Насреддине. Пер. с тур. Гордлевский В. А. М., 1957.
6. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
7. Арабские народные пословицы и поговорки. Пер. с араб. Шарбатов Г. Ш. М., 1961.
8. Армянские пословицы и поговорки. Пер. с армян. Карапетян Г. О. М., 1964.
9. Армянские пословицы и поговорки (на армян. и рус. яз.). Сост. и пер. Карапетян Г. О. М., 1973.
10. Армянский фольклор. Сост. Карапетян Г. О. М., 1967.
11. Ассамские пословицы и поговорки. Материалы для билингвического сборника. Сост. и пер. с ассам. Волков Н. (рукопись).
12. Афганские народные пословицы и поговорки. Пер. с пушту Лебедев К. и Яцевич Л. М., 1961.
13. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1955.
14. Библия, или Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета в русском переводе. Пг., 1918.
15. Бирманские народные изречения. Материалы для билингвического сборника. Сост. и пер. с бирм. Мазо В. Д. (рукопись).
16. Бразильские сказки и легенды. Пер. с португ. Тынянова И. М., 1962.
17. Бурят-монгольско-русский словарь. Сост. Черемисов К. М., 1951.
18. Всевидящий глаз. Легенды североамериканских индейцев. Пер. с англ. Грачев И. М., 1964.
19. Вьетнамские народные пословицы и поговорки. Пер. с вьетнам. Иванов В. В., Глебова И. И. и Ву Данг Ат. М., 1959.
20. Габровские уловки. Собрал Дартунов С. Пер. с болг. София, 1969.
21. Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.
22. Дигорские народные изречения. Собр. Дзагурти Губади, пер. Дзагуров Г. Б. и Харитонов М. С. (рукопись) *.

* Сборник опубликован: Осетинские (дигорские) народные изречения. На осетинском (дигорский диалект) и русском языках. Из сборника Г. А. Дзагурова. Сост. М. С. Харитонов. Пер. М. С. Харитонов по подстрочнику Г. Б. Дзагурова. М., «Наука», 1980.

В окончательной редакции сборника по сравнению с рукописью номера и перевод некоторых изречений изменены. То же относится к сборникам корейских (Лим Су), уйгурских и сомалийских изречений.

23. Дунганские сказки. Сост. и пер. Шахматов В., Юсуров Х. Алма-Ата, 1952.
24. Загадки. Сост. Митрофанова В. В., ред. Путилов Б. Н. Л., 1968.
25. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Сост. Садовников Д. Н. М., 1960.
26. Золотая земля. Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии. Пер. с амхар. Ганкин Э., с англ. Коршунов С. и Тишин И. М., 1960.
27. Ибагов С. Пословицы и поговорки марийского народа. Йошкар-Ола, 1953.
28. Избранные пословицы и поговорки русского народа. Сост. Колпакова Н. П., Мельц М. Я., Шаповалова Г. Г. М., 1957.
29. Изумительные и правдивейшие истории из жизни прославленного мудреца Насреддина Афанди. Пер. с узб. Рахими А. и Шевердин М. Ташкент, 1965.
30. Индийские народные сказки. Пер., обраб. Ольденбург С. Ф. М., 1957.
31. Индонезийские народные пословицы и поговорки. Пер. с индонез. Колосс Л. М., 1961.
32. Индонезийские сказки. Пер. с индонез. Островский В. А. М., 1958.
33. Кабардино-русский фразеологический словарь. Сост. Карданов Б. М. Нальчик, 1968.
34. Калевала. Карело-финский народный эпос. Пер. Бельский А. П. Петрозаводск, 1940.
35. Кало Г. Бидасари. Индонезийские сказки. Пер. с нем. Пермяков Г. М., 1967.
36. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими (на тадж. и рус. яз.). Душ., 1965.
37. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими (на тадж., узб. и рус. яз.). Душ., 1969.
38. Карельские пословицы и поговорки (на карел. и рус. яз.). Сост. и пер. с карел. Макаров Г. Н. Петрозаводск, 1969.
39. Киргизско-русский словарь. Сост. Юдахин К. М., 1940.
40. Китайские народные поговорки, пословицы и выражения. Пер. с кит. Тишков А. М., 1958.
41. Коми пословицы и поговорки (на коми и рус. яз.). Сост. Плесовский Ф. В. Сыктывкар, 1973.
42. Конан Дойл А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 2. Записки о Шерлоке Холмсе. М., 1966.
43. Корейские народные изречения. На корейском и русском языках. Сост., пер., примеч. и предисл. Лим Су. М., 1982.
44. Корейские народные пословицы, поговорки и выражения. Пер. Толстиков В. и Ким Кю Чер. М., 1958.
45. Котвич В. Л. Калмыцкие загадки и пословицы. Элиста, 1972.
46. Крылатая мудрость. Азербайджанские пословицы и поговорки. Собр. Абулькасим Гусейнзаде, пер. с азерб. Гусейн Гусейнзаде. Баку, 1965.
47. Курдские пословицы и поговорки на курдском и русском языках. Собр., сост. и пер. Джалил О. и Джалил Д. М., 1972.
48. Латышские народные сказки. Сост. Арайс К. Пер. Шкленник Ч. и Баженова С. Рига, 1965.
49. Мельник А. А. Пословица — делам помощница. М., 1966.
50. Монгольские народные пословицы и поговорки. Пер. с монг. Дамба-Ринчинэ А. М., 1962.
51. Мордовские пословицы и загадки. Т. I. Пословицы, присловья и поговорки (на мокша, эрзя и рус. яз.). Сост. и пер. Самородов К. Т. Саранск, 1959.
52. Музафаров Р. И. Татарские народные пословицы. Казань, 1959.
53. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1957.
54. Осетинские нартекские сказания. Пер. и обработал Либединский Ю. М., 1949.

55. Осетинские пословицы и поговорки. Сост. и пер. с осет. Абаева З. В. Цхинвали, 1962.
56. Остров красавицы Си Мелю. Мифы, легенды и сказки острова Сimalур. Собрал Келер Г. Пер. с нем. Пермяков Г. М., 1964.
57. *Островский В.* Таноана. Репортаж из Индонезии. М., 1962.
58. Панджабско-русский словарь. М., 1961.
59. *Пермяков Г. Л.* Паремнологический эксперимент. Материалы для паремнологического минимума. М., 1971.
60. Персидские пословицы и поговорки. Сост. и пер. с перс. Короглы Х. Г. М., 1961.
61. Польские народные легенды и сказки. Сост. Глинкин П. М., 1965.
62. Пословицы и поговорки народов Востока. Отв. ред. Брагинский И. С. М., 1961.
63. Пословицы, поговорки и приметы крымских татар (на татар. и рус. яз.). Собр. Боданинский А., Мурасов О. и Мартино, ред. Самойлович А. Н. и Фалев П. А., автор предисловия Фалев П. А.—Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 52. Симферополь, 1915.
64. Пословицы, поговорки удмуртского народа. Сост. Кралина Н. П. Ижевск, 1960.
65. Похождения хитроумного Алеу и другие сказки Камбоджи. Пер. с кхмерского Горгониева Ю. М., 1967.
- 65а. Проделки хитрецов. Сост., вступительн. статья и общая редакция текстов Пермякова Г. Л. М., 1977.
66. *Радлов В. В.* Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1—4. СПб., 1893—1911 (а — т. 1, б — т. 2, в — т. 3, г — т. 4).
67. *Рыбникова М. А.* Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
68. Светящийся незнакомец. Народные сказки Либерии. М., 1966.
69. Сирийские пословицы и поговорки с русскими соответствиями. Материалы для билингвического сборника. Сост. и пер. Рзаев Х. (рукопись).
70. Сказание о Лионго Фумо. Сказки народов Африки. М., 1962.
71. Сказки и мифы Океании. Пер. с западноевропейских и полинезийских языков. Сост. Пермяков Г. М., 1970.
72. Сказки народов Севера. Сост. Воскобойников М. Г. и Меновщиков Г. А. М.—Л., 1959.
73. Сказки народов Судана. Пер. Кацнельсон И. и Мендельсон Ф. М., 1968.
74. Сказки, пословицы и поговорки Камбоджи. Пер. с франц. Лебедев Ю. М., 1959.
75. Сказки, притчи, легенды хауса. Пер. с хауса Лаптухин В. В. М., 1964.
76. Словарь русских пословиц и поговорок. Сост. Жуков В. П. М., 1967.
77. Сомалийские пословицы и поговорки. На сомалийском и русском языках с русскими соответствиями. Сост., пер., предисл. и примеч. Капчица Г. Л. М., 1983.
78. Сыны Дехевая. Предания о демонах и рассказы охотников за головами. Собр. Неверман Г. Пер. с нем. Пермяков Г. М., 1960.
79. Тамильские народные пословицы и поговорки. Пер. с тамил. Волков Н. и Афанасьев К. М., 1962.
80. Турецкие народные пословицы и поговорки. Пер. с турец. Лебедева В. М., 1962.
81. Турецкие пословицы и поговорки. Пер. с турец. Иванов Г. М., 1966.
82. Туркменские пословицы и поговорки. Пер. Каррыев Б. А. Аш., 1961.
83. Туркменский юмор. Пер. с туркмен., сост. Каррыев Б. А., Кекилов А. К., Косаев М. К. Аш., 1967.
84. Узбекские пословицы и поговорки. Пер. Чернявский Е., Рузиматов В. Таш., 1959.
85. Уйгурские пословицы и поговорки. На уйгурском и русском языках и с русскими параллелями. Сост. и пер. с уйгур. Хамраев М. К. и Левин Ю. И. М., 1981.
86. Уйгурские юморески. Сост. Хамраев М. и др., пер. Скалковская Н. Алма-Ата, 1969.

87. Урду-русский словарь. Сост. Бирюлев С. В., Виноградов Ю. Н., Ефимова А. В., Ключев Б. И. М., 1964.
88. Фелицина В. П., Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. М., 1979.
89. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
90. Цыганский фольклор (на цыган. и рус. яз.). Сост. и пер. Деметер Р. С. (рукопись)*.
91. Чувашские пословицы, поговорки и загадки (на чуваш. и рус. яз.). Сост. Романов Н. Р. Чебоксары, 1960.
92. Эрзянско-русский словарь. Сост. Коляденков М., Цыганов Н. М., 1949.
93. Японские народные пословицы и поговорки. Пер. с япон. Петров П. М., 1959.
94. Barra G. 1000 Kikuyu Proverbs with Translation Equivalents. L., 1960. (БЛ, пер. Сахаров А.)
95. Bufe. Die Poesie der Duala-Neger in Kamerun.— AA, NF. Bd 13, 1915 (БЛ, пер. Пермяков Г. и Рубинова Е.)
96. Bürgi E. Sammlung von Ewe-Sprichwörtern— AA, NF. Bd 13, 1915 (БЛ, пер. Пермяков Г. и Рубинова Е.)
97. Champion S. G. Racial Proverbs. L., 1950 (пер. Белозерская И., Пермяков Г., Пименов В., Погибенко Т.)
98. Cushing F. H. Zuni Folk-Tales. N. Y., 1931 (пер. Баранов Ю.)
99. Damiana L. E. Philippini Proverb Lore.— Philippini Social Sciences and Humanities Review. № 3—4. Quezon City, 1966 (БЛ, пер. с тагальского Климов Е.)
100. Dorsey G. A. Traditions of the Caddo. Washington, 1905 (пер. Баранов Ю.)
101. Dukes L. Rabbinische Blumenlese. Eine Sammlung der hebraischen und chaldäischen Sprüche. Lpz., 1844 (пер. Пермяков Г.)
102. Endemann K. Sotho-Sprichwörter.— ZE. Bd 31—32, 1940—1942 (БЛ, пер. Пермяков Г., Рубинова Е.)
103. Frayha Anis. Modern Lebanese Proverbs. Collected, Annotated and Translated into English. Beirut, 1953 (БЛ, пер. Пермяков Г., Погибенко Т.)
104. Harris J. C. The Complete Tales of Uncle Remus. Cambridge, 1955 (пер. Каневский З.)
105. Hecklinger Ph. Duala-Sprichwörtern.— ZE. Bd 11, 1920—1921 (БЛ, пер. Пермяков Г.)
106. Hermanns M. Himmelsstier und Gletscherlöwe. Mythen, Sagen und Fabeln aus Tibet. Eisenach und Kassel, 1955 (пер. Пермяков Г.)
107. Ittmann J. Sprichwörter der Nyang.— ZE. Bd 22, 1931—1932 (БЛ, пер. Пермяков Г.)
108. Ittmann J. Sprichwörter der Kosi.— МАНУВ. Bd 39, 1936 (БЛ, пер. Пермяков Г.)
109. Ittmann J. Sprichwörter der Kundu (Kamerun). В., 1971 (БЛ, пер. Пермяков Г.)
110. Jablow Alta. An Anthology of West African Folklore. N. Y., 1962 (пер. Пермяков Г.)
111. The Journal of American Folklore. Vol. 37 (пер. Баранов Ю.)
112. Kinder- und Hausmärchen gesammelt durch Brüder Grimm. В., 1956.
113. Kohere R. T. He kōnae aronui (maori proverbs and sayings). Wellington, 1951 (БЛ, пер. Баранов Ю., Пермяков Г.)
114. Nyembezi C. L., Sibusiso. Zulu Proverbs. Johannesburg, 1954 (БЛ, пер. Пименов В., Пермяков Г.)
115. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Compiled by W. G. Smith. Oxf., 1936.
116. Rapp E. L. Sprichwörter der Ga.— МАНУВ. Bd. 39, Abt. 3, 1936 (БЛ, пер. Пермяков Г.)
117. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 1—5 Bd. Darmstadt, 1977.

* Сборник опубликован: Образцы фольклора цыган-кэлдэрарей. М., 1983.

Б. Статьи и монографии

1. Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 2. М., 1963.
2. Алексеев М. Н., Мальцев В. И., Черкасов В. И. Предмет диалектической логики.— ДЛНП.
3. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
4. Андрианова-Перетц В. П. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в.— РНПТ. Т. I, 1953.
5. Андрианова-Перетц В. П. Пословицы и поговорки.— Избранные пословицы и поговорки русского народа. Сост. Колпакова Н., Мельц М. и др. М., 1957.
6. Аникин В. П. Мудрость народов.— Пословицы и поговорки народов Востока. Отв. ред. Брагинский И. С. М., 1961.
7. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.
8. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). М., 1966.
9. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
10. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблема общей фразеологии. Ростов-на-Дону, 1964.
11. Ахманов А. С. Логические формы и их выражение в языке.— МЯ.
12. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. М., 1955.
13. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
14. Балли Ш. Французская стилистика. Пер. с франц. М., 1961.
15. Баранов С. Ф. Предисловие.— Русские народные пословицы и поговорки. Сост. Жигулев А. М. М., 1965.
16. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа.— НЛ. Вып. 4, 1965.
17. Беркли Э. Символическая логика и разумные машины. Пер. с англ. М., 1961.
18. Берков В. Ф. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972.
19. Бирюков Б. Теория смысла Готлоба Фреге.— Применение логики в науке и технике. М., 1960.
20. Бирюков Б. В. Кибернетика и логика (философские аспекты логических средств кибернетики).— ДЛНП.
21. Бирюков Б. В., Геллер Е. С. Кибернетика в гуманитарных науках. М., 1973.
22. Богатырев П. Г., Гусев В. Е. и др. Русское народное творчество. М., 1966.
23. Брушлинский А. В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
24. Будаев Ц. Б. Адекватные пословицы и поговорки разных народов. Улан-Удэ, 1969.
25. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
26. Вентцель Е. С. Исследование операций. М., 1976.
27. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. М., 1971 (Доклад на симпозиуме Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы).
28. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 1976.
29. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е. Лингвистический словарь: к вопросу об учебной паремииграфии.— Русский язык за рубежом. 1975, № 1.
30. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.— Л., 1947.

31. Вишнякова О. В. Паронимы в русском языке. М., 1974.
32. Водовозов Н. В. Пословицы и поговорки русского народа.— Народные пословицы и поговорки. Сост. Соболев А. И. М., 1961.
33. Вопросы жанров русского фольклора. Ред. Кравцов П. И. М., 1972.
34. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1965.
35. Гаврин С. Г. Изучение фразеологии русского языка в школе. М., 1963.
36. Галкина-Федорук Е. М. О форме и содержании языка.— МЯ.
37. Ганкин Э. Б. Предисловие.— Золотая земля (Сказки, легенды, пословицы, поговорки Эфиопии). М., 1960.
38. Глушков В. М. О гносеологических основах математизации наук.— ДЛНП.
39. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1, 2. М., 1954.
40. Гуля Н. П. Дидактическая афористика Древнего Египта. Л., 1941.
41. Гусев В. Е. Эстетика фольклора. Л., 1967.
42. Гутерман С. Японская народная мудрость.— Японские народные пословицы и поговорки. М., 1959.
43. Давлетов К. С. Фольклор как вид искусства. М., 1966.
44. Даль В. И. Напутное.— Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
45. Денисов П. Н. Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии. М., 1974.
46. Емельянов Н. В. Якутские пословицы и поговорки. Якутск, 1962.
47. Жигулев А. М. Из истории изучения и собирания пословиц и поговорок.— Русские народные пословицы и поговорки. М., 1965.
48. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1967.
49. Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974.
50. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965.
51. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. М., 1965.
52. Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. СПб., 1915.
53. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душ., 1965.
54. Калонтаров Я. И. Таджикские пословицы и поговорки в сравнении с узбекскими. Душ., 1969.
55. Каррыев Б. А. Туркменские пословицы и поговорки. Аш., 1961.
56. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
57. Кокаре Э. Введение.— Мудрость двух народов. Рига, 1967.
58. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. Пер. с итал. М., 1960.
59. Колесницкая И. М. Загадки.— РНПТ. Т. 2. 1955.
60. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973.
61. Кондратов А. Ключ к мириадам шедевров.— Новый мир. 1970, № 1.
62. Копнин П. В. Природа суждения и форма выражения его в языке.— МЯ.
63. Кочергин А. Н. Моделирование мышления. М., 1969.
64. Кралина Н. П. Пословицы, поговорки удмуртского народа. Ижевск, 1960.
65. Крикманн А. А. К проблематике исследования содержания и мировоззрения пословиц. Автореф. канд. дис. Таллин, 1975.
66. Кунин А. В. Некоторые вопросы английской фразеологии.— Англо-русский фразеологический словарь. М., 1956.
67. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М., 1972.
68. Кычанов Е. И. К вопросу о характере и художественных особенностях тангутских изречений.— Вновь собранные драгоценные парные изречения. М., 1974 (Памятники письменности Востока. XL).
69. Левин Ю. И. О логическом описании обыденного мышления.— ЛШВМС. 1968.
70. Левин Ю. И. Русская метафора: синтез, семантика, трансформация.— ТЗС. 4, 1969.
71. Лекомцев Ю. К. Глоссематическая теория лингвистических оппозиций.— ЛШВМС. 1968.

72. *Лим Су*. Художественные особенности корейских пословиц и поговорок.— Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
73. Логическая семантика и модальная логика. М., 1967.
74. *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970.
75. Материалы научного семинара «Семiotика средств массовой коммуникации». Ч. 1—2. М., 1973.
76. *Мелетинский Е. М.* Происхождение героического эпоса. М., 1963.
77. *Мелетинский Е. М.* Структурно-типологическое изучение сказки.— *В. Я. Пропп*. Морфология сказки. М., 1969 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
78. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
79. Моделирование и познание. Минск, 1974.
80. *Молотков А. И.* Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания.— Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
81. Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.—Л., 1963.
82. *Муратов С. Н.* Устойчивые сочетания в тюркских языках. М., 1961.
83. *Налимов В. В.* Вероятностная модель языка. М., 1974.
84. *Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. М., 1973.
85. О некоторых вопросах современной математики и кибернетики. Сборник статей в помощь учителю математики. М., 1965.
86. Общая теория систем. Пер. с англ. М., 1966.
87. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
88. Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
89. *Перетц В. Н.* Из истории пословицы с приложением польских пословиц. СПб., 1898.
90. *Пермяков Г. Л.* Введение.— Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968.
91. *Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
92. *Пермяков Г. Л.* Прodelки хитрецов (вступительная статья).— Прodelки хитрецов. Сост. Пермяков Г. Л. М., 1972.
93. *Пермяков Г. Л.* К вопросу о структуре паремнологического фонда.— ТИФ.
- 93а. *Пермяков Г. Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М., 1979.
94. *Пинаев М. Т.* Сокровищница народной мудрости. Избранные пословицы и поговорки. Сост. Бреслав С. Л. и Семенец И. Ф. Сталинград, 1958.
95. *Померанцева Э. В.* Предисловие.— Русские пословицы и поговорки. М., 1973.
96. *Попов П. С.* Суждение и предложение.— ВССРЯ.
97. *Попов Ю. В.* Предложение и коммуникация в психологическом синтаксисе.— ЯС.
98. *Подгорецкая Н. А.* Изучение логических приемов мышления у взрослых. Автореф. канд. дис. М., 1975.
99. *Потебня А. А.* Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
100. *Потебня А. А.* Мысль и язык. Харьков, 1913.
101. Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц (материалы межвузовского симпозиума, 1968). Тула, 1968.
102. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. Л., 1928 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
103. *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. М., 1976 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
104. *Путилов Б. Н.* Введение.— Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.—Л., 1961.

105. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
106. Пушкин В. Н. Эвристика — наука о творческом мышлении. М., 1967.
107. Пушкин В. Н. Психология и кибернетика. М., 1971.
108. Райхштейн А. Д. Немецкие устойчивые фразы. Л., 1971.
109. Распознавание образов. Пер. с англ. М., 1970.
110. Распопов И. П. Актуальное членение предложений. Уфа, 1961.
111. Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.
112. Ревзин И. И. Субъективная позиция исследователя в семиотике.— ТЗС. 5. 1971.
113. Ревзин И. И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связности текста).— ТИФ.
114. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977.
115. Рейцак А. Введение.— Сборник русско-эстонских пословиц. Таллин, 1969.
116. Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1955.
117. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
118. Рождественский Ю. В. Типология слова. М., 1969.
119. Рождественский Ю. В. Что такое теория клише? — Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки. М., 1970 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
120. Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. М., 1974 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
121. Русская фольклористика. Хрестоматия для вузов. Сост. Минц С. И., Померанцева Э. В. М., 1965.
122. Рыбникова М. А. Избранные труды. М., 1958.
123. Рыбникова М. А. Введение.— Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
124. Самородов К. Т. Изречения и речения как основные жанровые и нежанровые виды паремии.— Мордовские пословицы и загадки. Т. I. Саранск, 1959.
125. Семантическая структура слова. М., 1971.
126. Семиотика и восточные языки. М., 1967.
127. Симпозиум по структурному изучению знаковых систем (тезисы докладов). М., 1962.
128. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
129. Соколов Ю. М. Пословицы и загадки.— Русский фольклор. М., 1941.
130. Сперанский М. Пословица и поговорка.— Русская устная словесность. М., 1917.
131. Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.
132. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
133. Структурно-типологические исследования. М., 1962.
134. Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке.— ВССРЯ.
135. Таирбеков Б. Аталар сезу.— Крылатая мудрость. Азербайджанские народные пословицы и поговорки. Собр. Абулькасим Гусейнзаде. Баку, 1965.
136. Талызина Н. Ф. Сущность процесса усвоения знаний. Цикл лекций для учителей по телевидению. 1975—1976.
137. Телия В. Н. Что такое фразеология? М., 1966.
138. Тилавов Б. Цикл статей о таджикском своде пословиц.— Ргов. 21, 1973; 24, 1974.
139. Тимошенко И. Е. Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897.
140. Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.— Л., 1966.
141. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М., 1953.
142. Уемов А. И. Логические основы метода моделирования. М., 1971.
143. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку.— НЛ. Вып. 2. 1960.
144. Успенский Б. А. Принципы структурной типологии. М., 1962.

145. Ухов П. Д. Типические места (Loci communes) как средство паспортизации былин.— РФ. 2, 1957.
146. Ушаков В. Д. [Рец. на:] Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки.— Народы Азии и Африки. 1972, № 1.
147. Федоренко Н. Т. Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства). М., 1975.
148. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М., 1953.
149. Фреге Г. Смысл и денотат.— Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
150. Хомский Н. Язык и мышление. Пер. с англ. М., 1972.
151. Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы.— Филологический сборник. Вып. 8—9. Алма-Ата, 1968.
152. Чернов И. А. О семиотике запретов.— ТЗС. 3. 1967.
153. Чернышева И. И. Принципы систематизации фразеологического материала современного немецкого языка.— ЯС.
154. Чистов К. В. К вопросу о принципах классификации жанров устной народной поэзии.— Доклады 7-го МКАЭН. М., 1964.
155. Чичеров В. И. Сборник Владимира Даля «Пословицы русского народа».— Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.
156. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.
157. Шаповалова Г. Г. Пословицы и поговорки.— РНПТ. Т. 2. 1955.
158. Шаповалова Г. Г. Сатира и юмор в русских пословицах и поговорках.— РФ. 2. 1957.
159. Шахнович М. Краткая история собирания и изучения пословиц и поговорок.— Советский фольклор. 1936, № 4—5.
160. Шпет Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 1927.
161. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании.— Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
162. Язык и мышление. М., 1967.
163. Barley N. A Structural Approach to the Proverb and Maxim.— Prov. 20, 1972.
164. Barley N. «The Proverb» and Related Problems of Genre-Definition.— Prov. 23, 1974.
165. Basgöz I. Riddle-Proverbs and the Related Forms in Turkish Folklore.— Prov. 18, 1972.
166. Doke C. M. Bantu Wisdom-Lore. AS. Vol. 6, № 3, 1947.
167. Dundes A. The Structure of Superstition.— Midwest folklore. Vol. 11, № 1, 1961.
168. Dundes A. On the Structure of the Proverb.— Strutture e generi della letteratura etnica. Symposium di Palermo, 1970.— Prov. 25, 1975.
169. Goitein S. D. F. Jemenica. Sprichwörter und Redensarten aus Zentral-Jemen, mit Zahlreichen Sach- und Wörterläuterungen. Lpz., 1934.
170. Grigas K. Der syntaktische Aspekt bei der Vergleichenden Forschung der Sprichwörter.— Prov. 23, 1974.
171. Jason H. Proverbs in Society: The Problem of Meaning and Function — Prov. 17, 1971.
172. Kirschenblatt-Gimblett B. Towards a Theory of Proverb Meaning.— Prov. 22, 1973.
173. Kōngäs-Maranda E. The Logic of Riddles in Structural Analysis of Oral Tradition. Philadelphia, 1971.
174. Krikmann A. On Denotative Indefiniteness of Proverbs. Tallinn, 1974.
175. Krikmann A. Some Additional Aspects of Semantic Indefiniteness of Proverbs. Tallinn, 1974.
176. Krikmann A. Some Difficulties Arising at Semantic Classifying of Proverbs.— Prov. 23, 1974.
177. Kuusi M. Parömiologische Betrachtungen. Helsinki, 1957 (FF Communications, № 172).

178. *Kuusi M.* Ein Vorschlag für die Terminologie der parömiologischen Strukturanalyse.— *Prov.* 5, 1966.
179. *Kuusi M.* Southwest African Riddle-Proverbs.— *Prov.* 12, 1969.
180. *Kuusi M.* Ovambo Proverbs with African parallels. Helsinki, 1970 (*FF Communications*, № 208).
181. *Kuusi M.* Towards an International Type-System of Proverbs.— *Prov.* 19, 1972.
182. *Levin I.* Überlegungen zur demoskopischen Parömiologie.— *Prov.* 11, 1968; *Prov.* 13, 1969.
183. *Levin I.* Parömiologische Erstlinge vom Pamir für Archer Taylor.— *Prov.* 15, 1970.
184. *Milner G. B.* What is a proverb? — *New Society.* 332 (6), 1969.
185. *Nyembezi C. L. Sibusiso.* Introduction.— *Zulu Proverbs*, Johannesburg, 1954.
186. *Roberts W.* The Proverb.— *Studies in Cheremis Folklore.* Indiana University. Bloomington, 1952.
187. *Rörich L.* Lexikon der Sprichwörtlichen Redensarten. Die Einleitung. Freiburg-Basel-Wien, 1973.
188. *Szemerényi Á.* A proverbiumok logikai-szemantikai összehasonlító vizsgálatahoz (Zur logisch-semantischen Vergleichsuntersuchung von Proverbien).— *Népi kultúra — népi társadalom.* 2—3. Budapest, 1969.
189. *Szemerényi Á., Voight V.* A termelés és a nyelv kapcsolata a szólásműveletekben (Zusammenhang der Production und der Sprache in den Sprichwörttransformationen).— *Különlenyomat az ethnographia.* Evi 2—4, 1970.
190. *Taylor A.* An annotated collection of Mongolian riddles. Philadelphia, 1954.
191. *Taylor A.* The Proverb and an Index to the Proverb. Copenhagen, 1962.
192. *Taylor A.* It is Good Fishing in Troubled Waters.— *Prov.* 11, 1968.
193. *Vedder H.* Spruchweisheit der Herero.— *AA, NF.* Bd 12, 1914.

Условные сокращения

- БЛ — Билингвические (двуязычные) тексты.
- ВССРЯ — Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.
- ДЛНП — Диалектика и логика научного познания. М., 1966.
- ЛШВМС — Летняя школа по вторичным моделирующим системам. III. Тезисы. Доклады. Тарту.
- МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
- МЯ — Мышление и язык. М., 1957.
- НЛ — Новое в лингвистике. М.
- РНПТ — Русское народное поэтическое творчество. М.—Л.
- РФ — Русский фольклор. Материалы и исследования. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.—Л.
- ТЗС — Труды по знаковым системам (Ученые записки Тартуского государственного университета).— Тарту.
- ТИФ — Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975 (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- ЯС — Язык и стиль. М., 1965.
- AA, NF — Archiv für Anthropologie. Neue Folge. Braunschweig.
- AS — African Studies. Johannesburg.
- MAHUB — Mitteilungen der Ausland.— Hochschule an der Universität Berlin. B.
- Prov. — Proverbium. Bulletin d'information sur les recherches parémiologiques. Helsinki.
- ZE — Zeitschrift für Eingeborenen—Sprachen. B.

СПИСОК ТРУДОВ Г. Л. ПЕРМЯКОВА И ОСНОВНЫХ РЕЦЕНЗИЙ НА НИХ

I

Теоретические работы по вопросам паремиологии и общей теории клише

А. Монографии и сборники

1. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968. 376 с. [Исследование языковой и логико-семиотической структуры пословичных изречений с приложением пословиц 72 народов.]

2. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970. (Исследования по фольклору и мифологии Востока). 240 с. [Книга посвящена изучению общих вопросов структуры повествовательного фольклора. Предлагаемая автором «общая теория клише» позволяет единообразно описывать фольклорные тексты и вводит в фольклористику новые принципы анализа и описания материала.] 2-е дополненное и переработанное издание на английском языке: *From Proverb to Folk-tale. Notes on the general theory of cliché*. М., 1979, 288 с. (Пер. Филиппов Е. Н.).

3. Паремеиологический эксперимент. Материалы для русского паремеиологического минимума. На правах рукописи. М., 1971, 48 с. [Брошюра содержит материал для выявления основного ядра русского паремеиологического фонда.]

4. Прделки хитрецов. Мифы, сказки, басни и анекдоты о прославленных хитрецах, мудрецах и шутниках мирового фольклора. М., 1972. 542 с. [Исследование мировой трикстериады с точки зрения общей теории клише с приложением большого иллюстративного материала.] 2-е стереотипное издание. М., 1977. 3-е издание на латышском языке: *Stāsti par viltņiekēm. Pasaules folkloras mīti, pasakas, fabulas un anekdotas par viltņiekēm, gudriniekēm un jokdarīņiem*. Rīga, 1978.

5. Паремеиологический сборник. Пословица. Загадка: Структура, смысл, текст. Составление, предисловие и общая редакция Г. Л. Пермякова. М., 1978 (Исследования по фольклору и мифологии Востока). 320 с. [Сборник статей советских и зарубежных ученых по структурной паремеиологии.]

6. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М., 1979. 671 с. [Книга завершает цикл работ по изучению смысловой структуры пословичных изречений и предлагает объективные критерии для их научной классификации.]

7. Паремеиологические исследования. Составление и общая редакция Г. Л. Пермякова. М., 1984 (Исследования по фольклору и мифологии Востока). 320 с. [Сборник статей по структурной паремеиологии и является прямым продолжением «Паремиологического сборника» 1978 г.]

8. 300 allgemeingebrauchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten (300 общеупотребительных русских пословиц и поговорок). Москва—Лейпциг. 1985. 160 с. [Пособие для немцев, изучающих русский язык. Содержит изречения, отобранные в ходе паремеиологических экспериментов по определению русского паремеиологического минимума. Пер. на немецкий Умбрайт Х.] 2-е стереотипное издание на болгарском языке. 300 общеупотребительни руски пословици и поговорки. Москва—София. 1986. 128 с. Перевод и подбор эквивалентов С. И. Влахова.

9. Поэтика народной мудрости. Избранные статьи. Под редакцией Г. Пермякова (на французском языке — в печати).

Б. Статьи

1. О логико-семиотическом аспекте пословиц и поговорок: к вопросу о классификации жанра.— Народы Азии и Африки. 1967, № 6, с. 52—68. То же на английском языке: The Logico-Semiotic Level of Proverbs and Sayings: Towards a Classification of the Genre.— Russian Poetics in Translation. Vol. 3. General Semiotics. Oxf., 1976, с. 12—32.

2. Комплексная классификация пословичных изречений.— Proverbium. № 10, 11, 12 (1968—1969).

3. Кто самый хитрый из хитрецов: к вопросу о логической трансформации фольклорных персонажей.— Народы Азии и Африки. 1972, № 3, с. 106—112.

4. К вопросу о паремиологическом уровне языка.— Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 26—33.

5. On the paremiological level and paremiological minimum of language. Proverbium. 1973, № 22, с. 862—863. То же на русском языке: О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме.— Паремиологические исследования. М., 1984, с. 262—263.

6. О явлениях паремиологической омонимии и синонимии.— Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. 1 (5). Тарту, 1974, с. 228—232. То же на английском языке: On paremiological Homonymy and Synonymy. Proverbium. 1974, № 24, с. 941—943.

7. К вопросу о структуре паремиологического фонда.— Типологические исследования по фольклору. Сб. статей памяти В. Я. Проппа. М., 1975, с. 247—274.

8. 75 наиболее употребительных русских сравнительных оборотов.— Proverbium. 1975, № 25, с. 974—975. [Статья дополнена списком параллелей к русским сравнительным оборотам, обнаруженным проф. Матти Кууси в международном пословичном фонде.]

9. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений.— Паремиологический сборник. М., 1978, с. 105—135.

10. О сборнике Лим Су «Корейские народные изречения».— Корейские народные изречения. На кор. и рус. яз. Сост., пер., примеч. и предисл. Лим Су. М., 1981, с. 5—9. [В статье анализируются главным образом изречения без непосредственной мотивировки общего значения, широко представленные в корейском пословичном фонде.]

11. От редактора.— Уйгурские пословицы и поговорки. На уйг. и рус. яз. и с рус. параллелями. Сост. и пер. с уйг. М. К. Хамраев и Ю. И. Левин. М., 1981, с. 5—9. [О компонентах смысла и смысловой близости пословиц народов, далеких по языку и культуре.]

12. К вопросу о русском паремиологическом минимуме.— Словари и лингвострановедение. Сб. статей под ред. Е. М. Верещагина. М., 1982, с. 204—214.

13. О логической структуре некоторых русских загадок [вступительный текст к сообщению Н. В. Барабановой].— Паремиологические исследования. М., 1984, с. 96—98.

14. Некоторые статьи и материалы из книг Г. Пермякова в переводе на немецкий и английский языки содержатся в специальном, посвященном памяти ученого выпуске международного семиотического журнала «Kodikas/Code». Ars Semiotica. Vol. 7, № 3/4, 1984. Tübingen—Philadelphia—Amsterdam. An International Journal of Semiotics. Special Issue. Semiotische Studien zum Sprichwort. Simple Forms Reconsidered I. Hrsg. von Peter Grzybek unter Mitarbeit von Wolfgang Eismann.

Переводы фольклорных текстов народов Азии и Африки

1. Аура Поку. Мифы, сказки, легенды, басни, пословицы и загадки народа бауле: Берег Слоновой Кости. М., 1960, 246 с.
2. Сыны Дехевая. Предания о демонах, рассказы охотников за головами. М., 1960, 335 с. То же: Мифы и предания папуасов маринд-аним. М., 1981, с. 187—313.
3. Голос буйвола. Малайские (индонезийские) народные песни. М., 1961, 310 с. (совместно с А. Жовтисом).
4. Волшебный рог. Мифы, легенды и сказки бушменов-хадзапи. М., 1962, 156 с. (предисловие и перевод).
5. Остров красавицы Си Мелю: Мифы, легенды и сказки острова Сималур. М., 1964, 167 с.
6. Бидасари: Индонезийские сказки. М., 1967, 76 с.
7. Сказки и мифы Океании. М., 1970, 670 с. (составление сборника и перевод части фольклорных текстов).

Основные рецензии на работы Г. Л. Пермякова

1. Харитонов М. С. Менделеевская таблица пословиц.— [Рец. на:] Избранные пословицы и поговорки народов Востока.— Знание — сила. 1969, № 10.
2. Кондратов А. М. Ключ к мириадам шедевров. [рец. на: Избранные пословицы и поговорки народов Востока].— Новый мир. 1970, № 1.
3. Семеркенъи А. О логико-семиотическом сопоставлении пословиц.— Népi kultúra-népi tarsadalom. II—III. Budapest, 1970 (на венгерском языке).
4. Рождественский Ю. В. Что такое теория клише? — От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише. М., 1970, с. 213—237.
5. Ушаков В. Д. [Рец. на:] Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки: Заметки по общей теории клише.— Народы Азии и Африки. 1972, № 1.
6. Фойт Вильмош. A Folklorisztikai szemiotikai szövegelemzés eszközei (Методы семиотического анализа текстов).— Jel és közöseg szemiotikai tanulmánygyűjtemény. Budapest, 1975, с. 32—35 (на венгерском языке).
7. Аникин В. П. О логико-семиотической классификации пословиц и поговорок.— Русский фольклор. Т. XVI. Л., 1976, с. 263—278.
8. Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976, с. 110—111.
9. Ревзин И. И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. М., 1977, с. 212—213.
10. Karel Horálek. Folklorica slavica. Nekolik stručných marginalií Príslovi a semantika textu. Slavica. XLVI, 1977, Sesit 2, с. 215—219 (на чешском языке).
11. Zavarin V., Coote M. Theory of the Formulaic Text. Working Papers and Pre-publications. Urbino, 1979. Centro Internazionale di Semiotica e di Linguistica, № 88—89, Serie B., 43 с. (брошюра посвящена описанию общей теории клише).
12. Roşianu Nicolae. G. L. Permiakov. Ot pogovorki do skazki.— Folklore literar rus. Bucureşti, 1979 (на румынском языке).
13. Быкова А. [Рец. на:] Паремнологический сборник. Пословица. Загадка: Структура, смысл, текст.— Народы Азии и Африки. 1979, № 5, с. 236—239.
14. Савова Е. [Рец. на:] Паремнологический сборник. М., 1978.— Български фолклор. 1979, кн. 4, с. 79—80 (на болгарском языке).
15. Пазяк М. М. Проблемы современной паремнологии.— Народна творчість та етнографія. 1980, № 1, с. 94—97. (на украинском языке).
16. Неклюдов С. Ю. [Рец. на:] Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока.— Народы Азии и Африки. 1980, № 6, с. 231—234.

17. *Stanciu Dumitru*. G. L. Permyakov. From Proverb to Folk-tale.— *Studii de Literatură Universală*. București, XXI, 1980, с. 155—159 (на румынском языке).
18. *Stanciu Dumitru*. G. L. Permyakov. From Proverb to Folk-tale. *Ethnologia*. București, 1981, с. 157—159 (на румынском языке).
19. *Kanyo Zoltan*. Sprichwörter. Analyse einer einfachen Form. *Ein Beitrag zur generativen Poetik*.— *Budapest*, 1981, с. 87—92, 98, 103, 105, 107—108, 200 (на немецком языке).
20. *Proverbium Paratum*. *Budapest*. № 2, 1981 [Этот номер международного паремнологического журнала, издававшегося венгерским фольклористом В. Фойтом, посвящен Г. Л. Пермякову. Журнал содержит биографию ученого, список его работ и несколько рецензий на них.]
21. *Krikmann A. Grigori Permyakovi folkloristlikust pärandist*.— *Keel ja Kirjandus*. 1984, № 6 (на эстонском языке).
22. *Grzybek Peter*. *Paremiologische Untersuchungen* [рец. на:] *Paremiologische исследования*.— *Proverbium*. Yearbook of International Proverb Scholarship. The Ohio State University. № 2, 1985.
23. *Mieder Wolfgang* [Рец. на:] *Paremiologische исследования*. М., 1984.— *Slavic and East European Journal*, (29), 1985, с. 356—358 (на английском языке).
24. *Grzybek Peter*. 300 allgemeingebräuchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. Zielsprache Russisch, Hft 2, München, 1986, с. 61—63 (на немецком языке).
25. *Schellbach-Kopra Ingrid*. 300 allgemeingebräuchliche russische Sprichwörter und sprichwörtliche Redensarten. *Proverbium*. Yearbook of International Proverb Scholarship. The Ohio State University. № 3, 1986, с. 387—393 (на немецком языке).
26. *Krikmann Arvo*. *Paremiologische эксперименты* Г. Л. Пермякова. Препринт. Таллин, 1986 [Брошюра содержит результаты статистической обра-

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
От составителя	7
Классификация пословичных изречений. Система логической трансформации пословиц	11
О мотивировке общего значения сложных языковых форм	34
О смысловой трансформации некоторых фольклорных сюжетов и персонажей	58
К вопросу о структуре паремиологического фонда	80
О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений	107
О явлениях паремиологической омонимии и синонимии	135
О смысловом соответствии пословичных изречений	138
К вопросу о паремиологическом минимуме языка (на материале русских народных изречений)	143
О паремиологическом уровне языка и русском паремиологическом минимуме	143
О включении наиболее употребительных русских народных изречений в русско-иноязычные словари	145
Материалы для паремиологических экспериментов	149
500 наиболее употребительных русских пословичных изречений	154
75 наиболее употребительных русских сравнительных оборотов типа присловий	16
Приложения	17 ⁰
Универсальный тематический указатель	170
Примечания из сборника «Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов»	182
К вопросу об основной функции народных загадок и их научной классификации	201
Материалы из архива автора	205
О структуре паремиологического знака	205
Разрозненные заметки	207
Список литературы, использованной автором в работе над материалами сборника	222
Список трудов Г. Л. Пермякова и основных рецензий на них	232

Григорий Львович Пермяков

**ОСНОВЫ
СТРУКТУРНОЙ ПАРЕМИОЛОГИИ**

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Исследования по фольклору
и мифологии Востока»*

Редактор *И. Л. Елевич*
Младшие редакторы *А. В. Бодянская,
Н. Л. Петрова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 15926

Сдано в набор 10.11.87. Подписано к печати 19.04.88. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15. Усл. кр.-отт. 15. Уч.-изд. л. 15,96. Тираж 2500 экз. Изд. № 6149. Зак. № 839. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28